

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 31-12-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 31-12-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович — доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович — доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович — доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович — доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич – доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) – доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич – доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) – доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сценди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна — доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shorty@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jylarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрация ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музеиных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, yavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich — Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of

Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scandi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstraße 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstätt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO

University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod

State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-

in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq. 243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov
Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture
and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab.
Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the
Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str.,
66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management
(branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035,
Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031,
Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor
of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza,
99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher,
Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance,
53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

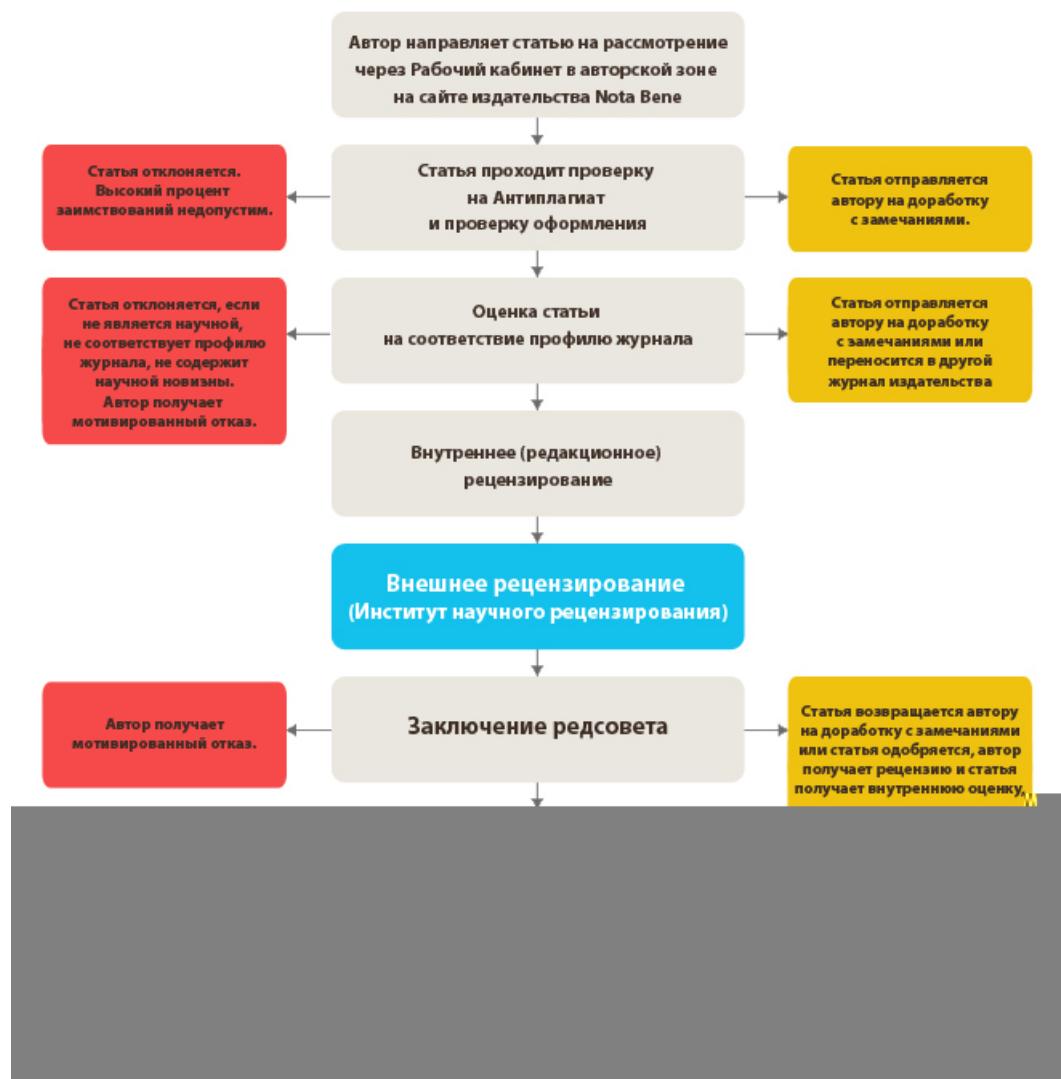
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Бурукина О.А. Перспективные подходы к исследованию ценностей в междисциплинарной парадигме	1
Зеленский А.А., Грибков А.А. Онтологические аспекты проблемы реализуемости управления сложными системами	21
Габдуллин И.Р., Орлова Е.В. Спонтанно-бессознательные формы мыслительных процессов: философско-психологические аспекты исследования	32
Михайлов И.А. Новая публичность: современные дискуссии в Германии	42
Подольский В.А. «Социальный вопрос» в политической философии Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и С.Л. Франка: сравнительный анализ концепций	53
Катунин А.В. Особенности применения навыков критического мышления в противодействии манипуляциям в современной коммуникации.	70
Свергузов А.Т. К вопросу о диалектике научного познания в отечественной философии: проблема рефлексии	83
Чжэн Я. Сравнительный анализ философско-исторических воззрений С.Л. Франка и В.В. Зеньковского	93
Чечеткина И.И. Связь математики и логики в структуре аксиоматизированных и формализованных теорий	109
Комиссаров И.И. Внешние аналогии в социально-философском познании: перспективы и ограничения подхода	121
Марцева А.В. Дискурс телесности и "аргументы" тела в творчестве Ф.М. Достоевского	138
Англоязычные метаданные	151

Contents

Burukina O.A. Promising approaches to the study of values in the interdisciplinary paradigm	1
Zelenskii A.A., Gribkov A.A. Ontological aspects of the problem of realizability of control of complex systems	21
Gabdullin I.R., Orlova E.V. Spontaneous-unconscious forms of thought processes: philosophical and psychological aspects of research	32
Mikhaylov I. New Transformations of the public Sphere: Contemporary Discussions in Germany	42
Podolskiy V. "Social question" in political philosophy of N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov and S.L. Frank: comparative analysis of concepts	53
Katunin A.V. Features of the use of critical thinking skills in countering manipulation in modern communication.	70
Sverguzov A.T. On the question of the dialectic of scientific knowledge in russian philosophy: the problem of reflection	83
Zheng Y. Comparative analysis of the philosophical and historical views of S.L. Frank and V.V. Zenkovsky	93
Chechetkina I.I. The connection of mathematics and logic in the structure of axiomatized and formalized theories	109
Komissarov I.I. External analogies in social and philosophical knowledge: prospects and limitations of the approach	121
Martseva A.V. The Corporeity Discourse and the Body "Arguments" in Fyodor Dostoevsky's Works	138
Metadata in english	151

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Бурукина О.А. — Перспективные подходы к исследованию ценностей в междисциплинарной парадигме // Философская мысль. – 2023. – № 12. – С. 1 - 20. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.68897 EDN: VZIWKF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68897

Перспективные подходы к исследованию ценностей в междисциплинарной парадигме

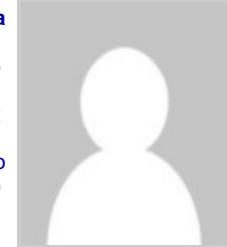
Бурукина Ольга Алексеевна

ORCID: 0000-0003-0496-3325

кандидат филологических наук

профессор, кафедра международного бизнеса, Университет бизнес-инноваций и устойчивого развития (UBIS Global)

20005, США г. Вашингтон Округ Колумбия, ул. Н Страт Нв, 1401

✉ obur@mail.ru

[Статья из рубрики "Аксиология: ценности и святыни"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.12.68897

EDN:

VZIWKF

Дата направления статьи в редакцию:

06-11-2023

Дата публикации:

05-12-2023

Аннотация: Проблема понимания «ценности» как философской категории и явления культуры и построения системы национальных ценностей особенно актуально на современном этапе развития российской культуры и менталитета в связи со сложившимся аксиологическим кризисом, который переживает современное российское общество и, как следствие, современная российская культура. В статье предлагается обзор концепций и подходов к исследованию ценностей в зарубежной и российской философии в XX-XXI вв. Автор прослеживает эволюцию понятия ценности на протяжении последних 120 лет, фокусируя свое исследование на современном этапе развития аксиологии и философии культуры – с конца XX в. по сегодняшний день. Особое внимание в статье уделяется сложности категориального анализа и трудности

определения понятия «ценность» на современном этапе развития философии с учетом эклектики в понимании и толковании ценностей в разных научных парадигмах: философской, культурологической, социологической, психологической и др. В статье анализируется непреходящее значение наследия выдающихся русских философов, а также вклад зарубежных философов в аксиологию и философию ценностей и выдвигается предположение, что парадигма философии культуры, разработанная Г. Риккертом, может стать концептуальной и методологической основой корректного постижения понятия ценности и выстраивания национальной системы ценностей, способной стать основой прогрессивного развития всех сфер бытия современного общества. Из широкого спектра исследований российских и зарубежных ученых, как современных, так и относимых сегодня к мэтрам философии, автором выявляются наиболее перспективные подходы к изучению ценностей и формированию системы национальных ценностей, отражающих наиболее значимые особенности национальной культуры и национального менталитета и способствующих устойчивому развитию каждого члена общества.

Ключевые слова:

понятие ценности, аксиология, философия ценностей, национальная система ценностей, междисциплинарная парадигма, трансформация ценностей, национальная культура, национальный менталитет, философия культуры, системный подход

Введение

В XXI веке под влиянием значительных геополитических, технологических, экономических и социальных изменений, оказывающих кардинальное влияние на развитие всего человечества на современном этапе, феномен ценностей как коллективных, так и индивидуальных вызывает повышенный интерес исследователей в самых разных научных парадигмах: философии, социологии, психологии, культурологии, педагогике и др.

Понятие «ценность» имеет основополагающее значение для существования людей в цивилизованных обществах. Современный мир требует взаимного уважения и понимания того, принимаются ли ценностно-смысловые ориентации в конкретных мыслях и поступках и разделяются ли основные ценности всеми заинтересованными сторонами, поскольку дивергенция общечеловеческих и национальных ценностей, их подмена раньше или позже прямо или латентно становятся причиной локальных конфликтов и глобальных катализмов.

Сегодня термин «ценность» / «ценности» используется в самых разных контекстах и имеет множество значений. «Ценность» может означать убеждения, принципы, моральные обязательства и социальные нормы, стандарты, побуждающие людей действовать тем или иным образом, а также желания, стремления, интересы и потребности.

Ценности служат ориентиром для человеческого поведения. Как правило, люди предрасположены к принятию ценностей, которые преподносились им с детства. Люди склонны считать эти ценности «правильными», потому что они являются ценностями их конкретной культуры.

Кроме того, термин «ценность» по-прежнему означает важность или значимость объекта

или явления. Такое изобилие различных значений встречается не только в обыденной речи, но и в дискурсе социологии, культурологии и других гуманитарных наук. Современные исследователи (В. Шохин, А.М. Жерняков, Н.С. Шарапова) подчеркивают, что определение понятия «ценность» само по себе становится серьезной проблемой [1–3]. Поэтому, на наш взгляд, необходимо проводить четкое различие, по крайней мере, между двумя обобщенными значениями, в которых используется термин «ценность»:

- а) предмет или явление, обладающее особой значимостью по результатам гипотетической или практической оценки, а также
- б) стандарты или критерии, по которым такая оценка производится.

Нетрудно заметить, что понимание ценности как предмета или явления, обладающего значимостью по результатам оценки, может быть применено к любому артефакту культуры, не разъясняя, впрочем, сути культурных ценностей, поэтому не является философским в строгом смысле этого слова.

Логичным следствием такой понятийной эклектики стала ситуация, в которой понятие ценности в современной философской и культурологической литературе используется в целом спектре значений, что порождает противоречивые основания не только для дальнейшего развития философии, в частности аксиологии, но и для современного развития российской культуры и российского социума.

Подходы к исследованию ценностей в отечественной философии

Рассмотрим исследование ценностей российскими философами XIX–XX в. Значительное влияние на философию ценностей и аксиологию имели идеи выдающихся русских философов, в первую очередь В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и И.А. Ильина. Системное исследование и анализ философских взглядов русских философов позволяют выявить их вклад в аксиологию и философию ценностей.

Хотя творчество указанных русских философов было разделено значительными временными промежутками, В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, С.Н. Булгакова и И.А. Ильина объединяет внимание к духовным ценностям. Однако русские философы уделяли внимание разным аспектам духовных ценностей. Так, Н.Ф. Федоров призывал к развитию универсальной этики, основанной на любви ко всем людям и заботе о благополучии каждого члена общества. Он считал, что эта этика должна охватывать все сферы жизни, включая отношения, работу, образование и политику [4].

В.С. Соловьев утверждал, что духовные ценности, включая духовную мораль и этику, должны основываться на вселенском духовном единении, и призывал стремиться к духовным и моральным ценностям, основанным на идеалах истины, добродетели и блага [5, с. 6]. Философия всеединства В.С. Соловьева стала источником развития философских концепций Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина и др.

С.Н. Булгаков придавал особое значение духовным ценностям и их связи с развитием души и ее преобразованием через веру, а также этическим принципам и преображению личности через взаимодействие с Богом. Философ исследовал религиозные и метафизические аспекты ценностей, особенно с точки зрения христианства. С.Н. Булгаков акцентировал значение религиозных ценностей при формировании моральной основы и этических принципов индивида и общества, при этом особое внимание он уделял таким религиозным ценностям, как братство, бескорыстие, милосердие и любовь к ближнему как основа нравственного развития человека и общества [6].

Вклад С.Н. Булгакова в философию ценностей заключается, в частности, в его анализе религиозных и метафизических аспектов ценностей, рассмотрении связи между духовными ценностями и моральной основой, а также в его представлении о гармонии, космическом порядке и смысле жизни. Философ видел ценность в духовном совершенствовании человеческого призвания и развитии личности на основе ценностей, связанных с верой, и развивал концепцию свободы и ценностей, связанных с духовными реалиями и высшим благом [\[6\]](#).

Н.А. Бердяев также придавал особое значение личности, отражающей индивидуальность и уникальность каждого человека. Он полагал, что ценности формируются через творческий процесс, и что индивидуальность предполагает возможность свободного нравственного выбора и развития. Одной из центральных тем в философии Н.А. Бердяева является человеческая свобода. Философ считал, что свобода имеет основополагающее значение для формирования нравственности и системы ценностей, лежащей в ее основе. Он представлял свободу как неповторимую и независимую сущность человека и полагал ее основой нравственного выбора, развития и самореализации [\[7\]](#).

К духовному преображению и озарению через веру в Бога и практику религиозных ценностей призывал и И.А. Ильин, разработавший концепцию духовных ценностей, призывая к утверждению этих ценностей в политической сфере. Философ полагал, что духовные ценности, а именно добродетель, семья, любовь, справедливость и духовное преображение являются источником и основой морали, и анализировал роль этих ценностей в формировании нравственности как для жизни индивида, так и для существования общества [\[8\]](#). Интересуясь вопросами общности и взаимосвязи ценностей, И.А. Ильин утверждал, что духовные ценности имеют внутренние связи и взаимозависимость, образуя цельную систему. Н.А. Бердяев также интересовался общественными ценностями и вопросами социальной справедливости. Он призывал к преодолению колlettивизма и реализации личной и колlettивной свободы в гармонии с принципами справедливости и братства. Н.А. Бердяев поддерживал концепцию свободы, позволяющую людям самостоятельно выбирать и придавать ценность определенным идеям и состояниям [\[9\]](#).

В отличие от большинства современных им западных философов, многие русские философы внесли значительный вклад в поиск истинных, или высших ценностей, то есть, по сути аксиоматических ценностей. Так, Н.Ф. Федоров предлагал нетривиальные идеи, включая концепцию всеобщего воскрешения и общественного труда, которые затрагивали проблематику высших ценностей и смысла жизни [\[10\]](#), а В.С. Соловьев исследовал роль религии, в частности христианства, в формировании истинных ценностей и морали, призывая к глубокому духовному сознанию и религиозному единению [\[5\]](#).

В.С. Соловьев утверждал, что истинные ценности и смысл жизни идут от всеединства различных сфер бытия. Философ придавал особое значение любви и гармонии в философии ценностей, а также утверждал, что истина и ценности происходят из духовного единения. Вклад В.С. Соловьева в философию ценностей заключается в его понимании духовного единства различных сфер жизни и призыва к возвышенным ценностям, связанным с гармонией, любовью и истиной [\[11, с. 45\]](#). В.С. Соловьев считал, что все ценности и добродетели неотделимы от любви, которая является космическим принципом, способствующим единению и сближению всех аспектов жизни [\[3\]](#).

Н.А. Бердяев отличался глубоким религиозным пониманием ценностей и их роли в человеческом опыте. Провозгласив необходимость культурного взаимодействия между религией, этикой и аксиологией для формирования нравственной основы человеческого общества, Н.А. Бердяев стремился вернуть религиозные ценности в центр внимания, утверждая, что они являются основой истинных и бессмертных ценностей. Он предлагал переосмысление классических этических теорий и возвращение философии ценностей к ее духовным корням [\[12\]](#).

Хотя именно Н.Ф. Федоров является автором основ философии русского космизма, С.Н. Булгаков исследовал взаимосвязь ценностей с космическим порядком и гармонией вселенной. С.Н. Булгаков призывал к гармоничному соединению духовных ценностей в космическом масштабе и утверждал, что эта гармония может быть достигнута через соответствующее духовное развитие и присутствие Бога [\[13\]](#).

Философия всеединства В.С. Соловьева также представляет собой вариант религиозно-мистического космизма, суть которого состоит в софийности мироздания, преображении космоса вследствие трансформации / преображения человечества в Богочеловечество [\[14\]](#). Космизм Н.А. Бердяева – основанная на человеческой интуиции идеалреалистическая концепция, которую можно охарактеризовать как теоантропокосмизм экзистенциального характера, способный отражать субъективный, чувственный, духовно-религиозный и интеллектуальный опыт философа [\[15\]](#).

Особую значимость русские философы придавали нравственности и справедливости как общественной и как индивидуальной ценности. Так, Н.Ф. Федоров придавал большое значение социальной справедливости и взаимопомощи как основе высших ценностей. Философ считал, что всеобъемлющая любовь и забота о других должны быть основой межличностных отношений и ориентировать общество на достижение высшего блага. Н.Ф. Федоров также разрабатывал идеи общественного труда и братства для достижения гармонии и справедливости в обществе. Он считал, что каждый член общества должен внести свой вклад в общее дело и заботиться о благодеянии всех людей, создавая условия для равенства, солидарности и сотрудничества [\[16\]](#).

В.С. Соловьев подчеркивал важность этики и нравственности для общества, справедливо полагая, что истинные ценности основаны на любви, доброте и справедливости, и выступал за развитие этической мысли и нравственных принципов в человеческом обществе [\[5\]](#). В свою очередь Н.А. Бердяев утверждал, что истинные ценности должны исходить из глубинной духовной свободы, являющейся неотъемлемой частью личности, и нравственного выбора человека, а не быть навязанными обществом или внешними системами ценностей [\[17\]](#). В то же время И.А. Ильин акцентировал значение морали, справедливости, созидающей любви и духовной добродетели в формировании ценностной основы общества [\[17\]](#).

Вклад русских философов в философию ценностей имеет непреходящее значение. Своей концепцией всеединства, объединяющей различные сферы человеческого опыта, включая религию, мораль, эстетику и политику, В.С. Соловьев оказал значительное влияние на развитие философии ценностей. Оригинальными идеями о всеобщем воскрешении, социальной справедливости, общественном труде и любви ко всем людям Н.Ф. Федоров поднял философию ценностей на новую высоту.

Вклад Н.С. Бердяева заключается в его понимании роли свободы, личности, религиозных аспектов и социальной справедливости в формировании и развитии

ценностей в сознании индивида и в обществе [\[18\]](#), а разработанные И.А. Ильиным концепция духовных ценностей (и их роли в формировании морали и общественного порядка) и концепция духовного восстановления России на основе обновления общественных ценностей и нравственной реконструкции оказали беспрецедентное влияние на развитие общественно-политической аксиологии [\[18\]](#).

Концепции В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, С.Н. Булгакова, Н.С. Бердяева и И.А. Ильина вдохновили многих отечественных и зарубежных философов и исследователей и продолжают оказывать влияние на развитие аксиологии и философии ценностей. Они исследовали природу человеческих ценностей, их место в этических рамках и взаимодействие между индивидуальной свободой и общественными интересами. Оригинальные подходы русских философов обогатили философию ценностей и аксиологию, бросив вызов традиционным взглядам и обеспечив четкое понимание сложности человеческих ценностей и этики. Их работы и идеи продолжают оказывать влияние на развитие аксиологии и общей философии ценностей.

Подходы к исследованию ценностей в зарубежной философии

Под воздействием научно-технического прогресса и социально-экономических факторов проблема осмыслиения понятия ценности становилась все более актуальной и для европейских мыслителей. В XIX и XX вв. практически каждый философ так или иначе обращался к проблематике ценностей.

Теория ценности получила значительное развитие и в западной философии XIX века. Инициатором нового этапа развития теории ценности по праву считается Р.Г. Лотце, который, будучи специалистом как в области естественных, так и в сфере гуманитарных наук, провел четкое различие между фактом и ценностью: факт, по мнению Р.Г. Лотце, является предметом изучения естественных наук, тогда как исследование ценности – прерогатива гуманитарных наук [\[19\]](#). Р.Г. Лотце принадлежит и заслуга размежевания бытия вещи и её значимости (Gelten). Основываясь, таким образом, на системном подходе, философия ценности Р.Г. Лотце и, в частности, концепция ценности как значимости вещи доминировала в немецкой философской мысли до конца XIX в.

Философов, исследовавших ценности после Р.Г. Лотце, можно разделить на две группы: тех, кто полагал, что ценности постигаются или создаются исключительно разумом, и тех, кто утверждал, что ценности являются эмпирическими характеристиками вещей или действий. Сосредоточим свое внимание на наиболее значимых концепциях ценности в зарубежной философии.

Одновременно с русскими философами вопросами непреходящих высших ценностей занимались и западные философы. Так, по М. Шелеру, ценостное бытие предмета не зависит от субъекта восприятия – напротив, оно предшествует восприятию, поскольку аксиологическая реальность ценностей существует до познания. По мнению основоположника феноменологической этики, разум не может измыслить ценности, а лишь организовать ценности в иерархию после познания (испытания) их опытным путем. При этом, по мнению философа, ценности не зависят от вещей, ведь одну и ту же ценность можно испытать с помощью множества объектов, а бесчисленные разновидности ценостного опыта имеют свой собственный скрытый порядок – порядок, основанный на любви ("ordo amoris"), кардинально отличный от порядка, созданного рассуждением [\[20\]](#). То есть, по сути, также как русские философы (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев), М. Шелер разрабатывал вопросы

аксиоматических ценностей.

В отличие от М. Шелера, Г. Риккерт полагал, что «о ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только что они значат (gelten) или не имеют значимости» [\[21\]](#). Следовательно, по мнению основателя баденской школы неокантианства, к ценностям относятся не предметы и явления действительности, ценности – это их значимость, придаваемая им субъектами и определяющая действия субъекта в каждом конкретном контексте. В соответствии с теорией ценностей Г. Риккерта, «ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности». По замыслу Г. Риккерта, ценности становятся критерием различия в научном познании процессов культуры от природных явлений [\[21\]](#).

М. Шелер, утверждавший, что ценности объективны, неизменны, априорны и неформальны, расположил их, а также их противоположности («дисценции» / антиценности) в пятиуровневой иерархии: (1) ценности удовольствия vs. дисценции неудовольствия, (2) ценности жизненной силы и благородства vs. дисценции неблагородного, (3) ценности разума (истина, красота, справедливость) vs. дисценции их противоположностей, (4) ценности святого vs. антиценности нечестивого и (5) ценности полезности vs. дисценции бесполезного [\[20\]](#).

В свою очередь Г. Риккерт, опираясь на аксиологический подход, выстроил иерархию ценностей, включающую в себя 6 самостоятельных и вместе с тем взаимосвязанных областей: (1) логику (научное познание), (2) эстетику (искусство), (3) пантеизм (мистику), (4) этику, (5) эротику (блага жизни) и (6) религию (теизм), и соответствующие им типы ценностей: истину, красоту, сверхличную святость, нравственность, счастье и личную святость). Таким образом, Г. Риккерт создает единство «действительность – ценности», которая, вполне логично, порождает этическую антитезу «сущее vs. должно»; при этом, по мнению ученого, философия становится наукой, когда исследует мир ценностей [\[21\]](#).

В феноменологии, критически преодолевшей трансцендентальную философию ценности неокантианства, ценность, по Э. Гуссерлю, выступает в качестве «интенционального объекта», то есть как «полный интенциональный коррелят оценивающего акта» [\[22\]](#).

Опираясь на идеи Э. Гуссерля и Э. Ласка о наличии интенциональной связи между формой объекта и его восприятием, М. Хайдеггер интерпретирует ценность, представляя её как соотносительную структуру прагматического мира и действующего в нем субъекта [\[23\]](#). При этом в отличие от ряда предшественников, М. Хайдеггер понимает ценность не как трансцендентность мира, а как **смысл жизненного мира**. Вслед за Э. Гуссерлем М. Хайдеггер критикует неокантианскую концепцию ценности, поскольку стремится дистанцироваться сразу и от объективистской, и от субъективистской философии ценности. Однако хайдеггеровская критика ценности не отрицает возможности развития аксиологии как части его философии.

Восприняв от предшественников концепцию значимости ценности, М. Хайдеггер, как и Р.Г. Лотце, и Г. Риккерт, уделил особое внимание понятию значимости, которое было положено в основу целого ряда современных определений понятия ценности, при этом М. Хайдеггер указывал на многосложность и проблематичность этого понятия, которое, по мнению немецкого философа, после Р.Г. Лотце «легко выдается за не редуцируемый далее “первофеномен”» [\[24\]](#). М. Хайдеггер полагал, что «значимость» как «идеальное

бытие» не «отличается онтологической ясностью». При этом значимость, также именуемая «значимость ценностного смысла суждения о подразумеваемом им «объекте»», сходится со значением «объективной ценности».

Согласно феноменологической интерпретации, ценности обладают объективной и духовной реальностью, выходящей за рамки субъективных предпочтений или конструктов. Продолжая развивать идеи Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, феноменологи М. Шелер, Н. Гартман, Р. Ингарден исследовали сущностную природу ценностей, их иерархическую структуру и значение в этической, эстетической и духовной сферах. Разрабатывая феноменологический подход, М. Шелер, Н. Гартман и Р. Ингарден внесли вклад в понимание ценностей как объективных духовных явлений, пролив свет на трансцендентные качества ценностей, заложенные в нашем опыте и восприятии мира.

Так, по концепции Н. Гартмана, ценность объективно-идеальна. Вслед за М. Хайдеггером Н. Гартман утверждал, что ценности объективно существуют в мире и не являются субъективными или зависящими от разума конструкциями, они обладают внутренней ценностью, независимой от человеческого восприятия или суждения. Ценности, согласно Н. Гартману, – это онтологические свойства, которые существуют независимо от того, признаются или ценятся они людьми.

По-своему интерпретировав идеи Г. Риккера об иерархии ценностей, Н. Гартман вводит концепцию градации ценностей, предполагая, что разные ценности обладают разной степенью онтологической значимости. Он утверждает, что ценности могут быть иерархически организованы в зависимости от уровня их объективной важности или ценности [\[25\]](#).

Бытие, по мнению Н. Гартмана, имеет четыре уровня: органическое, неорганическое, душевное и духовное. Философ выделил шесть фундаментальных совокупностей ценностей [\[26, с. 477\]](#):

- ценности блага, составляющие категорию полезного для человека;
- ценности удовольствия, относящиеся к категории «приятного»;
- жизненные ценности, основанные на органических жизненных процессах и стремлении к биологическому процветанию;
- эстетические ценности, отражающие понимание красоты и художественного выражения;
- нравственные ценности, основанные на социальных и культурных аспектах, включая этические нормы и моральные принципы;
- познавательные ценности, относящиеся к интеллектуальным занятиям, знаниям и рациональным поискам истины и понимания.

Таким образом, совокупности ценностей Н. Гартмана во многом пересекаются с иерархией ценностей Г. Риккера, также включавшей в себя научное познание, эстетику, этику и блага жизни. При этом Н. Гартман утверждал, что ценности играют решающую роль в этике, критикуя утилитарные подходы к этике, полагающиеся исключительно на максимизацию субъективных предпочтений или полезности [\[26\]](#). Этические суждения основаны не только на субъективных предпочтениях или произвольных решениях, но и основаны на объективном существовании ценностей. Философ подчеркивал важность признания и использования объективных ценностей при принятии моральных решений.

Концепция ценности Н. Гартмана представляет собой важный вклад в философский дискурс, утверждая объективную онтологическую природу ценностей и их значение в этических соображениях [\[27\]](#). Его точка зрения бросает вызов чисто субъективистскому

или релятивистскому пониманию ценностей, подчеркивая существование объективной ценности, независимой от индивидуальных точек зрения.

Согласно феноменологической интерпретации, ценности обладают объективной и духовной реальностью, выходящей за рамки субъективных предпочтений или конструктов. Современные зарубежные философы-аналитики принадлежат к обоим направлениям – сторонников рационального постижения ценностей и апологетов эмпирического направления. Их основное отличие от предшественников в том, что они ограничивают свои исследования языком, используемым для утверждения или рекомендации ценности. Некоторые метафизики отвергают это ограничение и предлагают основания для рассмотрения ценностей как онтологически основополагающих явлений.

Концепции классиков западной философской мысли Р.Г. Лотце, Г. Риккерта, Э. Гуссеря, М. Хайдеггера, Н. Гартмана стали основополагающими для развития современной философской мысли в первую очередь в Западной Европе и Северной Америке. Их вклад в развитие философии ценностей и аксиологии невозможно переоценить, в первую очередь, благодаря их более широкому пониманию ценностей, выходящему за рамки простого удовольствия или полезности, и попыткам объяснить существование объективной ценности, присущей самим ценностям.

Подходы к исследованию ценностей в парадигме гуманитарных наук

В XX в. ценностные установки стали предметом исследования в рамках целого ряда методологических подходов: психологического, социологического, «натуралистического», логико-семантического, теологического. Но особенно плодотворным оказался феноменологический подход. Философия обеспечивает единство исследовательской парадигмы для изучения ценностей – в совокупности исторической основы, контекстуальной актуальности и современной реальности.

По мнению Н.М. Суэтиной, на современном этапе развития философии сформировались три подхода к исследованию концепций ценности, а именно историко-антропологический, основывающийся на убеждении, что любая человеческая культура имеет в своей основе систему ценностных ориентаций; социолого-культурологический, приписывающий каждому народу конкретную совокупность ценностей, лежащую в основе неповторимой картины мира, и философско-культурологический подход [\[28\]](#), согласно которому «ценности являются ядром культуры, <...> и культура, взятая в аспекте своего ядра, представляет собой сложную иерархию ценностей» [\[29\]](#).

Обилие исследовательских парадигм привело к некоторой эклектичности, а иногда и противоречивости полученного знания. Так, трудно согласиться с мнением В.А. Гневашевой, утверждающей, что «общественные (социальные) ценности – чувственное восприятие явлений согласно системе мировоззрения, полученной в процессе социализации в обществе» [\[30, с. 10-11\]](#), поскольку восприятие, понимаемое как «чувственное познание предметов и объективных ситуаций, субъективно представляющееся непосредственным», [\[31\]](#) – это когнитивный процесс, а не понятийная универсалия, указывающая на личностную и/или социально-культурную значимость конкретных объектов или явлений.

Вряд ли можно согласиться и с утверждением, что «абсолютные ценности – интуитивно воспринимаемые явления, тождественные добродетели» [\[30\]](#), поскольку, во-первых, далеко не все абсолютные ценности – «интуитивно воспринимаемые явления». Так, например, ребенок, родившийся в тюрьме, не воспринимает «интуитивно» свободу как

ценность, поскольку не подозревает о ее существовании; еще сложнее обстоит дело с интуитивным восприятием *истины* как сверхличностной ценности. По определению Л.И. Василенко, абсолютные ценности «не культурно обусловлены, а происходят из высшего трансцендентного источника» [\[32\]](#), но человеческое восприятие по большей части обусловлено культурой, в которой человек воспитывался. Именно поэтому абсолютные ценности не воспринимаются (тем более интуитивно), а осмысливаются. Ведь, как справедливо заметил Н.О. Лосский, полноту бытия трудно воспринять, поскольку в личном восприятии каждого человека она всегда будет чем-то ограничена, но ее можно осмысливать и «переживать» [\[33\]](#).

Так же как Г. Риккерт в свое время предложил исследовать ценности на основе этической антитезы «сущее vs. должное», современный исследователь М.Б. Холбрук, один из лидеров интерпретативизма, выступая в своих исследованиях против неопозитивистской школы, предложил типологию ценностей, основываясь на феноменологической оппозиции «Я vs. Другой», что позволило разделить ценности на две группы (1) по источнику возникновения: *внешнюю* (функционально служащую средством достижения какой-либо цели) и *внутреннюю* (служащую самооправданной целью сама по себе) и (2) по направленности: ценностью, ориентированной на себя (воздействие на индивида / отдельного потребителя) и ценностью, ориентированной на другого (воздействие на других людей) [\[34\]](#).

Хотя исследования М.Б. Холбрука как не сконцентрированы на разработке именно концепции ценности, а в большей степени посвящены исследованию эмоционально обусловленного потребительского поведения, его работы включают ценную информацию о многогранной природе восприятия ценностей и их влиянии на принятие решений потребителями.

Философия консюмеризма и трансформация национальных ценностей

Хотя постмодернизм принес с собой прогрессивные идеи (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Э. Левинас, Ж.-Ф. Лиотар) и, в первую очередь, веру в прогресс и всемогущество разума, он стал причиной надлома ценостной системы модерна. Кроме того, подвижность и фрагментация, за которые выступал постмодернизм, подняли вопросы о природе идентичности, сообщества и общих ценностей. Преодоление постмодернизма предполагает выход за пределы его ограничений при одновременном признании его достижений. Возможными путями преодоления ограничений постмодернизма выступают критический реализм и прагматизм.

В последние 30–35 лет система ценностей, традиционно присущих российскому обществу, подвергалась значительным трансформациям как по политическим, так и по социально-экономическим причинам. Так же, как в 1917–1939 гг. дискредитировались достижения Российской империи, а значит, и многие ее исторические и социально-экономические победы, с 1990 г. и по сей день дискредитируются основные достижения и ценности Советского Союза, что представляется лицам, принимающим решения, и в том числе представителям российских средств массовой информации, главным (если не единственным) инструментом «перестройки» мировидения граждан Российской Федерации и их более «интенсивной интеграции» в новые экономические условия – условия «свободного рынка». При этом трансформация системы традиционных ценностей российского общества сопровождалась (и сопровождается – прим. О.Б.), как верно указывает С.Г. Дембицкий, «тщетными поисками “национальной идеи”» [\[35\]](#), способной стать основой системы национальных ценностей в XXI в.

Переоценка ценностей и их трансформация происходила и происходит на наших глазах, в том числе, под влиянием философии консюмеризма. Разумеется, консюмеризм как явление социально-экономическое и философское (философию консюмеризма), нельзя трактовать однозначно как детриментальное, поскольку в экономическом плане консюмеризм / потребительство, стимулируя экономический рост, создает целый ряд положительных тенденций, в том числе наращивает производство и создает рабочие места, приводит к увеличению богатства коммерческих компаний и транснациональных корпораций, способствует конкуренции между компаниями, увеличивает разнообразие товаров и услуг, повышает качество жизни людей (по крайней мере, некоторой части общества). Но как любое масштабное экономическое явление (к тому же достаточно противоречивое) консюмеризм «меняет моральную ткань общества» и, в первую очередь, систему индивидуальных, а затем и национальных ценностей (по закону перехода количественных изменений в качественные в диалектике Г.В.Ф. Гегеля).

В современном обществе степень свободы выбора его членов значительно возросла, в то время как социальные обязательства, традиционно связывавшие их друг с другом, заметно ослабли. Как верно заметил Ф. Фукуяма, «индивидуализм – фундаментальная ценность современного общества – незаметно начинает переходить от гордой самостоятельности свободных людей в род замкнутого эгоизма, для которого целью становится максимизация персональной свободы без оглядки на ответственность перед другими людьми» [\[36\]](#).

Довольно резко, но при этом весьма правдоподобно описал современную ситуацию трансформации национальных и общечеловеческих ценностей, ведущий мусульманский философ Сейед Хоссейн Наср: «Мы живем среди руин в Мире, в котором, как выразился Ф. Ницше, “умер Бог”. Идеалы сегодняшнего дня – комфорт и целесообразность, поверхностное знание и пренебрежение к наследию и традициям своих предков, угодничество самым низким стандартам вкуса и интеллекта, апофеоз убогости, накопление материальных предметов и имущества, неуважение ко всему, что по сути своей выше и лучше, – иными словами, полное извращение истинных ценностей и идеалов и поднятие победного знамени невежества, знамени вырождения. В такое время общественный упадок настолько распространен, что кажется естественным компонентом всех политических институтов» [\[37\]](#).

Очевидно, что национальная система ценностей непосредственно связана с традиционными нравственными ценностями. В связи с этим уместно вспомнить, что нравственная ценность, как её понимали русские философы, а также М. Шелер и Н. Гартман, принадлежит исключительно волеизъявлениям, или волениям, предрасположенностям к воле и личностям как существам, способным волеизъявлять. Более того у Э. Гуссерля, Н. Гартмана и М. Шелера *каждое воление* (курсив наш – О.Б.) обязательно включает в себя если не действительные ценности, то ссылку на сохраненные ценности и потенциальные ценности, а также на когнитивные ментальные феномены. Черта разума может иметь нравственную ценность – в отличие, например, от полезности – только в той мере, в какой она задействована или может быть или могла бы быть задействована и, таким образом, осуществлена личностью или эго, разуму которого эта черта принадлежит [\[38\]](#). То есть, по мнению основоположников европейской феноменологии, в волеизъявлениях личностей проявляются нравственные ценности, и каждое волеизъявление так или иначе отражает определенные ценности как систему личностных ориентаций.

Однако система национальных ценностей не является простой совокупностью личностных

ценностей представителей нации. Создание системы национальных ценностей – процесс системный, многоуровневый, продолжительный и гораздо более трудоемкий, чем процесс их разрушения, продолжающийся и сегодня в деформированной аксиосфере российских СМИ. Но система национальных ценностей, будучи частью национальной культуры, не остается неизменной, поскольку, как справедливо заметил С.С. Цороев, «процесс развития культуры сопряжен с переоценкой ценностей» [\[29, с. 10\]](#).

Перспективы исследования ценностей

Таким образом, на протяжении столетий ценности как концептуальные понятия, а также как нематериальные и материальные феномены интенсивно исследовались в разных научных парадигмах, в результате чего были выработаны различные концепции и интерпретации, обусловившие отсутствие ясности в отношении фундаментальных характеристик ценности. Как верно заметил Д.А. Сени, теории ценностей различаются по широте и уровню общности, при этом философские теории рассматриваются как более общие, а теории, разработанные в лоне прикладных наук (психологи, социологии, культурологии и др.), – как более конкретные [\[39\]](#).

С другой стороны, сегодня системы национальных ценностей во многих странах, включая Российскую Федерацию, подвергаются активным трансформационным процессам, поскольку лицам, принимающим решения, представляется более логичным и практичным трансформировать национальную систему ценностей (вплоть до полного отказа от некоторых из них), чем изменить объективную реальность, вступающую с ними в противоречие.

Мы полагаем, что в парадигме каждой из научных дисциплин исследования ценностей будут продолжаться и с учетом современного контекста интенсифицироваться, привнося новые идеи, способствуя приращению знаний и тем самым развивая эти научные направления, однако нам кажется очевидным, что пришла пора «перехода количества в качество» – то есть для перехода на новый уровень исследования ценностей необходим подход, который мог бы примирить апологетов разных научных направлений.

Нынешний культурный кризис представляет как проблемы, так и возможности для преодоления социальных проблем и изучения альтернативного будущего. В связи с нарастающими тенденциями постгуманизма и техногенной цивилизации вырисовывается несколько перспектив.

Преодоление культурного кризиса требует тщательного этического рассмотрения. Поскольку достижения в области технологий продолжают переопределять наше понимание того, что значит быть человеком, крайне важно решить этические проблемы, связанные с конфиденциальностью, безопасностью данных, равенством и возможностью технологического наблюдения и контроля. Необходимо обеспечить, чтобы эти новые события соответствовали гуманистическим ценностям и уважали права человека.

Культурный кризис усугубляется из-за разрыва между индивидуальным и коллективным благополучием и движимой рынком потребительской культурой. Преодоление этого кризиса предполагает переосмысление общественного прогресса и установление приоритета человеческого процветания над материальным накоплением.

Перспективной основой для консенсуса нам представляется аксиоматический подход, основанный на аксиомах как принципах, принятых на основании их внутренних достоинств и являющихся предпосылкой и отправной точкой для рассуждений. Аксиоматический подход предлагает, с одной стороны, совокупность аксиом как общих

правил, позволяющих описывать ценность в любом контексте и тем самым передавать фундаментальные характеристики описываемых явлений, а с другой – выявлять наиболее значимые для конкретного общества *аксиоматические ценности*, понимаемые как принципы, принятые руководящими большинством членов общества на основании их внутренних достоинств.

Опираясь на точку зрения критического реализма на ценность как философскую категорию и на ее интерпретацию, мы вслед за Н. Решером полагаем, что аксиоматические ценности, понимаемые как правила, объективные в своей основе и универсальные в своей применимости [\[40\]](#), могут использоваться в качестве основы для развития обобщенного понимания ценности, с одной стороны, и конкретного объяснения ценности в выбранном контексте, с другой.

Весьма многообещающей в этом контексте нам видится совокупность аксиоматических характеристик ценности, выведенных М. Ребером, А. Даффи и Л. Хей в результате индуктивного исследования. Предложенные британскими исследователями аксиоматические характеристики ценности постулируют, что ценность, будь то общественно значимая или индивидуальная, (1) связана с людьми, (2) является результатом когнитивного процесса, (3) требует процесса определения; (4) конкретизируется ситуацией; (5) интерпретируется субъектами, и связана с (6) объектами и (7) критериями [\[41\]](#).

Таким образом, аксиоматический подход позволяет выявить аксиоматические характеристики ценности, или *ценностные аксиомы*, имеющие универсальный характер и применимые к исследованию любых явлений, подпадающих под категорию ценности, и в то же время обосновывает необходимость сосредоточить внимание на ценностях, наиболее значимых для каждого конкретного общества (культуры или даже ситуации) – то есть на аксиоматических ценностях.

Таким образом, по нашему определению, ценостная аксиоматика конкретного общества представляет собой, с одной стороны, совокупность ценостных аксиом вместе с ключевыми объектами и основными отношениями между ними, а с другой – совокупность аксиоматических ценостей, под которыми мы понимаем основополагающие ценности конкретного человеческого общества (сообщества), разделяемые всеми его членами или, по крайней мере, его подавляющим большинством.

При этом, поскольку аксиоматические ценности тесно взаимосвязаны, отвержение большинством членов общества (сообщества) всех или некоторых аксиоматических ценостей ведет к трансформации всей системы.

В связи с этим мы полагаем, что, во-первых, аксиоматические ценности в восприятии россиян разных поколений существуют как интегральная система в структуре их личностей, отражающая их жизненные стимулы и обуславливающая формирование жизненных установок, относительно устойчивая к изменяющимся условиям жизненного пространства, и во-вторых, аксиоматические ценности российского общества подвержены изменениям в результате трансформационных процессов, происходящих, в том числе, под воздействием изменяющейся аксиосферы российского телевидения.

Заключение

Таким образом, вклад философов, рассмотренных в данной статье, в философию ценностей и аксиологии, является весьма существенным. Их разнообразные подходы расширяют наше понимание этических основ, природы ценностей и роли ценностей в

формировании жизни индивидов и социальной жизни сообществ. Их исследования продолжают оказывать значительное влияние на современную философию ценностей и аксиологию и активизировать дебаты по этике, морали и стремлению к осмысленной жизни.

Западные философы XX-XXI вв. внесли значительный вклад в развитие философии ценностей и аксиологии, преодолев трансцендентальную философию ценности неокантианства, исследовав сущностную природу ценностей, их иерархическую структуру и значение в этической, эстетической и духовной сферах и разрабатывая феноменологический подход, что позволило им обогатить наше понимание этики, морали и природы ценностей.

Вклад русских философов в философию ценностей заключается в исследовании роли ценностей в человеческом опыте, их связи с моралью, религией, свободой и духовностью. Они помогли расширить понимание ценностей и их значения в обществе, а также акцентировали важность собственного выбора ценностей и их основания в человеческой свободе и индивидуальности. Идеи русских философов и сегодня оказывают непреходящее влияние на развитие современной аксиологии и общей философии ценностей. Изучение их оригинальных трудов помогает глубже понять разработанные ими ценностные системы.

Каждый из философов, чьи исследования проанализированы в данной статье, расширил понимание философии ценностей и аксиологии и предложил уникальные идеи и концепции, которые до сих пор оказывают влияние на философские исследования. Изучение их идей и концепций позволяет глубже понять разнообразие подходов к системе ценностей и их воздействие на осмысление человеческого существования и культуры.

Как справедливо утверждал международно признанный психолог-консультант и автор бестселлеров Идову Коеникан, «высокоразвитая система ценностей подобна компасу. Она служит проводником, указывающим вам правильное направление, когда вы заблудились» [\[42\]](#).

Комментируя реализм в искусстве XX в. и замысловатую эстетику XXI в., очень точно высказался о трансформации ценностей в современном обществе бельгийский художник-новатор Эрик Певернажи [\[43\]](#): «Когда мы больше не можем разделять наши ценности, и наши зарождающиеся намерения становятся размытыми, общее понимание может превратиться в непоправимое непонимание. Если дух общих взглядов и обязательств необратимо сломлен, мы очевидно можем погрузиться в подозрение, раскаяние или сожаление. Таким образом, совместные инициативы должны быть аргументированы и хорошо продуманы, чтобы “понимание” не превратилось в “непонимание”, а “надежда” не распалась на “разбитые сердца”».

В стратегическом аспекте трансформация национальных систем ценностей может в конечном итоге неблагоприятно сказаться на национальной культуре и национальном менталитете, без которых существование и прогрессивное развитие нации не представляется возможным. Национальные системы ценностей – хрупкие конструкции, они нуждаются в пристальном внимании, выстраивании и поддержке.

Библиография

1. Шохин, В. (1998). Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты // Альманах «Альфа и Омега», №№ 17, 18. Эл. ресурс:

- <https://www.pravmir.ru/klassicheskaya-filosofiya-tsennostey/> Дата обращения – 21.5.2022. 2.
2. Жерняков, А.М. (2008). Понятие «ценность» в социально-философском осмыслении действительности. Дис... канд. филос. наук: 09.00.11 – социальная философия. – М.: МГУ.
 3. Шарапова, Н.С. (2015). Понятие «гуманистические ценности» как философская проблема // В Вышеславцевские чтения. Тамбов: ТГУ имени Г.Р. Державина, 17.06.2015. – Эл. ресурс: https://tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/vseross/17_06_2015_v_vysheslavtsevskie_chteniya/ponyatie-gumanisticheskie-tsennosti-kak-filosofskaya-problema/. Дата обращения – 24.5.2022.
 4. Фёдоров, Н.Ф. (1906). Философия общего дела: Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изд. под ред. В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона. Т. 1-2. Том I. – Верный: Тип. Семиречен. обл. правл.
 5. Горин, А.Ю. (2008). Аксиология всеединства В.С. Соловьёва и её влияние на развитие отечественной духовной культуры. Дис... канд. филос. н.: 24.00.01 – теория и история культуры. – Саранск: РГППУ.
 6. Зинковский, С.А., Зинковский, Е.А. (2022). Богословское понимание единства Прот. Сергием Булгаковым в свете богословия личности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – С. 117–140.
 7. Литчфилд, К.Э. (2007). Свобода человека в философии Н.А. Бердяева: этические и метафизические аспекты. Дис... канд. филос. н.: 09.00.05 – этика. – СПб: СПбГУ.
 8. Музафарова, Н.И. (2018). И.А. Ильин о духовно-нравственных ценностях и образовании личности // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – С. 76–81.
 9. Бердяев, Н.А. (1937). Человеческая личность и сверхличные ценности // Современные записки, XLIII. – Париж.
 10. Чернокоз, М.Ф. (2016). Идея всеобщего воскрешения в философии Н.Ф. Фёдорова // Слово.ру: Балтийский акцент. – С. 80–86.
 11. Моисеев, В.И. (2002). Логика всеединства. – М.: Пер Сэ.
 12. Кузьмина, Т.А. (2008). Экзистенциальная этика Н.А. Бердяева // Этическая мысль, Выпуск 8. – М.: Институт философии РАН. – С. 87–127.
 13. Чекмарев, В.В. (2011). Значение наследия С.Н. Булгакова для современного человека // Экономика образования, №3. – С. 187–191.
 14. Русский космизм как феномен мировой философии. Религиозный и естественнонаучный космизм // История российской философии. Эл. ресурс: https://studwood.net/515014/filosofiya/istoriya_rossiyskoy_filosofii: Дата обращения: 16.10.2023.
 15. Ковалева Г.П. Теоантропокосмизм в философии Н.А. Бердяева // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки, №3(69), 2009. – С. 125–137.
 16. Бердяев, Н.А. (1995). Религия воскрешения («Философия общего дела» Н.Ф. Фёдорова) / Грэзы о Земле и небе. – СПб.
 17. Шевцова, Н.П. (2005). Проблема ценности в творчестве Н.А. Бердяева и И.А. Ильина: общее и особенное. Дис... канд. филос. н.: 24.00.01 – теория и история культуры. – М.: МГумУ.
 18. Забнева, Э.И. (2021). В поисках личности (актуальность философии Н. Бердяева) // Философия и культура, №4. – С. 29–33.

19. Beiser, F.C. (2013). Late German Idealism: Trendelenburg and Lotze, Oxford: Oxford University Press, pp. xi + 333.
20. Scheler, Max (1992). Translated and edited by Harold J. Bershady. *On Feeling, Knowing, and Valuing. Selected Writings*. Chicago: University of Chicago Press.
21. Риккерт, Г. (1998). Науки о природе и науки о культуре. – М.: «Республика».
22. Гуссерль, Э. (2016). Формальная аксиология. Фрагмент из книги «Лекции по этике и учение о ценности» (1908–1914) / пер с нем яз. Т. А. Терентьевой // Эпистемы: Сборник научных статей. Вып. 11. – Екатеринбург: Макс-Инфо. – С. 126–137.
23. Philipse, H. (2002). Questions of method: Heidegger and Bourdieu. *Revue internationale de philosophie*, 220. – С. 275–298.
<https://doi.org/10.3917/rip.220.0275>.
24. Хайдеггер, М. (1997). Бытие и время. Перевод В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem. – 451 с.
25. Гартман, Н. (1995). Философско-историческое введение / Гартман Н. Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе. (Перевод А. Н. Малинкина) // Культурология. ХХ век: антология / Сост. С. Я. Левит. – М. – С. 608–648.
26. Гартман, Н. (1958). Эстетика. – М.: Иностранный литература.
27. Мировоззренческая парадигма в философии (2018). Основоположения онтогносеологии: [Электронный ресурс]: монография: / Рук. авторского колл. и отв. редактор – проф. М.М. Прохоров. – Нижний Новгород: ННГАСУ. – 269 с.
28. Сутина, Н.М. (2008). Ценность и ценностные ориентации: концептуализация различных подходов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.
29. Цороев, С.С. (2011). Ценности в культуре обновляющегося общества как философско-культурологическая проблема. Дис... канд. филос. наук: 24.00.01 – теория и история культуры. – Ростов-на-Дону: Южный фед. ун-т.
30. Гневашева, В.А. (2014). Онтологическое основание ценности в проблеме личностного становления современной российской молодежи: Монография. – М. Эл. ресурс:
https://www.academia.edu/30597993/Онтологическое_основание_ценности_в_проблеме_личностного_становления_современной_российской_молодежи. Дата обращения – 26.5.2022.
31. Восприятие (2019). Новая философская энциклопедия. Эл. ресурс:
<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01169f50a869a638698d4d16>. Дата обращения – 27.5.2022.
32. Василенко, Л.И. (1996). Краткий философско-религиозный словарь. – М.: Истина и жизнь. – 256 с.
33. Лосский, Н.О. (1931). Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. – Париж: Ymca-Press. Эл. ресурс:
http://www.odinblago.ru/cennots_i_bitie/3. Дата обращения – 28.5.2022.
34. Holbrook, M.B. (2006). Consumption Experience, Customer Value, and Subjective Personal Introspection: An Illustrative Photographic Essay, *Journal of Business Research*, Vol. 59, No. 6, pp.714–725.
35. Дембицкий, С.Г. (2004). Формирование социально ориентированной рыночной экономики в Российской Федерации. Дис... д-ра экон. наук: 08.00.01 – экон. теория. – М.: Военный университет, 519 с.

36. Фукуяма, Ф. (2004). Великий разрыв. Пер. с англ. под общ. ред. А.В. Александровой. – М: Изд-во: ACT: ЗАО НПП «Ермак». – 474 с.
37. Chittick, W. (2007). The Essential Seyyed Hossein Nasr. Ed. and Introduced, Bloomington, In: World Wisdom.
38. Jordan, R.W. (1997). The Part Played by Value in the Modification of Open into Attractive Possibilities. In: Hart, J.G., Embree, L. (eds) Phenomenology of Values and Valuing. Contributions to Phenomenology, Vol. 28, Springer, Dordrecht.
39. Seni, D.A. (2007). The Technological Theory of Value: Towards a Framework for Value Management, Value World, Vol. 30 No. 2, pp. 1–15.
40. Rescher, N. (1982). Introduction to Value Theory, Rowman & Littlefield, Totowa.
41. Reber, M.; Duffy, A. & Hay, L. (2019). Axioms of Value. International Conference on Engineering Design, ICED19 5–8 August 2019, Delft, the Netherlands.
42. Koyenikan, I. (2016). Wealth for All: Living a Life of Success at the Edge of Your Ability. Grandeur Touch, LLC, 164 pp.
43. Pevernagie, E. (2022). "The unbreakable code". Retrieved from <https://www.goodreads.com/quotes/tag/values? page=2>. Accessed 29.5.2022

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Содержание рецензируемой статьи не соответствует своему называнию сразу в двух отношениях. Во-первых, в названии автор обещает читателю указать на «перспективные подходы» в исследовании проблемы ценностей, между тем, в действительности он лишь перечисляет хорошо известные суждения о понятии ценности, большая часть которых давно вошла в учебники. Во-вторых, автор упоминает в названии и о «междисциплинарной парадигме», но в самом тексте он не говорит ясно ни о том, в чём же она состоит, ни, тем более, не показывает, что могло бы дать обращение к этому понятию для рассмотрения проблемы ценностей. Текст по своему характеру напоминает реферат, автор описывает «подходы» к избранной теме в «отечественной» философии, в «зарубежной» философии (почему их в этом случае требуется непременно разделять?), и при этом называет множество имён, фактов, и т.п., остаётся непонятным, зачем автор предлагает весь этот материал, поскольку он даже не предпринимает попытку его анализа и не формулирует собственной мысли, в контексте которой, может быть, этот материал и в самом деле мог бы оказаться интересным читателю. Разумеется, историко-философские и в целом историко-культурные основания в существенной степени определяют успех всякого «актуального» исследования, но в данном случае они остаются невостребованными, никак не влияют на получение собственного результата. В следующем пункте автор переходит к «парадигме гуманитарных наук» (это то же самое, что обещанная «междисциплинарная парадигма?»), но и здесь, как, впрочем, и в изложении двух последних пунктов, характер изложения материала не меняется, – «подходы», имена, частные суждения и т.п. Складывается впечатление, что автор чуть ли не намеренно подыскивает «вздорные» реплики, чтобы самому легче было их опровергнуть, например: «трудно согласиться с мнением В.А. Гневашевой, утверждающей, что «общественные (социальные) ценности – чувственное восприятие явлений согласно системе мировоззрения, полученной в процессе социализации в обществе». Разумеется, с подобными никчёмными фразами согласиться невозможно, но

зачем их вообще цитировать? Если бы автор сдержаннее подходил к выбору «собеседников», и список литературы выглядел бы не столь объёмным и в большей степени соответствовал бы избранной теме. Неудивительно, что «выводы» всего изложения оказываются далеки от оригинальности, на которую, повторим, читатель мог бы надеяться исходя из названия статьи: «вклад философов, рассмотренных в данной статье, в философию ценностей и аксиологии, является весьма существенным. Их разнообразные подходы расширяют наше понимание...», и т.д. с «детализаций» по всем указанным выше пунктам. Приходится констатировать, что подготовка представленной статьи остановилась на стадии «сбора материала», автору следует постараться понять, какую же мысль он намеревается предложить читателю, которая соответствовала бы установке на формулирование «перспективных подходов» в исследовании ценностей. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена исследованию ценностей, что в настоящее время является одним из актуальнейших вопросов в связи с историческими событиями, сменой парадигм и дискурсов не только в отечественной культуре, но и в глобальном межкультурном пространстве. Частое использование в медийной риторике таких понятий, как «европейские ценности» или «традиционные ценности», безусловно, обусловливает необходимость научного переосмыслиния этих концептов. В связи с этим статья отвечает насущным потребностям текущего момента, особенно ценно сопоставление аксиологических традиций, сложившихся в западной и русской философии. Однако с методологической точки зрения, сам способ обзора подходов к исследованию ценностей не соответствует жанру научной статьи, а скорее представляет энциклопедический справочник или словарь. Научное исследование предполагает концептуальное осмысливание материала, его обобщение и выведение неких формул, критериев и т.д., поэтому рекомендуется переработать первый и второй разделы, где идет простое перечисление известных концепций, возможно, используя компаративистский метод, противопоставляя положения или расставляя акценты. Общая описательная стратегия автора не позволяет выявить его собственные мысли, что снижает степень новизны и оригинальности исследования. Во второй части статьи позиция автора становится более четко выраженной, где он обосновывает аксиоматический подход как основу для достижения консенсуса между различными аксиологическими подходами. Однако, исходя из определения, данного автором, о том, что совокупность аксиоматических ценностей может подвергаться изменениям в долгосрочной перспективе, в отличие от неизменности совокупности самих ценностных аксиом, не возникает ли здесь противоречия или логического парадокса? Этот тезис требует более подробного разъяснения с привлечением конкретных примеров, иначе складывается впечатление о неизбежности релятивизма. Из-за противоречивости этого постулата, вывод тоже оказывается не совсем ясным: «трансформация традиционных систем ценностей далеко не всегда благотворно влияет на национальную культуру и национальный менталитет». Кроме того, хотелось бы увидеть в исследовании контекст осмысливания ситуации преодоления постмодерна и перспектив выхода из сложившегося культурного кризиса, в том числе в связи с нарастающими тенденциями постгуманизма и другими проявлениями техногенной цивилизации. В целом текст производит положительное впечатление, стиль изложения четкий и хорошо воспринимается при чтении, в том числе благодаря

структурированности и разделению на смысловые блоки. Содержание статьи всецело соответствует заявленной проблематике. Вопросы вызывает слишком обширный список использованной литературы из 50 пунктов, что для научной статьи избыточно, поскольку цитирование всех указанных источников обязательно. В целом статья представляет интерес, и может быть полезна для широкого круга читателей с учетом доработки на основе всех перечисленных замечаний.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Перспективные подходы к исследованию ценностей в междисциплинарной парадигме» выступает ценность как философская проблема. Автор обращается к анализу различных подходов к определению природы ценностей. Совершенно справедливо замечая, что сегодня термин «ценность» / «ценности» используется в самых разных контекстах и имеет множество значений, указывает на необходимость прихода к консенсусу в понимании этого философского и этического понятия.

Методология, применяемая автором в исследовании, ориентирована на историко-философский подход, в котором сочетается последовательное рассмотрение существующих позиций в интерпретации природы ценностей с сравнительным анализом аргументации авторов конкретного периода. В статье проводится компаративистский анализ философских взглядов отечественных и европейских мыслителей конца 19-начала 20 века и философов 20 века.

Актуальность своего исследования автор связывает с культурным кризисом, проявляющимся в нарастании постгуманизма и техногенной цивилизации, в разрыве между индивидуальным и коллективным благополучием и культурой потребления, в релятивизме, который стал доминировать в отношении к ценностям. На этом фоне обостряются проблемы, связанные с конфиденциальностью, безопасностью данных, равенством и возможностью технологического наблюдения и контроля. Для решения этих вопросов необходимо иметь твердую базу в виде фиксированной системы ценностей, которая не будет носить релятивистский характер.

Научная новизна статьи заключается в том, что в результате исторического обзора трактовки природы ценностей, автор приходит к выводу, что перспективной основой для научного консенсуса в этом вопросе является аксиоматический подход, который предлагает, с одной стороны, совокупность аксиом как общих правил, позволяющих описывать ценность в любом контексте, а с другой – выявлять наиболее значимые для конкретного общества аксиоматические ценности, понимаемые как принципы, принятые руководящими большинством членов общества на основании их внутренних достоинств. Автор видит выход из релятивистского отношения к ценностям в отыскании ценностных аксиом, имеющих универсальный характер.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация. Автор уделяет внимание категориальной стороне обсуждаемой проблемы, четко формулируя те или иные определения ценностей, фиксируя различные аспекты в понимании природы и сущности ценностей у конкретных авторов.

Структура и содержание статьи полностью соответствуют заявленной проблеме. В начале статьи автор анализирует подходы к исследованию ценностей отечественных

философов: В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и И.А. Ильина, отмечая, что в отличие от большинства современных им западных философов, наши соотечественники внесли значительный вклад в поиск аксиоматических ценностей (истинных, или высших, как определяли их русские философы). Далее автор переходит к рассмотрению подходов зарубежной философии к исследованию ценностей. Он обращается к взглядам Р.Г. Лотце, М. Шелера, Г. Риккерт полагал, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Гартмана и Р. Ингардена, выделяя их общие и отличительные особенности, главным образом в понимании императивного или договорного характера природы ценностей. Автор подчеркивает достижения феноменологического подхода в теорию ценностей, согласно которого, ценности обладают объективной и духовной реальностью, выходящей за рамки субъективных предпочтений или конструктов. В части «Подходы к исследованию ценностей в парадигме гуманитарных наук» автор солидаризируется с исследователем Н.М. Суэтиной, выделяющей в современной философии три подхода к исследованию концепций ценности: историко-антропологический, социолого-культурологический, и философско-культурологический. Однако пристальное рассмотрение обнаруживает их не оптимальность, по мнению автора. Так, автор не соглашается с мнением В.А. Гневашевой, относительно интуитивной самоочевидности ценностей, полагая, что более взвешенной является позиция, согласно которой абсолютные ценности скорее не воспринимаются, а рационально осмысливаются. Автор негативно оценивает и позицию консюмеризма в отношении к ценностям. Он особо останавливается на необходимости создания системы национальных ценностей, замечая, что это системный, многоуровневый процесс, требующий усилий со стороны специалистов различных областей. И именно философские теории как более общие, могут организовать и направить изучение ценностей в лоне прикладных наук – психологи, социологии, культурологии и др.

Библиография статьи включает 43 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам присутствует в полной мере. Кроме уже названных философов, чьи позиции относительно ценностей исследуются в статье, автор апеллирует к таким современным авторам, работающим в области аксиологии, как: Л.И. Василенко, Д.А. Сени, М.Б. Холбрук, Сейед Хоссейн Наср, Н. Решер, М. Ребером, А. Даффи, Л. Хей.

Статья затрагивает одну из «вечных» тем философских исследований, поэтому вызовет интерес не только у специалистов в области аксиологии, но и философии в целом.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Зеленский А.А., Грибков А.А. — Онтологические аспекты проблемы реализуемости управления сложными системами // Философская мысль. — 2023. — № 12. — С. 21 - 31. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.68807 EDN: VIVNFQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68807

Онтологические аспекты проблемы реализуемости управления сложными системами

Зеленский Александр Александрович

ORCID: 0000-0002-3464-538X

кандидат технических наук

ведущий научный сотрудник, НПК "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1, строение 7

[✉ zelenskyaa@gmail.com](mailto:zelenskyaa@gmail.com)**Грибков Андрей Армович**

ORCID: 0000-0002-9734-105X

доктор технических наук

ведущий научный сотрудник, НПК "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, Зеленоград, площадь Шокина, 1, строение 7

[✉ andarmo@yandex.ru](mailto:andarmo@yandex.ru)[Статья из рубрики "Философия техники"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.12.68807

EDN:

VIVNFQ

Дата направления статьи в редакцию:

25-10-2023

Дата публикации:

06-12-2023

Аннотация: В статье рассматривается управление сложными системами различной природы. Формулируются общие определения понятий «управление» и «система

управления». Констатируется, что система управления в своей основе является информационной системой, для которой важнейшими характеристиками, определяющими ее функциональность, являются производительность и быстродействие. Даются определения производительности и быстродействия, раскрываются различия между этими характеристиками. Констатируется проблема реализуемости управления сложными системами, заключающаяся в необходимости обеспечения достаточного быстродействия, при котором весь необходимый комплекс операций управления укладывается в цикл управления. На примере технических систем (сложного технологического оборудования) исследуется связь между параметрами управления: сложностью объекта управления, длительностью цикла управления и быстродействием системы управления. В результате выявляется ряд значимых зависимостей: длительность цикла управления примерно обратно пропорциональна сложности объекта управления; быстродействие системы управления примерно пропорционально квадрату сложности объекта. Логическое подтверждение данных зависимостей позволяет распространить их на все системы управления. Исходя из предыдущих исследований авторов констатируется, что в рамках общей теории систем существуют два основных варианта повышения устойчивости сложной системы: вариант моноцентризма с центральным элементом, взаимодействие которого с другими элементами имеет эгрессионный характер, либо за счет увеличения числа связей в объекте. Первый вариант не позволяет повышать быстродействие: все команды и операции генерируются центральным элементом и итоговое быстродействие ограничено быстродействием центрального элемента. Второй вариант обеспечения устойчивости может быть реализован на практике в виде децентрализованной системы, в которой основная часть выполняемых элементами системы управления операций генерируется автономно. В результате обеспечивается реальная параллельность выполнения операций. Именно данный вариант повсеместно реализуется в живых системах и является наиболее перспективным для использования при управлении техническими системами.

Ключевые слова:

управление, система управления, быстродействие, цикл управления, реализуемость, сложность, энтропия, объект управления, децентрализация, общая теория систем

Введение

Одним из существенных признаков любой системы, характеризующих ее содержание, является наличие и реализация в ней управления. Для биологических, социальных, экономических, информационных, технических и др. сложных систем управление, очевидно, необходимо для обеспечения устойчивости, развития или реализации функционального назначения. Для менее сложных естественных и искусственных систем наличие и необходимость управления не всегда являются столь же очевидными.

Сложности в понимании наличия и необходимости управления в системе обусловлены существованием наряду с внешним управлением также самоуправления и саморегулирования. В частности, биологический организм обычно имеет некоторый орган самоуправления, осуществляющий общее управление организмом (например, центральная нервная система у животных), а также механизмы саморегулирования внутри каждой клетки и межклеточных обменных процессов и др.

Указанные сложности обуславливают необходимость формализации понятия

«управление». Существующие определения понятия «управления» не предполагают объединения всех перечисленных частных случаев управления. Оно определяется либо как целенаправленный процесс достижения поставленной (извне) цели, либо как имеющееся в наличие самопроизвольно реализующееся свойство системы.

По мнению авторов, под управлением следует понимать процесс воздействия на систему или ее подсистемы со стороны других подсистем, внешних систем или надсистемы, обеспечивающего приведение объекта воздействия (системы или подсистемы) в состояние, необходимое для сохранения устойчивости, развития или реализации функционального назначения.

Важным частным случаем предлагаемого нами определения является воздействие на систему ее надсистемы. Примерами такого воздействия являются влияние общества на личность, экономической среды на предприятие и др. Наибольшее значение данный случай управления имеет для неживой природы, где свойства физической или химической системы изменяются (в той мере, в которой это возможно для неживых систем) под влиянием окружающей среды.

Средством реализации управления являются системы управления. Практичным подходом к классификации систем является их разделение на автономные и системы с внешним управлением. Однако, по мнению авторов, данное разделение является исключительно методологическим, обеспечивающим вариативность в представлении систем, которые необязательно качественно различаются. Любая система, представляемая как система с внешним управлением, может быть преобразована в рамках своего описания в автономную за счет расширения границ системы – объединения в одну систему управляемой системы (объекта управления) и управляющей, либо расширения системы до уровня надсистемы.

Таким образом, не ограничивая область нашего исследования всех систем управления, можно рассматривать управление только в автономных системах. В этом случае система управления представляет собой структурную (охватывающую часть структурных элементов) или функциональную (охватывающую различные структурные элементы, объединяемые общей функцией) подсистему, обеспечивающую приведение других подсистем в необходимое состояние.

Любая система управления является в своей основе информационной системой. Теория управления (наука, занимающаяся изучением принципов и методов управления системами), складывается из кибернетики [\[1, с. 30\]](#), определяемой как наука об управлении и обработке информации в животном, машине и обществе, и теории информации [\[2\]](#), определяемой как наука о количественной оценке, хранении и передаче информации. В некоторых случаях в состав системы управления включают элементы, не относящиеся непосредственно к информационной системе. В частности, в технических системах в состав системы управления могут включаться датчики или сенсоры, собирающие данные для информационной системы, или исполнительные устройства, посредством которых выходные данные информационной системы преобразуются в управляющие действия (например, перемещение рабочего органа технологического оборудования).

Важнейшими характеристиками, определяющими способность системы управления (информационной системы) выполнять свою функцию управления, являются производительность и быстродействие.

На первый взгляд, производительность и быстродействие – аналогичные характеристики, однако их практические функции существенно различаются. Производительность системы управления определяется как число элементарных операций управления за единицу времени. При этом обычно производительность рассчитывают за сравнительно большой интервал времени и для большого числа операций управления. Быстродействие системы управления – величина, обратная длительности интервала времени (цикла управления), необходимого для выполнения всего комплекса необходимых операций (обычно сравнительно небольшого) для текущего управления, равная числу единиц сложности объекта, обслуживаемых системой управления за единицу времени [\[3\]](#).

Согласно А.И. Уемову, существуют четыре основных подхода к определению сложности объекта [\[4, с. 200\]](#): логический (определяются меры некоторых свойств отношений, которые считаются упрощающими); теоретически-информационный (в рамках которой сложность отожествляется с энтропией); алгоритмический (сложность определяется длиной алгоритма, необходимого для определения исследуемого объекта); теоретико-множественный (сложность связывается с мощностью множества элементов, из которых состоит изучаемый объект). Любой из этих подходов может быть использован для количественной оценки сложности объекта управления.

Принципиальное различие между производительностью и быстродействием наглядно проявляется в области технических систем. Современные вычислительные машины, в том числе компьютеры, обеспечивают все более высокую производительность, однако быстродействие систем управления сложным технологическим оборудованием, построенных на их основе, совершенно недостаточно для управления в реальном времени. В результате компьютерные системы управления возможны лишь для наименее сложных технических систем. В силу указанных причин при их управлении в реальном времени возникает проблема реализуемости, заключающаяся в необходимости обеспечить достаточное быстродействие системы управления, при котором весь необходимый комплекс операций управления укладывается в цикл управления, продолжительность которого определяется требованиями функционального назначения технической системы.

Как будет показано далее в статье, проблема реализуемости управления обусловлена существующей связью между сложностью объекта, удерживаемого в устойчивом состоянии (в том числе, в состоянии, соответствующем выполнению объектом своего функционального назначения) за счет внешнего (управляющего) воздействия, и скоростью роста его энтропии (хаотизации) в интервалах между управляющими воздействиями.

Связь параметров управления в сложной системе

В качестве объектов для системного анализа проблемы реализуемости управления сложными системами представляется целесообразным выбрать многокоординатные станки с числовым программным управлением, промышленные роботы и другие мехатронные системы, которые можно отнести к сложным техническим системам, в которых требуется управление в реальном времени.

Применительно к оценке объектов управления в виде различного технологического оборудования наиболее практическим является определение сложности в рамках теоретико-множественной концепции [\[5\]](#), в которой бесконечное множество состояний управляемого объекта сводится к счетному множеству дискретных состояний контролируемых параметров.

Согласно реализующей данный подход методологии, разработанной авторами с соавторами [3], сложность Ω объекта управления зависит от числа n типов элементов и среднего количества m элементов одного типа в системе, числа q типов связей и среднего количества g связей одного типа в системе, среднего число p контролируемых параметров, посредством которых описывается состояние отдельного элемента системы, а также среднего числа s отслеживаемых состояний контролируемого параметра:

$$\Omega = n \cdot m^{1/2} \cdot q \cdot g^{1/2} \cdot p \cdot s^{1/2}.$$

В ходе проведенных исследований были определены значения сложности объекта управления, длительности цикла управления и необходимого быстродействия системы управления для различного технологического оборудования: двухкоординатного токарного станка с ЧПУ, лазерного станка для резки металла, трехкоординатного фрезерного станка с ЧПУ, 6-координатного робота-манипулятора, пятикоординатного обрабатывающего центра, коллаборативного робота, сборочного робота SCARA, электроэррозионного координатно-прошивочного станка с ЧПУ.

В результате была получена зависимость, представленная на рис. 1 [6], где каждый тип технологического оборудования представлен двумя квадратными маркерами (для быстродействия) и двумя треугольными маркерами (для длительности цикла управления), соответствующими предельным расчетным значениям быстродействия и длительности цикла управления для этого типа оборудования.

Между параметрами управления проявились следующие связи:

Во-первых, по мере роста сложности объекта управления сокращается допустимая длительность цикла управления. Это означает, что чем сложнее объект управления, тем чаще необходимо оказывать на него управляющее воздействие. Длительность цикла управления примерно обратно пропорциональна сложности объекта управления.

Во-вторых, по мере роста сложности объекта управления растут требования к быстродействию системы управления. Указанный рост быстродействия примерно пропорционален квадрату сложности объекта.

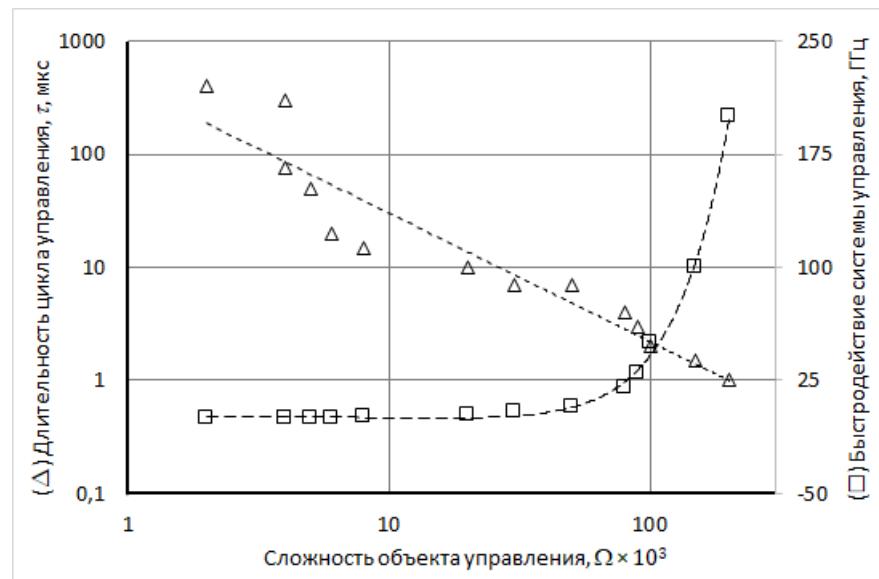

Рисунок 1. Сложность объекта управления, длительность цикла управления и необходимое быстродействие системы управления

Для определения механизмов формирования выявленных связей параметров управления используем теоретически-информационный подход к оценке сложности объекта управления, т.е. опишем изменения состояния объекта в процессе управления на языке энтропии. Согласно такому описанию (информационная) энтропия [7; 8] определяется как логарифм числа доступных состояний системы.

Для количественного описания изменений состояния объекта управления необходимо принять три допущения.

1-е допущение. Сложность объекта Ω является точной мерой числа доступных состояний (логарифм числа доступных состояний – это энтропия):

$$\Omega = \exp(k_0 + k_1 \cdot H) \rightarrow H = (\ln \Omega - k_0) / k_1,$$

где H – текущее значения энтропии объекта управления; k_0 , k_1 – постоянные коэффициенты.

Малое изменение энтропии ΔH , соответствующее малому изменению сложности объекта, определиться следующим образом:

$$\Delta H = (\ln(\Omega + \Delta\Omega) - k_0) / k_1 - (\ln \Omega - k_0) / k_1 \approx 1 / k_1 \cdot \Delta\Omega / \Omega.$$

2-е допущение. В пределах малых интервалов времени (между управляющими воздействиями) самопроизвольный рост энтропии происходит линейно или, что тоже самое, число доступных состояний растет экспоненциально. Исходя из данного допущения устанавливаем прямую пропорциональность изменения энтропии ΔH длительности цикла управления t :

$$\Delta H = k_2 \cdot t, \quad (1)$$

где k_2 – постоянный коэффициент.

3-е допущение. Погрешность управления прямо пропорциональна изменениям (колебаниям) числа доступных состояний объекта управления. Исходя из 3-го допущения, при условии, что величина погрешности управления должна оставаться постоянной, имеем:

$$\delta \propto \Delta\Omega = k_1 \cdot \Omega \cdot \Delta H = \text{const}, \quad (2)$$

где δ – погрешность управления.

Объединяя выражения (1) и (2) получаем:

$$\Omega \cdot t = \text{const.} \quad (3)$$

Поскольку быстродействие Ψ системы управления определяется как отношение сложности объекта управления к длительности цикла управления ($\Psi = \Omega / t$), то можно записать:

$$\Omega^2 / \Psi = \text{const.} \quad (4)$$

Формулы (3) и (4) соответствуют выявленным из рис. 1 связям параметров управления.

Поскольку полученное нами логическое объяснение наблюдаемой в сложных технических системах связи сложности объекта управления и быстродействия системы

управления не предполагает учета специфики технических систем, то оно может быть расширено за пределы области технических систем. Это означает, что зависимость (4) является общей для всех систем управления.

Неуклонное повышение быстродействия системы управления по мере роста сложности объекта управления – факт, который должен приниматься как данность. Предметом дальнейшей дискуссии является не существование данной тенденции, а определение возможностей повышения быстродействия систем управления движением.

Реализуемость управления и общая теория систем

Следует заметить, что, говоря об обеспечении достаточного быстродействия системы управления для противодействия росту его энтропии, мы описываем проблему обеспечения устойчивости объекта. Другими словами, процесс обеспечение устойчивости объекта управления представляет собой противодействие росту его энтропии в промежутках между управляющими воздействиями.

Проведенные исследования показали [\[9\]](#), что в рамках общей теории систем существуют два основных варианта повышения устойчивости сложной системы: вариант моноцентризма с центральным элементом, взаимодействие которого с другими элементами имеет эгрессионный характер [\[10, книга 2, с. 118\]](#)), либо за счет увеличения числа связей в объекте.

Эгрессия, согласно А. Богданову, – это особая «централистическая» связь, «которая разлагается на более простые, ингрессивные связи; но эти связи все необратимые и сходящиеся к одному центральному комплексу, тектологическая функция которого, таким образом, существенно отличается от тектологической функции остальных» [\[10, книга 2, с. 101\]](#). Ингрессия, в свою очередь – это тип «цепной связи» между разнородными элементами в структуре комплекса, которая осуществляется при помощи «посредствующих» элементов для стабилизации комплекса [\[10, книга 1, с. 155; 11\]](#).

Увеличение числа связей в системе при определенных условиях может обеспечить повышение ее устойчивости. Эффект повышения устойчивости многосвязной системы коррелируется с принципами функционирования сложных систем [\[12, с. 60-67\]](#): принципом связанного разнообразия, согласно которому устойчивость растет по мере увеличения числа связей и их разнообразия; принципом предпочтаемой формы, согласно которому увеличение разнообразия и связанности системы повышает вероятность формирования ее устойчивой конфигурации.

Механизмы повышения устойчивости могут быть различными. В частности, при управлении сложными динамическими системами с огромным числом сложно организованных внутренних связей реакция такой системы на внешние возбуждающие факторы может быть ослабленной и заторможенной: из-за высокого быстродействия подсистем их взаимное влияние оказывается минимальным и распределенным во времени. В небольших интервалах такие многосвязные системы могут демонстрировать инвариантность от нагрузки [\[13\]](#). Другим механизмом, позволяющим повысить устойчивость в многосвязных системах, является формирование между элементами множества обратных связей (как положительных, так и отрицательных), результирующее действие которых может способствовать достижению баланса в системе и повышению ее устойчивости.

Первый вариант обеспечения устойчивости (связанный с моноцентризмом) не позволяет

повышать быстродействие: все команды и операции генерируются центральным элементом и итоговое быстродействие ограничено быстродействием центрального элемента.

Примером практической реализации первого варианта обеспечения устойчивости в технических системах является использование для управления движением интегрированной с компьютером системы, где функцию центрального элемента выполняет центральный процессор. Даже если дополнить компьютерную систему управления движением высокопроизводительными матричными или тензорными сопроцессорами, позволяющими выполнять огромный объем вычислений с высокой производительностью, быстродействие системы остается недостаточным для управления в реальном времени.

Среди животных формы организации с жестко централизованным управлением не встречается. Это обусловлено двумя основными причинами:

Во-первых, это неизбежно привело бы к катастрофическому снижению быстродействия управления: любые непредвиденные внешние факторы, связанные с падением дерева, обвалом почвы, нападением хищника или ответным нападением объекта охоты и т.д., представляли бы реальную угрозу жизни и здоровью животного.

Во-вторых, характер организации живых организмов несовместим с такой централизацией системы управления. Основой их устойчивости является реализация автономности на каждом из уровней организации, причем как эволюционных (т.е. на каждом этапе эволюции вида), так и структурных (в пределах клетки, органа) и функциональных (в рамках отдельного обменного процесса, реализующего функцию организма). Живой организм не формируется сразу весь и готовый (как это возможно для технических систем), а образуется и изменяется в процессе эволюции. Поэтому в нем никогда не складывается условий, в которых такая жестко централизованная система управления могла бы сформироваться.

Второй вариант обеспечения устойчивости (связанный с увеличением числа связей) может быть реализован на практике в виде децентрализованной системы, в которой основная часть выполняемых элементами системы управления операций генерируется автономно, без участия (или с минимальным участием в виде диспетчеризации команд) центрального элемента. В результате обеспечивается реальная параллельность выполнения операций.

Для живых систем (биологических, социальных, экономических) децентрализация является основной формой организации, поскольку наилучшим образом обеспечивает быстродействие управления. Это особенно важно при сравнительно малых (для обмена данными с неким единым центром) скоростях передачи и обработки информации в нервной системе животных, в системе государственного управления, в дилинге на рынке товаров, услуг или валюты и т.д. Элементы децентрализованных систем примерно равноправны, каждый из элементов значимо взаимодействует с другими, состояния элементов взаимно обусловлены. Это также хорошо согласуется с формирующими естественным образом (в процессе эволюции и самоорганизации живых систем) организационными формами и связями в системах.

Частными случаями децентрализованных объектов в теории автоматического управления являются системы, построенные в соответствие с акторной моделью [\[14\]](#). В этой модели акторы представляют собой универсальные примитивы параллельного исполнения,

реализующие обработку, хранение и асинхронный обмен сообщениями. Акторная модель построения систем имеет большой потенциал реализации быстродействующих систем с большим объемом распределенных (параллельных) вычислений, в том числе для децентрализованных и асинхронных систем искусственного интеллекта [\[15\]](#).

Для технических систем управления в реальном времени движением перспективным является использование память-центрической архитектуры [\[16\]](#), при которой данные в процессе вычислений не перемещаются между процессором и памятью, а остаются в памяти, в которую интегрируется процессор.

Заключение

На основе проведенных исследований можно сделать следующие основные выводы:

1. Существует проблема реализуемости управления сложными системами, заключающаяся в необходимости обеспечить достаточное быстродействие системы управления, при которой весь необходимый комплекс операций управления укладывается в цикл управления, продолжительность которого определяется требованиями к функционированию этой системы.
2. По мере роста сложности объекта управления сокращается допустимая длительность цикла управления и растут требования к быстродействию системы управления. Указанный рост быстродействия примерно пропорционален квадрату сложности объекта.
3. Проблема реализуемости управления обусловлена существованием связи между сложностью объекта, удерживаемого в устойчивом состоянии за счет внешнего воздействия, и скоростью роста его энтропии в интервалах между управляющими воздействиями.
4. Управление объектом в рамках теоретически-информационного представления его сложности может интерпретироваться как процесс сохранения его устойчивости посредством противодействия самопроизвольному росту энтропии.
5. Согласно общей теории систем, существуют два основных варианта повышения устойчивости сложной системы: за счет моноцентризма архитектуры с центральным элементом, взаимодействие которого с другими элементами имеет эгрессионный характер, либо за счет увеличения числа связей в объекте.
6. Требование быстродействия удовлетворяется только при использовании варианта обеспечения устойчивости на основе увеличения числа связей в системе. На практике данный вариант реализуется в виде децентрализованной системы, в которой основная часть выполняемых элементами системы операций генерируется автономно, без участия (или с минимальным участием) центрального элемента.

Библиография

1. Винер Н. Кибернетика и общество. М.: «Издательство иностранной литературы», 1958. 200 с.
2. Шенон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: «Издательство иностранной литературы», 1963. 830 с. С. 243-332.
3. Зеленский А.А., Кузнецов А.П., Илюхин Ю.В., Грибков А.А. Реализуемость управления движением промышленных роботов, станков с ЧПУ и мехатронных систем. Часть 1 // Вестник машиностроения, 2022, № 11. С. 43-51.

4. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: «Мысль», 1978. 272 с.
5. Эшби У.Р. Теоретико-множественный подход к механизму и гомеостазису / в сборн. «Исследования по общей теории систем. Сборник переводов». М.: «Прогресс», 1969. 520 с. С. 398-441.
6. Зеленский А.А., Кузнецов А.П., Илюхин Ю.В., Грибков А.А. Реализуемость управления движением промышленных роботов, станков с ЧПУ и мехатронных систем. Часть 2 // Вестник машиностроения, 2023, №3. С. 213-220.
7. Аверин Г.В., Звягинцева А.В. О взаимосвязи статистической и информационной энтропии при описании состояний сложных систем // Научные ведомости БелГУ, Серия "Математика. Физика", 2016, Выпуск 44, №20 (241). С. 105-116.
8. Дулесов А.С., Семенова М.Ю., Хрусталев В.И. Свойства энтропии технической системы // Фундаментальные исследования, 2011, № 8 (часть 3). С. 631-636.
9. Грибков А.А. Определение вторичных законов и свойств объектов в общей теории систем. Часть 1. Методологический подход на основе классификации объектов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2023, том 12, №5-6А. С. 17-30.
10. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: «Экономика», 1989.
11. Никонова А.А. О принципе ингрессии в системном мире А.А. Богданова, или нет пророка в своем отечестве // Хроноэкономика, 2019, №7(20). С. 32-40.
12. Hitchins D. Putting Systems to Work. New York: Wiley, 1993. 342 р.
13. Ильясов Б.Г., Сайтова Г.А. Исследование многосвязных систем автоматического управления сложными динамическими объектами на основе парадигмы Б. Н. Петрова // Проблемы управления, 2021, вып. 3. С. 3-15.
14. Rinaldi L., Torquati M., Mencagli G., Danelutto M., Menga T. Accelerating Actor-based Applications with Parallel Patterns // Proceedings of the 27th Euromicro International Conference on Parallel, Distributed and Network-Based Processing, 2019. Pavia, Italy, 13-15 Feb. 2019.
15. Морозов С.М., Куприянов М.С. Акторная модель построения нейро-нечетких систем // Изв. СПБГЭТУ «ЛЭТИ», 2022, т. 15, № 5/6. С. 22-31.
16. Каляев И., Зaborовский В. Искусственный интеллект: от метафоры к техническим решениям // Control Engineering Россия, 2019, № 5 (83), с. 26-3.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Авторы рецензируемой статьи указывают на сложность проблемы «формализации» понятия «управление», причём под «сложностью» они понимают отсутствие на сегодняшний день определения этого понятия, которое охватывало бы все частные случаи управления в отдельных системах. Заметим со своей стороны, что трудность (или даже невозможность) дать подобное определения, прежде всего, связана с тем, что речь идёт именно об общем понятии, используемом в языках описания различных по своей природе систем, и никто из исследователей, работающих в разных областях науки, не давал своим коллегам, представляющим другие научные дисциплины, оснований предполагать, что концептуальное наполнение одного и того же термина всегда эквивалентно во всех описаниях, использующих этот термин. Авторы, однако,

отталкиваясь от «реалистических» представлений о природе понятий, пытаются всё же дать подобное универсальное, как они считают, определение. Вряд ли формат рецензии предполагает детальное обсуждение его сильных и слабых сторон, заметим лишь, что его значимость может быть проверена только в процессе корректировки содержания тех научных дисциплин, в которых реально «работает» понятие управления. Далее, думается, следует скорректировать название статьи, можно было бы предложить вариант «Онтологические аспекты проблемы...»; примут авторы этот вариант или предложат какой-то другой, но саму проблему как «онтологическую» обозначать не следует. Дело в том, что онтология – это область, раздел философии, то есть характеристика более высокой степени общности, чем какая-то отдельная тема из этой области. Представленная в названии статьи формулировка аналогична, например, такой формулировке, как «Философская проблема свободы воли», которая, разумеется, является «философской», но только нет никакой необходимости указывать на эту размещающуюся на другом уровне обобщения характеристику, поскольку она уже содержится в самом понятии данной проблемы. Кажется, впрочем, что сами авторы не вполне понимают и смысл слова «онтология», поскольку в их пояснениях (которые несколько раз повторяются) «онтологичность» связана с «существованием в бытии связи между сложностью объекта ... и скоростью роста его энтропии». Конечно, «существование в бытии» и само по себе – недопустимое выражение, но к онтологии соотношение сложности систем и роста энтропии в них вообще отношения не имеет, онтология имеет дело с соотношением общих понятий (концептов) и реальности вне мысли (языка), о чём выше как раз и говорилось. Поэтому содержание статьи не пострадает, если авторы вообще откажутся от этого понятия, во всяком случае, не будут выносить его в название. Отметим также, что текст нуждается в существенном редактировании, например, в устранении множества пунктуационных ошибок («сложности в понимании обусловлены существованием наряду с внешним управлением, также самоуправления», - зачем запятая?; напротив, в «на первый взгляд производительность...», «согласно А.И. Уемову существуют...», «согласно общей теории систем существуют...», и т.п. запятые нужны). Несмотря на высказанные замечания, следует признать, что в статье имеется оригинальное содержание, она может быть интересна читателям, поэтому после исправления орфографических ошибок и стилистических погрешностей («существование в бытии» и т.п.) она может быть напечатана в научном журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Габдуллин И.Р., Орлова Е.В. — Спонтанно-бессознательные формы мыслительных процессов: философско-психологические аспекты исследования // Философская мысль. — 2023. — № 12. — С. 32 - 41. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.69262 EDN: RMHCVJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69262

Спонтанно-бессознательные формы мыслительных процессов: философско-психологические аспекты исследования

Габдуллин Ильдар Рустамович

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Победы, 13, оф. 20806

✉ i.gabd@yandex.ru

Орлова Елена Валентиновна

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет

460022, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Вишневая, 14, кв. 2

✉ orle-@mail.ru

[Статья из рубрики "Спектр сознания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.12.69262

EDN:

RMHCVJ

Дата направления статьи в редакцию:

08-12-2023

Дата публикации:

17-12-2023

Аннотация: Предметом настоящего исследования выбраны неосознаваемые элементы ментальной активности, связанные со сферой мышления. Целью данной статьи является анализ психологических и философских аспектов изучения конкретных аспектов

формирования и функционирования мышления как высшей когнитивной способности человека, а именно в той части этой способности, которая проявляется в спонтанно-бессознательной форме. Одной из задач, требующих разрешения и возникающих в таком контексте, является постановка вопроса о том, считать ли указанные формы проявления мышления лишь следствием воздействия внешних факторов, или же это необходимый элемент процесса их формирования и функционирования. Ещё одной задачей, обусловленной спецификой выбранного предмета исследования, стал вопрос о выборе методологического контекста и перспективы дальнейших исследований. В качестве методологических подходов и методов, применяемых в ходе исследования задействованы как теоретические наработки классической философии и психологии, так и результаты современных философских и психологических исследований, что позволяет применить так называемый метод «систематического эклектизма», что отчасти позволяет актуализировать комплексный подход к такой сложной сфере исследований как феномен человеческого сознания. Актуальность исследования определяется тем, что несмотря на непреходящий интерес к проблемам функционирования человеческого мышления, его происхождение остаётся недостаточно исследованным с точки зрения его соотношения с бессознательными процессами человеческой психики. Одна из причин такой ситуации заключается в относительной дифференцированности, разрозненности в методологических походах. В качестве основных выводов в предпринятой попытке исследования обозначенных выбранной темой мыслительных процессов является положение о неразрывной связи, взаимообусловленности осознанных и бессознательных актов психики. При этом проявление спонтанно-бессознательной формы мышления закреплена соответствующим биологическим механизмом В качестве частного вывода по итогам проведённого исследования предлагается актуализировать уже имеющиеся результаты, достигнутые в когнитивных науках как междисциплинарной области исследований проблем сознания и мышления.

Ключевые слова:

мышление, сознание, когнитивные способности, когнитивная психология, спонтанный вывод, бессознательное, систематический эклектизм, управляемое мышление, категоризация, схематизм

Введение

В современной философской и психологической науках понятие «сознание» предстаёт настолько сложным явлением, что это стало предметом специальных междисциплинарных исследований, объединяемых названием когнитивных наук. Эти исследования проводятся в самых разных сферах научно-познавательной деятельности – от эпистемологии до нейробиологии и компьютерных наук [1]. При объяснении высших когнитивных процессов стали применяться модели переработки информации, задействованные в исследованиях области искусственного интеллекта [2, с. 171]. В этой связи достаточно продуктивными оказываются объективно те подходы и методы, которые охватывают большее количество областей исследования, а также те, которые показывают определённую методологическую преемственность. Одним из таких подходов, например, описывается термином «систематический эклектизм», разъясняемый его авторами как идея или принцип, которые связаны с поиском такой теоретической системы, которая будет «принимать правду, где бы ее не обнаружили» и которая полагает «тотальность человеческого опыта», позволяющую полностью и по

достоинству оценивать природу человека [\[3; 4\]](#).

Мышление осуществляетrationально-осознанную когнитивную функцию психики, и это действительно очевидная данность. Но не менее важным для любой онтологической данности является выяснение причин, истоков её появления, поскольку это позволяет понять конкретные формы настоящего состояния и возможные направления изменения в будущем. В этой связи открываются возможности нового прочтения известных философских концепций относительно происхождения мышления. Мышление должно быть рассмотрено хоть и как важнейшая из всех когнитивных функций, но все же и как часть более общего целого, охватываемого таким широким понятиями, как сознание, душа, психика. Последнее положение выражает приверженность авторов определенным методологическим установкам, в частности, принципам диалектической взаимосвязи чувственного и рационального в познании, единства целого и части.

Хотя вышеназванный комплекс когнитивных наук изучает в первую очередь человеческий разум, мышление, как правило, это подразумевает также и охват всей психической сферы. Мышление, как высшая когнитивная способность, проявляет не только собственно психологические, но и философские аспекты его исследования. В соответствии с поставленными задачами, выбраны два взаимодополняющих друг друга способа осуществления единого познавательного процесса в мыслительной деятельности. Это, с одной стороны, так называемое автоматическое мышление, соотносимое с неосознаваемой и непроизвольной формой его проявления, а с другой стороны - сознательно-рефлексивная, осознанная мыслительная деятельность, получившая название управляемого мышления [\[5, с. 80-81\]](#). Этот выбор обусловлен тем обстоятельством, что здесь сочетаются как научно-психологические, так философские подходы. В соответствии с выбранной темой, предметом рассмотрения настоящей статьи является первая из обозначенных сторон, а именно неосознаваемые формы мышления.

Концепция бессознательных умозаключений Г. фон Гельмгольца.

В трудах Г. фон Гельмгольца, выдающегося физиолога и психолога, основателя перцептивной психологии были введены термины "бессознательное умозаключение" и "неосознанный вывод" (нем. unbewusster Schluss) [\[6\]](#). Хотя эти понятия первоначально были использованы для описания непроизвольного, пред-рационального перцептивного механизма при формировании зрительных впечатлений, в последующих психологических исследованиях, вплоть до настоящего времени, эти понятия в различных, но близких интерпретациях получили плодотворное в научном плане развитие.

Формирование зрительных впечатлений, как описал их Гельмгольц, достигается прежде всего так называемыми «бессознательными суждениями», результаты которых «никогда ни разу не могут быть возведены в плоскость сознательных суждений» и, таким образом, «лишены очищающей и исследующей работы сознательного мышления». Несмотря на это, замечал Гельмгольц, они «будут, так сказать, подтаскиваться к нашему сознанию, как если бы нас сковывала внешняя сила, над которой наша воля не властна». И он обратил внимание на тот поразительный факт, что однажды сформировавшись, результаты бессознательных суждений настолько неподвластны сознательному контролю, настолько устойчивы к противоречию, что от них «невозможно избавиться» и «действие их невозможно преодолеть». Итак, к каким бы впечатлениям ни приводил этот бессознательный процесс умозаключения, они поражают «наше сознание как чуждую и непреодолимую силу природы». Можно добавить, что именно поэтому «увидеть - значит поверить» и почему, когда в повседневном языке мы ссылаемся на выражение,

демонстрируемое другим человеком, мы на самом деле описываем свое собственное впечатление о нем.

Исследуя зрительный феномен локализации корреспондирующих изображений, Гельмгольц использует понятие *глазомера*, под которым понимается именно добытое путём опыта *суждение о расстояниях*, благодаря чему интерпретируются значения локальных знаков. На том основании, что «одно знание добытое путем опыта, борется с другим, также добытым путем опыта», делается вывод, что «представление, по которому два зрительных изображения принадлежат одному объекту, влияет путем глазомера на суждение об их взаимном положении» [\[7, с. 133\]](#).

Подводя итоги длительным экспериментальным исследованиям, первоначально «возникающие таким образом сочетания представления» были названы «бессознательными умозаключениями». Бессознательными они были названы «постольку, по скольку в них большая посылка составлена из ряда частных опытов, из которых каждый в отдельности давно исчез из памяти и проник в наше сознание только в форме чувственных наблюдений, хотя бы даже не в форме предложений». Хотя в дальнейшем, по собственному признанию Гельмгольц отказался от термина «бессознательные умозаключения», чтобы избежать не совсем правильным интерпретаций у других авторов, все же сохранился тезис о том, что «мы имеем здесь дело с элементарным процессом, который собственно лежит в основе всякого так называемого мышления, хотя ещё при этом недостаёт того критического исследования и того пополнения каждого отдельного, шага, какие мы встречаем в научном образовании понятий и умозаключений» [\[7, с. 160-161\]](#).

Современные интерпретации и развитие теории бессознательных умозаключений.

Некоторые исследователи отмечают, что в области информатики использованы идеи о бессознательном умозаключении для выдвижения гипотезы о том, что кора головного мозга содержит так называемую генеративную модель мира. Следуя Гельмгольцу, они рассмотрели систему восприятия человека как механизм статистического вывода, функция которого состоит в том, чтобы делать выводы о вероятных причинах сенсорного ввода. Проведённые эксперименты в этом направлении показали, что устройство (механизм) такого типа может научиться делать эти выводы, не требуя от учителя маркировки каждого сенсорного входного вектора его основными причинами. В этой связи даже был предложен статистический метод для обнаружения структуры, присущей набору закономерностей [\[8\]](#).

Дальнейшее применение концепция получила и в специальных социально-психологических исследованиях. В частности, отмечена способность к так называемому спонтанному выводу о признаках. Такого рода мыслительные операции люди иногда применяют непроизвольно (спонтанно) когда судят о чертах других людей из их поведения, первоначально не намереваясь этого делать. В этой связи предполагается, что выводы о признаках не обязательно должны быть результатом осознанного, рефлексивного каузального мышления, а как признаки, так и причины могут быть встроены в структуры неявного знания. Это проявляется, активируется как предрасположенности, которые проявляются только при определённых условиях и находят выражение в таких феноменах как самореализующиеся пророчества в социальном взаимодействии и закрепляются в социальных стереотипах [\[9\]](#).

Схематизация познавательного процесса как исходная предпосылка формирования понятийной структуры мышления

Не смотря на то, что сами термины - автоматическое и управляемое мышление - преимущественно приняты в научно-психологическом дискурсе, они имеют прочную философскую укорененность. Дело в том, что здесь задействовано одно из основных свойств психики, ведущее к формированию мышления как высшей познавательной (когнитивной) способности - абстрагированию. Если выделять прежде всего конкретные когнитивные механизмы реализации этой способности, то это, так называемый, схематизм в мышлении и сопровождающий его процесс рационализации. При этом термины «схема» и «схематизм» могут различаться по смыслу в зависимости от философского или психологического аспектов рассмотрения [\[10\]](#).

Философский смысл изучаемого процесса, связанного с абстрагирующей деятельностью мышления, был впервые теоретически разработан в «схематизме чистого рассудка» трансцендентальной философии И. Канта. Анализируя истоки формирования априорного знания и столкнувшись с необходимостью снять или сгладить противопоставление рационализма и эмпиризма, Кант приходит к пониманию того, что в целом познавательный процесс не может быть сведён только лишь к рациональному или только лишь к чувственному уровням сознания. Понятия «схемы» и «схематизация» понадобились для решения «истинной задачи чистого разума» при ответе на фундаментальный вопрос «Как возможны синтетические суждения a priori?» [\[11, с. 52\]](#). Представления о схемах и схематизации, сыграли одну из ключевых ролей при определении взаимосвязи чувственного и рассудочного уровней познавательной активности субъекта познания. М. Хайдеггер, при изучении соответствующего раздела «Критики чистого разума («Схематизм чистых рассудочных понятий»), особо выделяет эту часть трансцендентальной философии И. Канта [\[12, с. 55-56\]](#).

Понятие схемы может быть рассмотрено в семиотическом дискурсе. С этих позиций мышление выражается, прежде всего, в знаковой форме и направляется отношениями, что «всякому знаку должна соответствовать некоторая организованность содержания мышления, всякий объект может иметь своего референта в мире знаков» [\[13\]](#). Эти отношения взаимонаправлены, но не взаимообратимы, то есть делают возможным не только адекватное отображение действительности (истина), но также и искажение (заблуждение).

Если же применять описанную выше теоретико-методологическую трактовку на практике человеческого общения, то здесь схема выражает особую форму фиксации и сохранения знаний об окружающем мире [\[5, с. 81\]](#). Особенно это важно для демаркации «нормального» и «отклоняющегося» поведения индивида. Одним из примеров дивиантного поведения является неспособность различать ранее сложившиеся схемы поведения (социальные стереотипы) от вновь возникающих ориентиров поведения, вследствие чего «изобретаются» воображаемые сценарии. Это может быть обусловлено целенаправленным воздействием средствами психологической обработки сознания. Конечно, на индивидуальном уровне это может означать особую психопатологию, у которой даже есть специальное название - синдром Корсакова [\[14\]](#), которое выражается в утрате способности запоминать новые события и, как следствие, возникает дезориентировка во времени, пространстве и окружающей действительности.

Механизм категоризации как фундаментальный процесс формирования и функционирования мышления

В процессе когнитивной эволюции человеческая психика выработала различные

способы организации и оптимизации адаптивного поведения человека к окружающему миру, одним из которых явилась категоризация мышления. Здесь также можно выделить как психологическую, так и философскую интерпретацию самого термина «категоризация», поскольку рассматриваемый когнитивный процесс, описываемый этим термином, охватывает самый широкий спектр приложения, включая совокупный общественный опыт [\[15\]](#).

Проблема категорий издревле интересовала философов, заявляя о себе «как как необходимость мыслить сознательно-системно, во всеоружии категориального аппарата мышления» [\[16\]](#). В понимании Аристотеля, категория первоначально предстаёт прежде всего как всеобщая характеристика Бытия, Универсума [\[17\]](#), но в ходе дальнейшего теоретического анализа превращается также и в функцию, которая обеспечивает правильно выбранную стратегию аргументации и доказательства, предостерегая от подмены одних смыслов другими [\[18, с. 229\]](#).

В психологии категоризация рассматривается, главным образом, в контексте теории восприятия (Дж. Брунер) как базовый акт, тесно связанный с языком, а "категоризацию предмета или события – отнесение его к какому-то классу или идентификацию его – можно уподобить тому, что в теории множеств называется отнесением элемента некоего множества к некоторому его подмножеству на основе таких упорядоченных пар, троек или п признаков, как мужчина – женщина, мезоморф – эндоморф – эктоморф или, скажем, высота предмета с точностью до сантиметра» [\[19, с. 15\]](#).

И. Кант определял процесс образования категорий как результат дедукции рассудочных понятий, а "все возможные восприятия как осознанные, т.е. относящиеся к Я, созерцания необходимо подчинены категориям" [\[20\]](#), где осуществляется акт соединения «интуитивного» (по терминологии И.Канта соотносимого с «чувственным», «созерцательным») и «дискурсивного» уровней познавательной активности субъекта [\[21, с. 101;1\]](#). В этой связи отмечается, что «мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий; мы не можем познать ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих категориям» [\[21, с. 149\]](#).

Опираясь на результаты исследований в когнитивной психологии, где проводится различие между образно-пространственной (перцептивной) и знаково-символической (логико-вербальной) формами мышления, можно более широко интерпретировать сам принцип дедукции. В рамках когнитивно-эволюционного подхода к пониманию познания [\[21\]](#), понятие дедуктивного вывода применимо не только к процессам логико-вербального мышления. Явной формой последнего является умозаключение, определяемого активностью левого полушария мозга. Было установлено, что правополушарная активность зачастую "сопровождает" и аналитическую, знаково-символическую левополушарную активность. Это оказалось фундаментальной чертой осуществления познавательной деятельности «в силу сформировавшейся у людей в процессе эволюции межполушарной кооперации, сознательно управляемая активность левого полушария (вербальная, логико-аналитическая т. п.) координируется интенциональностью правого полушария». При этом, сама так называемая «правополушарная активность» зачастую остается в «тени», вне фокуса сознания [\[2, с. 221\]](#).

Заключение

Таким образом, в качестве основных выводов в предпринятой попытке исследования

неосознаваемых процессов ментальной активности являются: 1) положение о неразрывной связи, взаимообусловленности осознанных и бессознательных актов психики. Такая связь в большей степени связана на уровне перцептивного мышления при формировании идеальных пространственно-образных конструкций; 2) спонтанно-бессознательная форма обусловлена взаимодополнительностью различных ментальных структур психики, закреплённой соответствующим биологическим механизмом – право-левополушарными структурами головного мозга; 3) понятия «сознание» и «мышление» не являются универсальными в научном и философском дискурсе, а обуславливаются определенным методологическим контекстом рассмотрения. В данной работе такими контекстами выступают специальные философские и психологические исследовательские подходы. В качестве возможного пути дальнейших исследований, по мнению авторов, представляется перспективным в эпистемологических исследованиях когнитивно-эволюционный подход, разработанный в российском философском дискурсе.

Библиография

1. Когнитивная наука. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0171caeae77531bf144fa0371>. / Дата обращения – 10.10.2023.
2. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). Т. 2. СПб.: РХГА, 2006. 416 с.
3. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 462 с.
4. Allport, G. W. (1964). The fruits of eclecticism: Bitter or sweet? *Acta Psychologica*, 23, 27–44. [https://doi.org/10.1016/0001-6918\(64\)90073-3](https://doi.org/10.1016/0001-6918(64)90073-3)
5. Арансон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. 560 с.
6. Hermann von Helmholtz Treatise on Physiological Optics. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20180320133752/http://poseidon.sunyopt.edu/BackusLab/Helmholtz/> / Дата обращения – 10.10.2023.
7. Гельмгольц Г. О зрении человека; Новейшие успехи теории зрения. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 192 с.
8. Dayan, P., Hinton, G. E., & Neal, R. (1995). The Helmholtz machine. *Neural Computation*, 7, 889–904. Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2953733/> / Дата обращения – 10.10.2023.
9. Newman, L. S., & Uleman, J. S. (1989). Spontaneous trait inference. In J. S. Uleman & J. A. Bargh (Eds.), *Unintended thought* (pp. 155–188). The Guilford Press. Retrieved from <https://psycnet.apa.org/record/1989-98015-005> / Дата обращения – 10.10.2023.
10. Морозов Ф. М. Схемы как средство описания деятельности (эпистемологический анализ). М.: ИФ РАН, 2005. 181 с.
11. Кант И. Критика практического разума. Соч.: В 8-ми т. Т. 4. М.: ЧОРО, 1994. С. 373–565
12. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / Пер. с нем., послесловие О.В. Никифоров. М.: Логос, 1997. 143 с.
13. Мацкевич В. В. Знак схема. // Новейший философский словарь / Сост. и гл. н. ред. Грицанов А.А. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
14. Синдром Корсакова. URL: <https://renaissance-clinics.com/encyclopedia/korsakoff-syndrome> / Дата обращения 10.10.2023.
15. Микешина Л. А. Категоризация // Гуманитарный портал: Концепты / Центр гуманитарных технологий, 2002–2022. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6881> / Дата

обращения 18.10.2023.

16. Балашов Л. Категориальный строй мышления. URL: <https://proza.ru/2013/01/20/2044> / Дата обращения 18.10.2023.
17. Мельников С. А. Введение в философию Аристотеля. Лекция: Метафизика. Учение о категориях. Понятие сущности. URL: <https://magisteria.ru/aristotle-intro/ontologiya-aristotelya-kategorii> / Дата обращения 05.11.2023.
18. Огурцов А. П. Категории // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; М.: Мысль, 2010. 634, [2] с.
19. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 782 с.
20. Васильев В.В. Трансцендентальная дедукция категорий // Термины кантовской философии. URL: <https://www.rodon.org/vvv/htm.#a25>
21. Кант И. Критика чистого разума. Соч.: В 8-ми т. Т. 4. М.: ЧОРО, 1994. 741 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Избранный автором рецензируемой статьи предмет рассмотрения – неосознаваемые элементы ментальной активности, связанные со сферой мышления. Думается, именно так следует корректно его зафиксировать, поскольку многочисленные ремарки автора многословны и не отличаются ясностью. Следует констатировать, что эта проблематика представляет интерес для философов, психологов, представителей «когнитивных наук», и автор сознательно ориентируется в статье на межпредметные исследования, выступающие в качестве ориентиров обсуждения указанной тематики, что заслуживает одобрения и поддержки. Правда, результаты обсуждения проблемы «неосознаваемых слоёв мышления», скорее, разочаровывают, чем убеждают в том, что сделан шаг в решении выявления природы названных элементов психической жизни. Прежде всего, автор излишне свободно обращается с философской терминологией, с таким «стилем изложения» трудно будет встретить понимание читателей, имеющих профессиональную философскую подготовку. Посмотрим хотя бы на первое предложение текста, из которого следует, что в основе понятия сознания лежит, якобы, «категория знания». Это недоразумение, это в русском языке «знание» и «сознание» – однокоренные слова, а, например, в немецком – нет (вспомним, как «обыгрывали» структуру соответствующего немецкого слова К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии»). Более того, «понятия» или «категории» – смысловые образования, которые мы обречены выражать с помощью слов, но сами они «лежат глубже», чем самые удачные выражения, которые мы способны для них предложить. Ещё один фрагмент на ту же тему: «термин бессознательное умозаключение (нем. unbewusster Schluss), называемый также бессознательным выводом», – что значит «называемый также бессознательным выводом», как в данном случае автор намеревается различать «умозаключение» и «вывод»? Понимания, что в рамках рецензии невозможно указать на все подобные случаи, упомянем хотя бы ошибочное толкование «дедукции» у Канта, в столь сложных вопросах следует обращаться к профессиональной кантоведческой литературе, например, к монографии или статьям В.В. Васильева, посвящённым этому вопросу. Уровень подготовки текста также вызывает нарекания. Так, в нём осталось много пунктуационных ошибок: «таким широким понятиями как сознание» (где запятая?); «мышление, как высшая когнитивная способность» (а здесь запятая

не требуется); «способность, проявляемая человеческим духом неизбежно проявляет не только...» (почему «не замкнут» причастный оборот?), и т.д. Много разного рода стилистических погрешностей, вообще говоря, язык статьи весьма удручет: «под мышлением чаще полагается...»; «спонтанно-бессознательная форма проявления мышления закономерно ему присуща»; «такими контекстами выступают в качестве основных философский трансцендентализм и...»; «используя уже имеющееся типологии и классификации относительно структурных уровней мышления» (ну зачем здесь «относительно»?); «в соответствии с таким методологическим измерением исследуемой проблемы представляется необходимым усилить её междисциплинарный аспект, заключающийся в использовании уже достигнутых успехов» (здесь и вовсе невозможно остановить цитирование, сплошная стилистическая сумятица), и т.п. Встречаются и просто опечатки: уже промелькнувшая «спонтанно-бессознательная форма», «как часть часть более общего»; «диалектическому принципам»; «такая связь в большей степени связана на уровне...»; «для человеческого мышления характерно проявление сознательно-рефлексивной формы, получившая...», и т.п. Одним словом, читателю крайне сложно сосредоточиться в процессе чтения столь неряшливо составленного текста. Приходится констатировать, что в основе статьи лежит заслуживающий внимания замысел, но концептуальная и стилистическая составляющие статьи должны быть основательно переработаны.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Спонтанно-бессознательные формы мыслительных процессов: философско-психологические аспекты исследования» выступают неосознаваемые формы мышления. Автору представляется важным подчеркнуть, что изучение когнитивных процессов должно исходить из того, что мышление является хоть и важнейшей из всех когнитивных функций, но все же выступает частью более общего целого, «охватываемого таким широкими понятиями, как сознание, душа, психика».

Методология исследования определяется принципами диалектической взаимосвязи чувственного и рационального в познании, единства целого и части.

Актуальность исследования связана с возможность использования в философских исследованиях разработок теоретической и клинической психологии, что в свою очередь, позволит философии сформировать более фундаментальное понимание принципов функционирования человеческого сознания.

Научная новизна заключается в определении и обосновании неразрывной связи, взаимообусловленности осознанных и бессознательных актов психики и наличием в когнитивном процессе спонтанно-бессознательных форм.

Статья небольшая по объему, однако очень хорошо организована и изложена, что делает выводы автора понятными неподготовленному читателю. Ее стиль характерен для научных публикаций в области гуманитарных наук, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. В первой части статьи – Концепция бессознательных умозаключений Г. фон Гельмгольца, автор констатирует первенство Гемгольца в констатации наличия в психике человека "бессознательных умозаключений" и "неосознанных выводов", как процессов формирования мыслей без волевого участия человека. Во второй части - Современные интерпретации и развитие теории бессознательных умозаключений, автор говорит об

идее «о бессознательном умозаключении», которая предполагает, что кора головного мозга содержит «генеративную модель мира», то есть, универсальную мыслительную схему, позволяющую «автоматически» выполнять определённые действия – классификации, сравнения, выводов. Так, автор ссылается на опыты в области когнитивной психологии, которые позволяют делать выводы о том, что выделение признаков предметов не обязательно является результатом осознанного, рефлексивного каузального мышления, что позволяет предположить, что как признаки, так и причины могут быть встроены в структуры неявного знания. Именно эти «автоматические» мыслительные процедуры обеспечивают устойчивость функционирования стереотипов и затрудняют восприятие принципиально нового.

Заключительной части статьи – Схематизация познавательного процесса как исходная предпосылка формирования понятийной структуры мышления, автор рассматривает процесс образования категорий как одно из проявлений спонтанно-бессознательные формы мыслительных процессов.

В статье автор обращается к таким исследователям мышления как Арансон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р., Морозов Ф. М., Микешина Л. А., Огурцов А. П., Огурцов А. П., проводит параллели с осмыслиением познавательной способности человека И. Канта и М. Хайдеггера.

Библиография статьи включает 21 наименование работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Статья, по всей видимости, является одной из серии работ, посвященной актуальным вопросам осмыслиения познания. Она будет интересна философам, психологам, специалистам в области когнитивных наук, в том числе занимающихся вопросами искусственного интеллекта.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Михайлов И.А. — Новая публичность: современные дискуссии в Германии // Философская мысль. — 2023. — № 12. — С. 42 - 52. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.69471 EDN: BJFXMU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69471

Новая публичность: современные дискуссии в Германии**Михайлов Игорь Анатольевич**

ORCID: 0000-0001-7750-9890

кандидат философских наук

старший научный сотрудник, Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1, оф. 414

 ia.mikhaylov@gmail.com[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.12.69471

EDN:

BJFXMU

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы и подходы к анализу проблемы публичности на примере работ Хайдеггера, Хоркхаймера, Адорно. Анализируется значение теории публичности, представленной в двух исследованиях Хабермаса, «Структурных изменениях публичной сферы» (1962) и публикациях 2021–2022 гг. Хабермас интерпретирует «публичную сферу» как особое пространство применения критического дискурса, формирующегося в эпоху становления капитализма. Если в феодальном обществе «публичность» отождествляется с государственным, то в XVIII–XIX в. складывается практика дискуссий о литературе, постепенно расширяющаяся до критического обсуждения процессов общества. С достижением к середине XX в. буржуазным обществом стадии «массовой демократии» и вмешательством государства, активно использующего манипулятивные технологии, рациональные основания дискурса

публичной сферы уступают место внерациональным. Область публичности становится сферой противостояния и противоборства интересов различных социальных групп. Новые структурные трансформации сферы публичности становятся заметными в 2010–2020 гг. и связаны с появлением новых медиа, новой ролью социальных сетей. В статье используется методы историко-философского анализа, социально-критический метод исследования, а также феноменологический и герменевтический методы. Новизна исследования заключается в следующих моментах. 1) Показаны причины отсутствия позитивного понятия публичности в немецкой философии первой половины XX в. 2) Разъяснена связь негативного отношения к публичности и глобального социально-исторического пессимизма первых десятилетий XX в. (на примере теорий Хайдеггера, Хоркхаймера и Адорно). 3) Очерчен общефилософский контекст, в котором проблема публичности разрабатывается Хабермасом; показана связь проблемы публичности и проблемы демократии. 4) Проанализированы основные этапы разработки Хабермасом проблемы публичности. 5) Объяснен смысл критики Хабермасом "новых медиа", появившихся в 2000-2022 гг. и дано краткое сравнение исследований Хабермаса с трудами других теоретиков медиа. 6) Показаны ограничения, связанные с переводом немецкого термина *Öffentlichkeit* (в русском языке: не только «публичность», но и «общественность»).

Ключевые слова:

социальная теория, критическая теория, Хабермас, Хайдеггер, Хоркхаймер, Адорно, демократия, медиа, капитализм, публичность

В 2021–22 гг. проблема публичности вновь стала темой оживленных дискуссий в Германии. Один из поводов дал Юрген Хабермас. 60-летний юбилей «Структурного изменения публичной сферы» [\[10\]](#) – своей первой и, по его собственной оценке, наиболее успешной книги – автор отметил еще одной небольшой книгой на эту тему [\[12\]](#),[\[13\]](#). Как это чаще всего бывает в случае Хабермаса, эта книга собрана из ранее опубликованных текстов. Не считая краткого предисловия, их на этот раз всего три: «Размышления и гипотезы к новому структурному изменению политической публичности»; «Делиберативная демократия. (Интервью)» и «Что такое «делиберативная демократия». Возражения и неверные истолкования». Появление этой книги способствовало широкому использованию выражения «публичность 2.0» – обозначения, которое в современных публикациях на эту тему в Германии в значительной мере обусловлено потребностями маркетинга¹. Вот первое произведение молодого философа, открывшее новую перспективу последующих исследований, а вот – публикация зрелого, опытного мастера, уже многие десятилетия признанного классика политической философии. Шесть десятилетий разрыва между этими книгами создают уже своего рода магическую исторически-временную дистанцию. Сотни страниц, опубликованных в 2022 г. словно символизируют подведение итогов, одновременно подчеркивая значение опубликованной в 1962 г. книги. Обе публикации построены на подчеркивании контраста между прошлым и настоящим, они указывают на новые события, новые феномены в важной для социальных наук сфере. Внимание читателя направляют на то новое, что Хабермас заметил относительно публичности в 1962-м году, а также на те изменения, которые произошли с ней уже в первые десятилетия XXI в. Чтобы вполне оценить новизну этих двух книг, необходимо понять, чем же была «публичность» до Хабермаса.

1. К истории термина и его многозначности

1.1. Различные значения «публичности»

В немецкой традиции слово «публичный» (*öffentlich*), из которого впоследствии образовался субстантив «публичность» (*Öffentlichkeit*) первоначально было синонимом к слову «государственный»². Наиболее близким эквивалентом к по-немецки понятной публичности в английском языке является *public sphere* (аналогично тому: «публичная сфера» в русском). При том, что оба термина восходят к латинскому *publicus*, в других языках отсутствуют присутствующие в немецком коннотации, связанные с открытостью: «*öffentlich*» означает, помимо прочего: «открытый», «видимый», «явный» [\[20, S. 1663\]](#). В соответствии с различными контекстами немецкого же словоупотребления мы можем выделить по крайней мере четыре типа значений термина публичность. Первый контекст относится к публицистической – например, в выражениях «общественность (*Öffentlichkeit*) имеет право знать...». В этом случае подразумеваются дискурсивные практики, используемые журналистами и вообще любыми представителями медиа. Журналисты информируют, сообщают о том, как обстоят дела в той или иной сфере общества. Второй контекст имеет отношение к юридическим аспектам занятия публичными делами. В этом смысле мы говорим, например: «в общественных интересах (*im öffentlichen Interesse*) <должна иметься прозрачность действий государственных органов или крупных частных компаний>». Заметим, что уже в двух этих случаях нам кажется более естественным использовать слово «общественный», а не термин «публичный» (как в переводе обеих книг Хабермаса). Третий контекст относится, скорее, к области социологической – как в выражениях «лишь в пространстве публичности <возможно формирование общности сознания отдельных социальных групп>». Заметим, что здесь в качестве наиболее удачного эквивалента труднопереводимого слова *Öffentlichkeit* мы используем уже «публичность». Четвертый контекст, близкий к третьему, подразумевается в выражениях вроде «публичность есть гарант <того, что частная или политическая концентрация власти будет ограничена>». Здесь подразумевается политологический дискурс, в котором высказывается нечто о месте публичности в политической системе [\[20, S. 1663-1664\]](#). Вывод, который современная политическая теория делает на основании этого анализа: не существует какой-либо одной, «единой» публичности. То, что означает этот термин, будет всякий раз зависеть от того контекста и тех задач, которые являются определяющими для человека, задающего вопрос об «общественности / публичности».

1.2. «Ущербная публичность» немецкой философии первой половины XX в.

Практически в каждой из публикаций Хабермаса, в которой говорится о публичности, всегда присутствует еще одна тема – демократия. Уже самая первая книга этого ведущего теоретика демократии и вообще политического философа немецкоязычного пространства в явной форме увязывает социально-политические проблемы и, в частности, проблему публичности, с проблемами демократии. «Меня интересует, – пишет Хабермас в предисловии 1990 г. – какой вклад данное исследование может внести в вопросы теории демократии, вновь приобретающие сегодня важное значение» [\[1, с. 10\]](#).

Разъяснив эту сущностную связь темы публичности с проблемой демократии, мы можем лучше понять значение его книги о публичной сфере 1962 года. Дело в том, что для немецкой философии первых десятилетий XX в. ни той, ни другой темы не существовало как позитивной философской проблемы. Во-первых, в академической немецкой философии не существовало проблемы демократии. Сегодня эта проблема обсуждается чаще всего в контексте философов, в разной форме критиковавших основы рационализма. Любую критику рациональности клеймили как «иррационализм», а на

иррационализм, в свою очередь, возлагали ответственность за подготовку и укрепление «антидемократического мышления». Наиболее естественными адресатами этой критики представлялись идеи основных представителей немецкого идеализма (Гегель, Фихте, Шеллинг), романтизм, труды Ницше, философия жизни, «органицизм» или «экзистенциализм» [\[29\]](#), [\[30\]](#). Впоследствии критика сосредоточилась на наиболее заметных представителях какой-либо из названных традиций. Центральной фигурой здесь стал Мартин Хайдеггер, в особенности после того, как появились исследования Виктора Фариаса [\[5\]](#); [\[6\]](#) и Хugo Отта [\[27\]](#); [\[28\]](#). Главный вывод этих исследований: краткое ректорство Хайдеггера после прихода к власти нацистов не было случайной политической ошибкой, но происходило из самой сути его философии. Тем самым авторы лишь усилили подозрения, которые задолго до того прямо или косвенно высказывали современники Хайдеггера. В 1953 об этом говорил Карл Лёвигт [\[23\]](#), такого же рода подозрения являются постоянным рефреном заметок К. Ясперса о Хайдеггер [\[18\]](#).

К 70–80-м гг. в целом сложилось мнение, что понимание публичности как позитивного феномена – а вместе с тем, и понимание демократических принципов государственного устройства – в философии Хайдеггера невозможно. Тогда истоки «антидемократизма» стали искать в его публикациях и выступлениях, появившихся до его ректорства во Фрайбургском университете, до прихода национал-социалистов во власть. Внимание обратилось на «Бытие и время»; ввиду проблемы демократии особенно пристально всматривались в знаменитые §§ 25–27, в которых задается вопрос о том, «кто» же, собственно, есть то сущее, о бытии которого в мире речь шла на предыдущей сотне страниц. И здесь Хайдеггер делает неожиданный ход. Вопреки всей традиции, строившей философию на несомненности Я («субъекта» / «человека» / «духа» / «сознания»), – все эти обозначения в зависимости от той или иной философии), Хайдеггер доказывает, что идентичность этого сущего в наиболее частых и повседневных ситуациях «рассыпана» и рассеяна, растворена вовне. Точно так же, как человек может жить преимущественно во внешнем: в мире, в вещах, делах и заботах, он может и вопрос о себе самом понимать по образцу того, как и что делают и понимают другие. Он радуется и печалится, как это принято делать, судит о чем-то, как это обычно делают. Причем и здесь вопрос о «кто» не укажет ни на что определенное: «кто» здесь – «не этот или вот тот, не сам человек, и не некоторые, и не сумма всех», «“кто” здесь нейтрального рода, люди (das Man)» [\[3, с. 126\]](#); [\[13, S. 126\]](#). Это не власть «тех или этих» над человеком, но совершенно особого рода феномен, диктатура безличности. Новаторство Хайдеггера именно в том, что он указывает на каких-либо других субъектов, «социальных агентов», но считает такое растворение и подчинение чертой, присущей самому человеку.

Впервые сходно звучащие идеи мы находим в трудах Кьеркегора. «“Толпа” (Menge) есть неистинное. Вечно, благочестиво и по-христиански звучит то, что говорит ап. Павел: “Лишь один дойдет до цели”, а не в сравнении (vergleichsweise), ибо в сравнении ведь присутствуют и “другие”. Это означает, что каждый может быть этим Одним, и Бог ему в этом поможет – но до цели дойдет лишь один; а еще это значит, что каждый должен с осторожностью соприкасаться с “другими”, и по сути в одиночку говорить с Богом и самим собой» [\[19, S. 99\]](#). Однако в целом для этого феномена отсутствует термин – и Хайдеггер его изобретает, субстантивируя безличное местоимение «man». Но как только такого рода конструкт (das Man – «некто») изобретен, он тут же воспринимается как пародия на человека (der Mann – человек, мужчина), как указание на особого рода конкретных людей, неприметных, безликих. Он воспринимается как критика массового человека; такое понимание закрепляется, когда, вслед за Хайдеггером, проблемы массового общества начинают рассматриваться другими блистательными мыслителями и

мастерами слова. Совершенно не случайно, что «Восстание масс» Хосе Ортеги-и-Гассета появляется двумя годами позже «Бытия и времени». «Масса и власть» (1960) Элиаса Канетти выходит в свет уже в совершенно другой ситуации, но в целом помогает интерпретации Хайдеггера как сторонника консервативных ценностей и врага демократии (к обсуждению этой темы см., в частности: [\[7\]](#)).

Итак, ни демократия, ни публичность не являлись темой немецкой философии в первой половине XX в. Эти концепты были обыкновенно связаны с негативными коннотациями. Конечно, оценивая отношение немецкой философии начала XX в. к демократии и либерализму, необходимо учесть, что некоторые представители академической среды – в основном, неокантианцы – вполне допускали обозначение себя как «либералов и демократов», причем даже в том случае, когда в первые годы Первой мировой выступали в защиту Германии и «немецкого духа». Такие высказывания мы находим, к примеру, у Германа Когена [\[4, S. 304–305\]](#). Однако в случае марбургского неокантианства демократия имеет преимущественно религиозную трактовку.

Может показаться, что говорить о достижениях Хабермаса в разработке теории публичности, используя при этом примеры мыслителей, заведомо считающихся «недемократическими», «консервативными» – слишком простой, если даже не примитивный прием. Однако публичность в позитивном смысле отсутствует и в трудах теоретиков первого поколения Франкфуртской школы. Адорно и Хоркхаймер исходят из того, что к 40-м гг. «публичность (*Öffentlichkeit*) достигла состояния, в котором мысль необратимо превратилась в товар, а слово – в его похвалу» [\[16, S. 171\]](#). Вместо этого слова, встречающегося в «Диалектике Просвещения» один только раз, авторы значительно чаще говорят о публике (*Publikum*). Общая характеристика «публики» по своим негативным коннотациям едва ли отличается от тона, в котором обсуждается безличная публичность в «Бытии и времени»; раздел об индустрии культуры в этом программном произведении двух авторов можно рассматривать как продолжение хайдеггеровского анализа «*das Man*» – но только с учетом новой реальности медиа и экономического устройства буржуазного общества. Радио, с его гонкой за талантами, соревнованиями и рекламой отнимают у публики даже малейший след спонтанности, причем сама природа публики не является пассивным объектом воздействия индустрии культуры, но ее необходимой, сущностной частью [\[16, S. 146\]](#). По сути, Хоркхаймер и Адорно в отношении публики пытаются показать то же самое, что и в отношении идеалов Разума и Просвещения: они показывают, что Просвещению (а соответственно, и либеральным идеалам) может быть присуща саморазрушающая сила, оборачивающая просветительские идеалы в «мифологию», а демократию и публичность – превращают в авторитаризм.

Конечно, нам не следует ожидать многого также от философии, которая (как немецкая в 1910–1930-х гг.) находится под влиянием скептиков и критиков идей социума и социальности. Ренессанс Кьеркегора, характерный для Германии 1910–20-х гг. (и в соответствующий период совершенно отсутствующий в российской, французской и британской философии) с необходимостью заимствовал у Кьеркегора также и ориентацию на единичного, одинокого, изолированного субъекта и сопутствующую критику общества, форм общественной коммуникации как «неистинных». Благодаря этому социальному пессимизму в Германии стала возможной новая радикальная философия человека, ставшая поначалу известной под названием «экзистенц-философии» (1932–1936 гг.), а затем довольно быстро получившая отклик во Франции, уже под маркой «экзистенциализма». Все эти примеры мы используем лишь для

илюстрации того нового уровня рассуждений о демократии и публичности, который достигается в работах Хабермаса.

Главной чертой изменения политической теории от Хоркхаймера / Адорно к Хабермасу и его последователям можно считать отказ от «глобального пессимизма». Хотя он по-прежнему принимается в расчет, однако теперь не является ориентиром для политических исследований. В «методическом и содержательном смысле современная исследовательская программа Института социальных исследований скорее отходит от нее, нежели ее использует» [\[15, S. 17\]](#). При этом сам пессимизм и скепсис этих новых политических теорий никуда не исчезает. Он лишь перемещается на структурно новый уровень. Причем в 2010-20-х гг. он как будто вновь приобретает глобальные черты. «Если еще совсем недавно на уровне описания общественных преобразований сохранялась уверенность, что либерально-демократические общества в целом следуют пути расширения индивидуальных прав и отмене авторитарных стилей поведения, укреплению форм демократического взаимопонимания, то сегодня господствует примечательная сдержанность и даже замешательство уже при самом описании этих процессов», отмечают А. Хоннет и Ф. Суттелюти; процесс достижения равенства прав находится под угрозой обернуться либо усиливающимся контролем, либо политически насижданной гомогенизацией [\[15, S. 13-14\]](#). В последние десятилетия он имеет все те же черты «глобальности», только теперь они располагаются на других, более конкретных уровнях рефлексии. Пессимизм связан теперь не с общими идеями относительно разума и рациональности. Общей тенденцией является отход от общих умозрительных концепций, идет ли речь о критике техники Хайдеггером, критики инструментального разума Хоркхаймером и Адорно или критики власти в работах М. Фуко. Переориентация происходит в пользу «позитивных», позитивистски ориентированных тем и направлений исследований. Каковы они? Начиная с 2016 г., по итогам выборов в США, существенно возрос объем публикаций по проблемам популизма. Интерес к этому феномену не угасает и по сей день, причем «популизм окрашивает <все> демократии современности» [\[22, S. 1\]](#). А вот другой проблемой, приобретшей особую популярность в последние десятилетия, как раз и стала проблема демократического устройства общества в новой ситуации публичности, причем новой ситуации современных медиа.

2. «Публичность 1.0»: «Структурные изменения публичной сферы» (1962)

«Публичная сфера» – одно из наиболее известных понятий Хабермаса, теория публичности изложена в его габилитационной работе, защищенной Хабермасом в 1961 г. и опубликованной годом позже. Публичная сфера не принадлежит ни государству, ни экономической системе, ни различным социальным группам. Это «место», в котором реализуется общественный разум и формируется «общественное мнение». Книга Хабермаса реконструирует историю становления публичной сферы на пример обществ Британии, Франции и Германии. В своей книге Хабермас диагностирует крах традиционных форм политической публичности, постепенно заменяемых средствами массовой информации и организацией экономики. В феодальном обществе средневековья публичная сфера в современном понимании отсутствует – это особая, «репрезентативная публичность», и она формируется «не как социальная область, как сфера публичности, скорее она есть нечто подобное статусному признаку» [\[1, с. 55, 57\]](#). Кстати, однако одним из неожиданных выводов Хабермаса становится заключение о возвращении некоторых черт средневековья в политической культуре XX в. Рациональная критика постепенно уступает место особого рода *publicity* – она уже скорее предполагает конформность и согласие, и в этом смысле «ни к чему не обязывает», но скорее предлагает нечто тому, кто готов за этим последовать, а со

стороны тех, кто эту гласность «предъявляет», publicity отсылает к личному престижу и сверхъестественному авторитету, и мы можем говорить о «рефеодализации публичности» [1, с. 270]. Собственно буржуазная сфера публичности зарождается в XVII—XVIII вв. и реализуется поначалу в форме клубов, салонов и литературных обществ. Навыки и практика критического обсуждения, сформировавшаяся поначалу в обсуждении литературных произведений, вскоре была применена к государственным вопросам. Параллельно, рост и укрепление нового класса буржуазии требовал все большей осведомленности относительно состояния и перспектив рынка; эти интересы способствовали развитию периодической печати (журналов и газет).

Для буржуазной сферы публичности в ее классическом виде характерно резкое разграничение между «публичным» и «приватным». Государственные и политические вопросы — «публичны», тогда как гражданское общество, рыночная экономика и семья — «приватны». Участники буржуазной публичной сферы — приватные субъекты, они вступают друг с другом в рациональную коммуникацию по поводу дел публичных. Хабермас исходит из презумпции, что эти индивиды ориентированы на рациональность и критические аргументы. Из этого следовало также, показывает Хабермас позднее, что эти участники публичной сферы почти исключительно были мужского пола, имели образование и не были бедны. Правда, формально социальный статус участников коммуникации выносился за скобки, основным условием для участия в публичной сфере была грамотность. Структурные трансформации этой «классической» сферы буржуазной публичности приходят с обществом «массовой демократии». Расширившись за пределы образованных состоятельных индивидов, сфера публичности уже не могла исключать вопросы экономического неравенства. Теперь публичная коммуникация и дебаты вышли далеко за пределы критической аргументации, став выражением противостояния интересов различных социальных групп. Вмешательство государства, изобретение и обширное применение технологий манипуляции общественным мнением произвели существенные изменения в сфере публичности.

Мы говорили, что символика двух книг на одну и ту же тему, разделенных более чем полувековой временной дистанцией, сама является отчасти медийным жестом. Более пристальный взгляд позволит увидеть, что публичность является темой не только этих двух книг, но и вообще значительного числа трудов Хабермаса. Так, например, он затрагивает проблему публичности в собрании статей «Фактичность и значимость».

3. «Новые структурные изменения» публичной сферы. «Публичность 2.0»

В сравнении со всеми идеями, высказанными Хабермасом относительно публичности в 1960–2010-х гг., его последняя попытка выявить изменения, произошедшие с публичностью, представляется не столь революционной и радикальной. Исследователь делиберативной политики найдет в текстах «много знакомого и мало нового» [8], теоретики медиа найдут, что большая часть критических замечаний в адрес новых форм публичности уже не раз озвучивалась в связи с критикой Facebook и Twitter.

Одна из главных идей публикации 2021/22 гг. заключается в том, что современные медиа достигли качественно нового уровня, и это новое их качество создает ряд угроз для современной либеральной демократии. Одна из таких угроз заключается в сегментации публичности, ее превращении в ряд замкнутых и друг от друга изолированных «миров» — Хабермас называет этот феномен «фрагментацией». Два других феномена новой публичности, находящихся под влиянием медиа — дезинформация и поляризация. Дезинформация, о которой особенно много говорят в

последние семь лет, используя словосочетание «fake news», использует двуединую стратегию: с одной стороны, преследование «ложной прессы», с другой – намеренное распространение недостоверных сведений. Все эти три феномена новых медиа разрывают единое пространство гражданского общества, тогда как для того, чтобы демократия функционировала, необходимо, чтобы население находилось в согласии по крайней мере какого-то минимального ядра убеждений. Итак, новые структурные изменения публичности Хабермас связывает именно с принципиально новой ролью медиа. Однако ни в теории новых медиа, ни в распознании новой медийной роли социальных сетей, начавшей становиться заметной лишь с 2008–2010-х гг., Хабермас не является первооткрывателем. После Маршалла Маклюэна, абсолютного пионера в области теории медиа, одним из его крупнейших теоретиков был не менее знаменитый соотечественник Хабермаса, Никлас Луман^[24]. Проблема публичности и цифровых медиа широко обсуждалась и в предшествующее десятилетие³.

Публичность – ключевая тема для проблемы демократии у Хабермаса. (В свою очередь, теория демократии, наряду с конституционно-правовой структурой современного общества – ядро политической теории Хабермаса). Но еще более точным было бы сказать, что в центре политической теории немецкого философа находятся три взаимосвязанные темы: разум, дискурс и публичность. Каждая из них соответствует важном блоку внутри наследия Хабермаса. С отказом от философии субъективности (в частности, феноменологии Гуссерля), «разум» символизирует коммуникативную рациональность. Средой и способом проявления этой рациональности является дискурс. Различные системы дискурса являются формой коммуникативного прояснения притязаний на значимость в условиях пост-метафизического мышления в плюралистических обществах. Именно поэтому дискурс по своей природе публичен (*öffentlich*). Хабермас исходит из презумпции партнеров по диалогу, ориентированных на взаимное понимание. Согласовывая друг с другом свои политические цели, участники должны предъявить друг другу основания значимости своих целей и суметь аргументативно защитить их в процессе обмена мнениями. Цель при этом – признание этих целей также и другими участниками коммуникации. Особую сложность этого дискурсивного обоснования притязаний образует то, что право лишь отчасти обосновывается в процессе аргументации. С другой стороны, оно учреждается и поддерживается административной властью, таким образом фактически действующее (*geltendes*) право не обязательно обладает также и рациональной легитимностью^[10].

Именно необходимость связи «фактического» и «значимого», нормативного и определяет ту роль, которую для всей философии Хабермаса играет тема публичности.

Примечания

¹ Впрочем, сегодня не менее часто можно встретить обозначения, намекающие на достижения новых этапов развития публичности, например, «Публичность 3.0».

² К истории этого термина см., в частности: [\[15\]](#); [\[20\]](#).

³ Ср., в частности: [\[25\]](#) (здесь в наиболее структурированном виде даются различные виды цифровых медиа: онлайн-издания, блоги и микроблоги, корпоративные платформы, домашние страницы и, наконец, социальные сети. Понятие «цифровой публичности» определяется, соответственно, как «совокупность свободно доступных цифровых коммуникационных медиа, доступного там контента, а также всех индивидов, обогащающих и потребляющих эти медиа в качестве авторов, комментаторов или

читателей.

Библиография

1. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 года / Пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Весь мир, 2016.
2. Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Пер. С нем. Т. Атнашева, научн. ред. Т. Вайзер. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: ad Marginem, 1997.
4. Cohen H. Kleinere Schriften V. 1913—1915 / Bearb. u. eingel. v. H. Wiedebach // Hermann Cohen. Werke. Bd. 16. Hildesheim; Zürich; New Yorck: Georg Olms, 1997. XXXVI, 671 S.
5. Farías V. Largasse: Heidegger et le nazisme. Lagrasse: Editions Verdier, 1987.
6. Farías V. Heidegger und der Nationalsozialismus / Aus dem Spanischen und Französischen übers. v. K. Laermann, mit einem Vorw. v. J. Habermas. Frankfurt a.M.: S. Fischer, 1987.
7. Féher I.M. Heidegger und Kant – Heidegger und die Demokratie // Europa und die Philosophie. Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann, 1993. S. 105-127 (Martin-Heidegger-Gesellschaft. Schriftenreihe. Bd. 2).
8. Freudenthaler R. Habermas, Jürgen: Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik // Publizistik. 2023. Bd. 68. S. 389–391.
9. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Luchterhand, Neuwied am Rhein 1962 bis 1987 (17. Auflage), ISBN 3-472-61025-5; 1. bis 5. Auflage der Neuaufgabe, Suhrkamp, Frankfurt am Main 1991 bis 1995.
10. Habermas J. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.
11. Habermas J. Postscript to Faktizität und Geltung // Philosophy & Social Criticism. 1994. Vol. 20. No. 4. P. 135–150.
12. Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit? In: Martin Seeliger, Sebastian Sevignani (Hrsg.): Leviathan. Sonderband 37. Nomos, Baden-Baden 2021. S. 470–500.
13. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Niemeyer, 2001. 18. Aufl. XIV, 445 S.
14. Hölscher L. Öffentlichkeit // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Red.: W. Conze, unter Mitarbeit v. Chr. Meier. Bd. 4 (1978) Mi-Pre. S. 413–467.
15. Normative Paradoxien. Verkehrungen des gesellschaftlichen Fortschritts / Hrsg. v. A. Honneth, K.-O. Maiwald, S. Speck, F. Trautmann. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 2022. 405 S.
16. Horkheimer M. Gesammelte Schriften. Bd. 5: "Dialektik der Aufklärung" und Schriften 1940–1950. Frankfurt a.M.: S. Fischer, 1987.
17. Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2022.
18. Jaspers K. Notizen zu Martin Heidegger / Hrsg. v. H. Saner. München; Zürich: Pieper, 1978.
19. Kierkegaard S. Die Schriften über sich selbst. Düsseldorf; Köln: Diederichs, 1964. XVI,

176 S.

20. Kohler G. Öffentlichkeit // Neues Handbuch philosophischer Grundbegriffe. Begr. v. H. Krings, H.M. Baumgartner u. Chr. Wild ; neu hrsg. v. P. Kolmer, A.G. Wildieuer. Bd. 2 (Gerechtigkeit - Praxis). Freiburg. i. Br.; Mu"nchen: Karl Alber, 2011. S. 1663–1675.
21. Welche Öffentlichkeit brauchen wir? Zur Zukunft des Journalismus und demokratischer Medien. Wiesbaden: Springer VS, 2023.
22. Lewandowsky M. Populismus. Eine Einfu"hrung. Wiesbaden: Springer VS, 2022. 196 S.
23. Löwith K. Heidegger – Denker in dürftiger Zeit // Löwith K. Sämtliche Schriften. Stuttgart: J.B. Metzler, 1984. Bd. 8: Heidegger – Denker in dürftiger Zeit. S. 124–163.
24. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. 2., erw. Aufl.
25. Mielke B., Wolff Chr. Gerichtsverfahren und der Strukturwandel der Öffentlichkeit durch digitale Medien // Transparenz. Proceedings 17. Internationales Rechtsinformatik-Symposium Salzburg (IRIS 2014) / Eds: E. Schweighofer, F. Kummer, W. Hötzendorfer. Wien: Österreichische Computer-Gesellschaft (ÖCG), 2014.
26. Noelle-Neumann E. Öffentliche Meinung. Die Entdeckung der Schweigespirale. Berlin; Frankfurt a. M.: Ullstein, 1996.
27. Ott H. Martin Heidegger. Unterwegs zu seiner Biographie. Frankfurt a.M.: Campus Verl., 1988.
28. Ott H. Martin Heidegger. A Political Life. London: Harper Collins, 1993.
29. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1957. Hf. 1. S. 44–62.
30. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik: die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München: dtv Verlagsgesellschaft, 1978.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой обстоятельное и весьма квалифицированное освещение дискуссий, связанных с понятием «публичность», которые велись в немецкой философии с 60-х гг. прошлого века и продолжают вестись сегодня. Вполне ожидаемо, что в центре этих дискуссий оказывается фигура Ю. Хабермаса, «властителя дум» уже нескольких поколений читателей, верящих в возможность функционирования в буржуазном обществе механизма принятия решений, которые основывались бы на рациональной аргументации различных точек зрения и демократической организации выбора модели решения социальных проблем из множества предлагаемых альтернативных вариантов. Следует констатировать, что автору удалось представить ясную и достаточно полную картину дискуссий по социально-философской проблематике, связанных с понятием публичности. Замечания, которые могут быть сделаны к тексту статьи, носят рекомендательный характер, и они не могут рассматриваться в качестве препятствия для решения Редакции о возможности публикации. В статье присутствуют подзаголовки, и это помогает усвоению её содержания, но нет привычных для большинства читателей введения и заключения. Первый абзац текста является описательно-историческим по своему характеру (что в определённой степени соответствует тематике и реальному содержанию и статьи в

целом), в нем нет формулировки проблемы и задач исследования. Думается, дополнение этого фрагмента соответствующими (хотя бы краткими) указаниями будет способствовать тому, что читатели увидят в статье не только историю обсуждения избранного автором понятия, «сгруппировавшего» вокруг себя социально-философские дискуссии последних десятилетий (и, разумеется, не только в Германии), но и «приглашение» к собственным размышлениям по проблеме роли рациональности в принятии решений в социально-политической сфере в современном мире. Примерно то же самое можно сказать и о двух завершающих абзацах, которые также по существу можно рассматривать как заключение, но и в этой части текста можно было бы оттенить именно результаты проделанной автором работы, чтобы у читателя не оставалось впечатления, что ему просто рассказали некую «интересную историю», которая закончилась и уже не требует продолжения. Правда, при этом (если заключение выделить в качестве отдельного фрагмента текста) последний пункт (««Новые структурные изменения» публичной...») окажется слишком кратким, его нужно будет расширить, да это, думается, и по существу было бы правильным. Далее, автор, кажется, не вполне критично относится к самим принципам Ю. Хабермаса. Насколько «реализуемы» они в современном буржуазном обществе? Вряд ли стоит подробно доказывать, что ни в Германии, ни в других частях сегодняшнего «цивилизованного мира» ни рациональность, ни существующие основываться на ней демократические механизмы принятия решений не играют существенной роли в социально-политической жизни. Не следует ли из этого, что сами представления Хабермаса были весьма упрощёнными, а потому и поддерживались реальными субъектами политической жизни как безопасные благонамеренные иллюзии? Кажется, последнее предложение текста позволяет полагать, что и сам автор приближается к подобной постановке вопроса. Одним словом, хотелось бы, чтобы автор продолжил свои исследования темы «публичности» с учётом реального положения в сегодняшней социально-политической жизни. Рекомендую рецензируемую статью к публикации в научном журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Подольский В.А. — «Социальный вопрос» в политической философии Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и С.Л. Франка: сравнительный анализ концепций // Философская мысль. – 2023. – № 12. – С. 53 - 69. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.69439 EDN: AXPMEU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69439

«Социальный вопрос» в политической философии Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и С.Л. Франка: сравнительный анализ концепций

Подольский Вадим Андреевич

ORCID: 0000-0002-1659-9025

кандидат политических наук

научный сотрудник, сектор истории политической философии, Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12

✉ deomniscibili@yandex.ru

[Статья из рубрики "Политическая философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.12.69439

EDN:

AXPMEU

Дата направления статьи в редакцию:

24-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Обращение к истории политической философии первой половины XX века целесообразно для анализа происхождения и развития концепций, повлиявших на создание современного социального государства. Иерархия ценностей определяет постановку и порядок решения социального вопроса и представления о надлежащей архитектуре социальной политики. Решения, заложившие основания социальной политики в Европе, были приняты в конце XIX – начале XX века, и в их логике наиболее заметны параллели с совокупностью религиозно-обоснованных социальных и экономических предложений, которые обычно объединяются под названием "христианский социализм". Цель статьи – выявить и сопоставить отношение российских

авторов, которые были наиболее близки к христианскому социализму, к происхождению и проявлениям социального вопроса и подходы к его решению. Рассматриваются ключевые сочинения авторов, относящиеся к социальной проблематике. Используются сравнительно-исторический подход, герменевтика, дискурс-анализ, анализ институтов. Авторы скорее ставят "социальный вопрос", нежели предлагают его решение, критикуют экономический детерминизм в социализме и говорят о важности внутреннего развития человека. Все авторы прошли путь от увлечения марксизмом к его критике, хотя взгляды Бердяева сместились в его поздних трудах влево, к наиболее радикальной из трёх мыслителей позиции, к убеждению в необходимости преобразовать общественный строй и упразднить капитализм, который он обвиняет в угнетении и эксплуатации. Булгаков симпатизирует логике организации хозяйства в социализме, но считает возможным изменение экономических отношений при сохранении политического строя. Франк убеждён, что для социальной поддержки нуждающихся достаточно ограниченных социальных реформ в рамках рыночной экономики. Бердяев и Булгаков считают приоритетной категорию справедливости, а Франк – служения.

Ключевые слова:

Бердяев, Булгаков, Франк, социальная политика, христианский социализм, консерватизм, социальный вопрос, общественный идеал, капитализм, справедливость

Введение.

Изучение концепций политической философии начала XX века, относящихся к социально-политическим проблемам, целесообразно для оценки особенностей современной социальной политики и её задач. Тенденции и вызовы, которые проявляются в функционировании социальной политики в настоящее время, происходят из различных подходов к пониманию и решению «социального вопроса», связанного с формированием и статусом рабочего класса в условиях урбанизации и индустриализации в XIX-начале XX века, различного восприятия экономических и административных процессов, и разных мнений о правах, обязанностях, свободе, справедливости и равенстве.

Инициаторами наиболее масштабных социальных реформ в XIX веке были консервативные правители – Наполеон III во Франции, Б. Дизраэли в Британии, О. фон Бисмарк в Германии. Их преобразования воплощали принципы «феодального патернализма», идеи заботы властителей о подданных, которая противопоставлялась эгоизму и безразличию *laissez-faire* либерализма с одной стороны и всеобъемлющим изменениям революционного социализма с другой. Направлением политической философии, наиболее близким к логике социальных реформ конца XIX века, был христианский социализм. Этот подход совмещал восприятие экономических и общественных проблем из социалистических учений и христианские предложения по их решению. Во Франции о религиозном обосновании социальных реформ рассуждали Р. де Ламенне, Ф. ле Пле, А. де Мен, Р. ля Тур дю Пен, в Испании – Х. Бальмес, в Британии – Т. Карлейль и Дж. Рёскин, в Германии и Австрии – В. фон Кеттлер и К. фон Фогельзанг.

Среди отечественных авторов больше всего проблеме соотношения христианства и социализма уделяли Н.А. Бердяев (1874-1948), С.Н. Булгаков (1871-1944), С.Л. Франк (1877-1950). Анализ их восприятия социальной проблематики важен, поскольку в их творчестве предлагается политico-философское обоснование принципов и ценностей,

связанных с реализацией социальной политики. Существует ряд монографий, диссертаций и статей отечественных исследователей, посвящённых изучению и сравнению взглядов Бердяева, Булгакова и Франка и отношению российских философов к социализму и общественным идеалам [\[13\]](#), [\[14\]](#). Отдельно исследовались политическая философия и социальные идеи каждого из авторов – Бердяева [\[15\]](#), Булгакова [\[11\]](#), [\[22\]](#) и Франка [\[16\]](#).

Ряд ранних работ изучаемых авторов был посвящён развитию и осмыслению марксистской философии, вызовам, связанным с капитализмом и рыночной экономикой. Булгаков рассуждал о происхождении социальных явлений и мировоззрений из хозяйственных отношений в книге «О рынках при капиталистическом производстве» (1897) [\[7\]](#) и ряде статей. Бердяев критиковал марксистскую методологию в статье «Катехизис марксизма» (1905) [\[3\]](#). На Франка [\[2, с. 20\]](#) и Бердяева [\[23\]](#) повлияло неокантианство, вследствие чего их внимание постепенно перешло от экономических и социальных факторов к вопросу положения и состояния личности. Первая книга Франка, «Теория ценности Маркса» (1900) [\[21\]](#), была посвящена критике марксизма. В книге Бердяева «Философия неравенства» (1917) [\[5\]](#) используется консервативная аргументацию об общественной иерархии. В поздних работах Бердяев обращается к радикальным идеям, как в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937) [\[4\]](#) и особенно в ответе Франку о христианском социализме в статье «Христианство и социальный строй» (1939) [\[6\]](#). Хотя Франк продолжал критику капитализма и в книге «Крушение кумиров» (1923) [\[19\]](#), и в книге «Духовные основы общества» (1930) [\[18\]](#), он выражает консервативные представления, дистанцируясь, впрочем, от статичности традиционализма. Булгаков под влиянием идей Карлейля [\[8\]](#) и Рёскина [\[9\]](#) о роли личного подвига в истории, служения и значении дисциплины и воспитания стал критиковать утилитаристские представления об «экономическом человеке», чьё поведение определяется сугубо эгоистическом преследованием материальной выгоды, и идеи Оуэна и Маркса о детерминизме экономической среды, исключавшие свободную инициативу личности [\[22, с. 61-62\]](#). Его внимание смещается к восприятию общества и экономики как организма, а не механизма, и к религии в такой статье как «Христианство и социальный вопрос» (1906) [\[12\]](#), в диссертации «Философия хозяйства» (1912) [\[10\]](#) и в брошюре «Христианство и социализм» (1917) [\[11\]](#).

Авторские определения ключевых понятий: «социальный вопрос» и «социализм».

Общая для Бердяева, Булгакова и Франка цель – сформировать христианский ответ на социальный вопрос индустриального общества. Все они критикуют капитализм, но используют разные категориально-понятийные системы. Бердяев [\[6\]](#) и Булгаков [\[12\]](#) говорят о том, что капитализм связан с такими проблемами, как классовое противостояние богатых и бедных, угнетение, атомизация, эгоизм, называют капитализм человеконенавистничеством, сравнивают его с крепостным правом и рабовладением. Бердяев полагал, что капиталистический строй – «организованная несправедливость» и «унижение достоинства», игнорирует нужду человека и бедность, опирается на конкуренцию и погоню за прибылью [\[6, с. 33-34\]](#). Булгаков использует похожие аргументы и называет капитализм, цитируя Карлейля, организованным мамонизмом, поскольку он выводит хозяйство из подчинения морали и религии [\[11, с. 31-33\]](#). Булгаков говорил о рабочем вопросе как злоупотреблениях, происходящих из имущественной зависимости трудящихся от капиталистов [\[22, с. 60\]](#). Бердяев использует термины «классовая борьба»,

«эксплуатация» и связывает социальной вопрос со свободой организации труда [\[13, с. 139-140\]](#). Франк говорит о проявлении социального вопроса как бедности масс при равнодушии имущих классов, неэффективности благотворительности [\[20\]](#). Франк говорит о том, что гибельность социализма показана опытом, но и эгоистический капитализм несёт страдания и стал причиной распространения социалистических убеждений [\[19, с. 201\]](#).

Следующее важное различие между авторами возникает при определении социализма. Франк признаёт социализм как ответственность за материальную судьбу ближних, и в этом случае, по мнению Франка, всякий христианин – социалист. Социализм как обобществление средств производства вызывает у Франка ряд нареканий [\[20, с. 19\]](#). Социализм, по его мнению, допустим в форме государственного принуждения во избежание анархии и эксплуатации, но не как строй, поскольку он утопичен и радикален [\[13, с. 143\]](#). Бердяев считает, что социализм означает персонализм, права человека в экономике, ставит ценность трудящегося выше интересов государства [\[6, с. 36\]](#). Булгаков определяет социализм и конвенционально, как обобществление собственности на средства производства [\[11, с. 37\]](#), и шире, как особую этику хозяйства [\[10, с. 357-358\]](#), которая имеет целью освобождение от хозяйства [\[11, с. 8\]](#).

Мнения Бердяева, Булгакова и Франка об отношении христианства и социализма.

Все три автора считают словосочетание «христианский социализм» неудачным. Франк полагал, что название «христианский социализм» смешивает понятия [\[20, с. 28\]](#). Бердяев утверждал, что уместнее говорить о религиозно обоснованном социализме [\[6, с. 33\]](#). Булгаков подробно останавливается на проблеме определения и рассуждает, что христианского социализма нет и не должно быть, поскольку христианство не обещает общность имущества. Он убеждён, что в представлениях социализма о хозяйственной организации общества присутствует христианская идея, и что христиане должны ради гуманных целей строить социализм вместе с язычниками, объяснять цели и проповедовать задачи социализма [\[12, с. 219\]](#). Бердяев в «Философии неравенства» говорил о том, что мог бы назвать себя христианским социалистом, но указывает, что «христианский социализм» был создан католической церковью для борьбы с социализмом. Христианство и социализм противоположны, считает Бердяев, поскольку социализм – религия земного хлеба, христианство – небесного. Социальные цели были свойственны еретическим, хилиастическим движениям, которые не понимали, что Царство Божие не принадлежит этому миру. Попытки создания рая на земле всегда приведут к созданию ада и тирании. В смешении христианства и социализма Бердяев видит след еврейской апокалиптики [\[5, с. 197-198\]](#): пролетариат объявляется мессианским классом, а партия – выразителем его воли, которой подчиняется народ [\[5, с. 219\]](#). Булгаков также говорит, что социализм представляет собой восстановление мессианских учений, а Лассаль с Марксом проповедуют эсхатологическое, но при этом земное царство [\[11, с. 17\]](#). И Булгаков [\[12, с. 203\]](#), и Франк, и Бердяев отмечали, что социальный вопрос ставили люди нехристианских взглядов [\[13, с. 140\]](#). Бердяев утверждал, что христиане сделали недостаточно для воплощения христианских принципов и братства. Бердяев называл коммунизм вызовом христианскому миру и упрёком в неисполненном долге [\[4, с. 139-141\]](#). В поздних работах Бердяев писал, что церковь должна осудить капитализм и поддержать социализм [\[4, с. 147-148\]](#). Он использовал марксистскую

терминологию и утверждал, что церковь стала поддерживать угнетение господствующими классами [\[4, с. 139\]](#).

Бердяев считает, что христианство должно не презирать, но уважать материальные нужды людей. Хотя человек живёт не хлебом единым, но хлеб должен быть доступен всем [\[4, с. 151\]](#). Бердяев напоминает, что у пророков, в Евангелии и у ранних учителей церкви можно найти идеи о равенстве людей перед Богом, а осуждение собственности и богатых у Василия Великого и Иоанна Златоуста Бердяев сравнивает с Прудоном и Марксом. Собственность, отмечает Бердяев, учителя церкви называли кражей, а Златоуста Бердяев называл коммунистом [\[4, с. 139-140\]](#). Булгаков также ссылается на раннехристианские учения, и указывает, что в них осуждалась частная собственность и эгоизм собственников, но не для того, чтобы приучить бедных ненавидеть богатых и завидовать им, как в социализме, а для того, чтобы богатые осуществляли благотворительность [\[11, с. 36-37\]](#). Булгаков напоминает об активной благотворительности христианских общин: милостыне, поддержке странников, вдов, сирот, больных и нетрудоспособных, заботе о пленных, поддержке учителей, помохи при погребении бедных, поддержке при несчастных случаях. Помощь при поиске работы, которую предоставляли раннехристианские общины, Булгаков считает прообразом современной социальной политики [\[12, с. 205\]](#). По мнению Бердяева, православие на Руси содействовало воспитанию душ и приучило к состраданию, поиску правды [\[4, с. 144\]](#).

Бердяев считает необходимым социализм для предотвращения эксплуатации. Социализм как построение бесклассового общества, по мнению Бердяева, прямо следует из христианских предписаний [\[13, с. 144\]](#). Булгаков видел в социализме средство для согласования прогресса и справедливости [\[1\]](#). По мнению Булгакова, социализм устранил бы контраст между крайним избытком богатых и крайней нуждой бедных [\[12, с. 203\]](#). Булгаков полагает, что конфликт социализма и христианства не был неизбежным, но социализм воспринимает религии враждебно из-за того, что стремится стать единственной религией, проповедует царство от мира сего, призывает построить рай на земле, чтобы забыть о небе [\[11, с. 45\]](#). Социалистическое государство Бердяев называет авторитарным и теократическим, оно не может быть веротерпимым и не может признавать свобод [\[5, с. 219-221\]](#). Материалистический социализм означает принудительную добродетель, которая может быть только свободной, и принудительное братство, которое осуществимо только через Христа, в церковном общении [\[5, с. 200\]](#).

Мнения Бердяева, Булгакова и Франка о приоритете материальных ценностей в социализме.

В социализме, полагает Булгаков, воспроизводятся существующие в капитализме неправды, а именно убеждённость в отсутствии сил, помимо экономического интереса, что представляет собой воинствующее мещанство и обедняет душу народа [\[11, с. 30-34\]](#). Булгаков говорит о том, что социализм предполагает сохранение корыстного отношения к природе как фабрике [\[11, с. 19\]](#). Бердяев выражает аналогичные идеи в «Философии неравенства», и указывает, что из-за роста потребностей и численности населения сформировалась индустриальная капиталистическая цивилизация, связанная с риском катастроф, и для преодоления этих рисков нужны аскеза и одухотворение хозяйственной жизни. Он писал, что социализм так же рушит иерархию и духовные основы хозяйства, как капитализм, сделавший собственность орудием корысти и угнетения близких [\[5, с. 19\]](#).

[266-269](#), и порождён капиталистической погоней за наживой. Социализм – зависть и месть, вызванные давлением нужды и бедствий пролетариата, и тем, что высшие классы не исполняли своих обязанностей. Бердяев отмечает, что материалистический социализм не содержит творческого начала и хочет буржуазности для всех [\[5, с. 192-195\]](#).

По мнению Бердяева, социализм придаёт религиозное значение пролетариату, но не защищает и не уважает труд, не стремится к его облагораживанию, и тем самым остается в смысловом пространстве капитализма. По мнению Бердяева, труд связан с правами и обязанностями. Если капитал отрицает права труда, то он выходит из иерархии общества и превращается в зло, с которым следует бороться. Священным, по мнению Бердяева, можно считать только труд в рамках иерархии, о чём говорили Платон и Рёскин [\[5, с. 214\]](#), в предлагаемом им иерархическом социализме, основанном на служении, а не корысти [\[5, с. 194\]](#). Английский социализм Бердяев оценивает выше, чем немецкий или французский, поскольку он направлен на сотрудничество, а не борьбу классов, и совмещает реализм и идеализм, как у Карлейля и Рескина. Имущие классы, пишет Бердяев, после манчестерской погони за наживой, стали осознавать своё призвание и стали проводить социальные реформы [\[5, с. 195-196\]](#). Булгаков также обращается к наследию Карлейля и Рескина. Карлейль рассматривал социальный вопрос как вопрос этический и религиозный, как последствие греха, то есть отсутствия заботы о нуждающихся, лидерства и воспитательной активности элит [\[8, с. 147\]](#). Рецепты Карлейля по восстановлению средневековой этики труда, впрочем, Булгаков считает такими же несостоятельными, как и толстовские. Миссия пророка, указывает Булгаков – обличать, миссия социального политика – предлагать конкретные меры [\[8, с. 138\]](#).

Взгляды Бердяева, Булгакова и Франка на природу человека в контексте «социального вопроса».

Булгаков напоминает о двух подходах к человеческой природе, пессимистически-аскетическом, когда человека призывают к борьбе с собой и указывают на его ограниченность, и оптимистически-гуманистическим, когда предполагается, что человек совершенен и не нуждается во внешней помощи и может решить любые задачи с помощью прогресса. В человекобожии прогресс получает религиозное значение. Социализм Булгаков считает плодом оптимистического гуманизма возрождения [\[11, с. 24-25\]](#). Франк убеждён, что христианин не может соглашаться с идеей Руссо о происхождении зла, несправедливости и бедствий в общественной жизни только из неправильной организации институтов. Зло определено природой человека и не может быть устранено организационными мерами [\[20, с. 25-26\]](#). В «Философии неравенства» Бердяев пишет, что социализм ошибается, когда видит причину бедности и страданий в действии злой воли господствующих классов. Общественная организация, считает Бердяев, связана с природными закономерностями, а не произволом. Бедствия человека и нужда связаны с греховной природой человека и мира [\[5, с. 207-208\]](#). Впоследствии Бердяев начал критиковать идею, что первородный грех стал причиной социальных бедствий и утверждал, что христианство использовали для оправдания зла, несправедливости, угнетения [\[4, с. 140\]](#).

Авторы в основном соглашаются относительно приоритета свободы воли над влиянием среды, общественными формами и производственными отношениями [\[12, с. 213-214\]](#). Социализм обещает рай на земле, а нравственную личность одновременно и не признаёт [\[11, с. 35\]](#), поскольку утверждается детерминирующее всесилие среды, определяющее

поведение, и требует сверхусилия от личности для преодоления законов среды [11, с. 28]. Сознание Руссо Бердяев считает языческим, поскольку в нём, как в дохристианских учениях, обществу подчиняются личная свобода, права и внутренний мир, как и у Маркса [5, с. 157-158]. Руссо верил в естественную доброту природы человека и ожидал ее проявления при народовластии, что было опровергнуто историей. Руссо не ставил задачу преодоления греха и зла, перевоспитания и улучшения человека и народа [5, с. 175]. Бердяев говорит, что коммунизм не способен создать нового человека, поскольку человека видят в качестве средства, а не цели [4, с. 148]. Булгаков [11, с. 25] и Бердяев [4, с. 148] отмечают, что в материалистическом социализме социология вытесняет антропологию – изучается не человек, а строение общества и экономика, которые определяют поведение личности. Бердяев говорит о том, что в христианском представлении реальность человека первична по отношению к реальности общества. Человек, рассуждает Бердяев, жертвуя жизнью, но не личностью. Коммунизм же личности не понимает и отрицает её, делая класс идолом [4, с. 145]. Франк говорит, что человек создан по образу и подобию Бога, его свобода неустранима, поэтому социализм, превращающий человека в деталь механизма, заменяющий индивидуальную волю общей ради того, чтобы хозяйственные блага были справедливо распространены, приведёт к бунту или уничтожающей общество деспотии. Франк утверждает, что ограничение свободы равнозначно убийству, а отказ от свободы – самоубийству [18, с. 115-116].

Отношение авторов к собственности и свободе.

Свободная инициатива индивида, пишет Бердяев в «Философии неравенства», должна сочетаться с государственным регулированием и общественными объединениями, социалистические принципы должны совмещаться с либеральными и консервативными. Социальные реформы, преследующие цель защитить трудящихся, должны опираться на традиции, преемственность, права человека, быть совместимы с частной собственностью. Но если собственность не подчинить высшим началам с помощью социальных реформ, она может стать орудием корысти и угнетения, в этом случае социальное восстание будет иметь в себе долю правды [5, с. 217]. По мнению Бердяева, социализм приемлем как средство для защиты свободы хозяйствования личности. В «Философии неравенства» Бердяев рассуждал о том, что собственность – это духовное, а не материальное начало, связано со свободным творчеством и подразумевает семейную, родовую преемственность, позволяет преодолеть время, воплощает бессмертие, отношение с предками. Права и обязанности возникают тогда, когда человек использует волю для воздействия на природу, и сохраняются после его смерти в его потомках [5, с. 265-269]. Булгаков также говорил о хозяйстве как творчестве и проявлении свободы [1]. В «Философии неравенства» Бердяев писал, что коллективизм, отрицая собственность, порабощает личность стихийным силам природы, корысти и потреблению, рушит образ человека [5, с. 265-269].

Взгляды Бердяева на собственность как проявление личности со временем менялись. Признавая справедливое и несправедливое неравенство, он приходит к умозаключению, что собственность на средства производства служит воплощением несправедливости и не оправдана [13, с. 145]. По его мнению, применение римского права и права наследования превращало орудие производства в средство угнетения, и поэтому упраздняло право владельца свободно использовать имущество. Бердяев полагал, что

допустима лишь личная трудовая собственность, исключающая капитализацию [\[6, с. 34\]](#). Капитализм, считает Бердяев, разрушает личность, превращает человека в вещь и товар, и поэтому капиталистическая система несовместима с христианством. В идеях коммунизма он видит больше христианского. По мнению Бердяева, только те христиане, которых нельзя обвинить в поддержке интересов капитализма, могли бы обличать неправды коммунизма. Бердяев выделяет два подхода к хозяйственной жизни. Буржуазный подход Бердяев связывает с римским правом и считает антихристианским, поскольку этот подход предполагает, что реализация частного интереса содействует благу общества и государства. Коммунистический подход, по мнению Бердяева, ближе к христианству, поскольку исходит из идеи, что за служение обществу индивид будет вознаграждён [\[4, с. 150-151\]](#). Бердяев убеждён в том, что Маркс открыл представление об экономике как борьбе, а экономические законы называл вымыслом буржуазии [\[6, с. 34\]](#). Бердяев переходит к радикальной риторике, и пишет, что недопустимо терпеть сосредоточение богатств у привилегированных классов, поскольку предположения, что эти богатства будут направлены на пожертвования ближним, не подтверждаются [\[6, с. 36\]](#). По мнению Бердяева, безразличное отношение к социальному вопросу означало поддержку существующего зла [\[13, с. 141\]](#).

Бердяев утверждает, что экономическая свобода означает рабство трудящихся. Он говорит о том, что всякая реформа, направленная на облегчение положения трудящихся и ограничение привилегий критиковалась за ограничение свободы. Бердяев использует категории «борьба», «достойное существование», «угнетение», «освобождение трудящихся классов». По его мнению, упразднение капитализма предполагает единомоментное действие, как упразднение рабства и крепостного права. Он считает, что необходимо изменение структуры общества с помощью принудительного акта, а не ожидание укрепления христианских добродетелей. По мнению Бердяева, уничтожение капиталистического строя и внедрение более справедливого строя означало бы меньшее насилие и принуждение, чем сохранение капитализма [\[6, с. 34\]](#). Бердяев полагает, что при социализме основным субъектом хозяйственной деятельности должны стать кооператив и отдельный человек. Государство должно взять под контроль часть крупной промышленности, выступать в качестве посредника в хозяйственных отношениях и гарантировать отсутствие угнетения и эксплуатации [\[4, с. 152\]](#). Бердяев убеждён, что социализм означает кооперативизм и противоположен эстетизму [\[6, с. 36\]](#). Бердяев писал, что жёсткость коммунистического строя в России связана с гипертрофированной ролью государства [\[4, с. 151-152\]](#) и воплощает наследие Грозного, а не Маркса [\[6, с. 35\]](#).

Мнения Бердяева, Булгакова и Франка по поводу революций и их значения для «социального вопроса».

В более ранних работах Бердяев выражал консервативные идеи о революциях и изменении общественного строя, указывая, что революционные меры и бунты только вредят хозяйству [\[5, с. 265\]](#), и что социальная революция напоминает грабёж [\[5, с. 44\]](#). Социальное развитие означает увеличение власти над природой, рост производительности экономики и изменение отношений между людьми. Социальный процесс, писал он – эволюция, но не революция, переворот не может изменить экономические отношения, но может быть только разложением [\[5, с. 216-217\]](#). Франк отмечал, что радикальная интеллигенция видела в разрушении существующего строя, который обвиняла в угнетении и нищете, единственное средство улучшения благосостояния народа, но на деле революция каждый раз означает деспотизм и

истребление во имя идей об общественном добре и правде, следовательно, проблема в методе, а не в идеях. Ожидание немедленного осуществления добра всегда ведёт к катастрофе [\[19, с. 203-204\]](#). По мнению Франка, как взрыв парового котла не исправляет его поломки, так и революция не может исправить общественный порядок [\[18, с. 116\]](#).

Булгаков пишет о том, что и в истории, и природе действуют законы. И в медицине нужно учитывать свойства организма, которые находит наука, и в социальной политике нужно учитывать характеристики социальной ткани, чтобы не допустить её разрыва [\[12, с. 212\]](#). В «Философии неравенства» Бердяев писал, что христианство содействовало упразднению рабства не через социальное действие, а через внутреннее, духовное. В отличие от сектантства, христианство видит закономерности социальных изменений и историческую преемственность, которые не могут быть упразднены. Преодоление социальных бедствий возможно только в Царствии Божьем. Бердяев указывал, что социальный вопрос разрешить невозможно, но возможно решать отдельные социальные вопросы [\[5, с. 213\]](#). Бердяев считал, что христианство не учит революции, изменению или сохранению общественного строя, который связан с историческими и природными условиями, но призывает к добродетелям, самопожертвованию, милостыне, которые социалисты пытаются сделать невозможными и ненужными. Христианство признаёт равенство и братство богатых и бедных перед Богом [\[5, с. 213\]](#). Христианство, по мнению Булгакова, предписывало нормы поведения, но не организационно-правовую структуру демократии [\[11\]](#). Булгаков утверждал, что апостольские учения воплощают историзм и реалистичность, в отличие от отвлечённости революционеров, как якобинцы, или доктринёров, как толстовцы [\[12, с. 213\]](#).

Булгаков указывает на проблему преемственности поколений в социализме. С одной стороны, прогресс человечества провозглашается в качестве ключевой цели социализма. С другой, те поколения, которые пользуются накопленными на протяжении истории благами, используют жертвы и подвиги прошлых поколений, но связь между ними теряется [\[11, с. 20-21\]](#). Бердяев отмечает, что коммунизм вследствие материалистической и атеистической установки подчиняет человека времени, делает каждый момент средством для следующего [\[4, с. 149\]](#). По мнению Франка, когда революция пытается уничтожить прошлое и построить новое из ничего, чтобы избавиться от старых проблем, эта революция разрушает общество, а общество выживает и восстанавливается только если в нём сохраняются здоровые силы из прошлого [\[18, с. 63\]](#). Бердяев в «Философии неравенства» писал о том, что консерватизм не задерживает творчество будущего, но восстанавливает нетленное из прошлого [\[5, с. 123\]](#).

Булгаков говорил о реалистичности в политике как оценке осуществимости задач и невозможности такой единомоментной трансформации, например, устранения рабства, крепостничества или капитализма, которая не подвергла бы угрозе существование общества. Трезвости христианского восприятия, по мнению Булгакова, противостоит утопизм, например, Толстого, в котором частное усилие по прощению приводит к праведной общественной жизни. Булгаков сравнивает революцию с попыткой насилием развернуть нераспустившийся бутон [\[12, с. 212\]](#).

Мнения авторов о служении и неравенстве в контексте «социального вопроса».

Приоритет служения занимает центральное место в политической философии Франка. Он говорит о том, что права следуют из обязанностей, важнейшая из которых – служение божественной правде, через которое достигается равенство. По его мнению, и человек,

и общество становятся свободными хозяевами своей судьбы только в служении добру и только после победы над страстями. Попытки якобинцев и большевиков сделать человека политическим и экономическим хозяином привели к рабству и нищете [\[18, с. 108-109\]](#). Бердяев убеждён, что декларация прав должна быть связана с декларацией обязанностей, которые и обосновывают права, и делают их реализуемыми. Права человека, по Бердяеву, происходят от прав Бога. Если человек – следствие необходимости, то у него нет ни прав, ни обязанностей, но только притязания [\[5, с. 159-160\]](#).

Булгаков указывает, что в социализме законы носят зоологический характер, а религиозные законы связаны с адаптацией жизни под высшую правду. Булгаков ссылается на рассуждения Платона о том, что хозяйственная жизнь должна быть основана на высших нормах справедливости, но не на борьбе эгоистических индивидов и групп [\[11, с. 361\]](#). В «Философии неравенства» Бердяев пишет, что решение социального вопроса требует сотрудничества классов, иначе господствуют ненависть и корыстолюбие без какого-либо самоотвержения [\[5, с. 195-196\]](#). Франк критикует идею классовых антагонизмов у Маркса, считая борьбу проявлением сбоев в исполнении обязанностей [\[18, с. 112\]](#). Булгаков указывает, что владелец фабрики как собственник не только обладает правами, но совершает служение и несёт ответственность за общественное производство и благосостояние рабочих согласно принципам свободы и справедливости. Опыт передачи фабрик в собственность рабочим показывает, что они не получают от этого ни экономической, ни духовной пользы. [\[12, с. 217-218\]](#).

Франк говорит о неравенстве людей и неизбежной иерархии социальных функций, прав и обязанностей, и принудительное уравнение означает только снижение общего уровня [\[18, с. 118-119\]](#). Булгаков связывал иерархическое построение мира с проявлением божественной власти [\[1\]](#). Бердяев полагает, что без иерархии труд невозможен, а социализм рушит иерархию. По его мнению, торжество религии социализма и упразднение неравенства и соревнования повредило бы мотивации к труду. Количественное равенство труда, указывает Бердяев, означает вред дарованиям и опыту, демотивацию лучших и поддержку худших [\[5, с. 215-218\]](#). Бердяев считает, что упразднение классовых, символьических неравенств приведёт к тому, что личные, качественные неравенства проявятся сильнее [\[4, с. 145-146\]](#). И Бердяев [\[5, с. 172-173\]](#), и Франк [\[18, с. 109\]](#) полагали, что мнение большинства не означает правду, правда может быть в меньшинстве. Бердяев предупреждал о рисках охлократии, а Франк говорил об угрозах, связанных с использованием демократии не для служения добру, а как механизма присвоения материальных благ [\[17\]](#). Связь либерализма и манчестерского капитализма Бердяев считает случайной, поскольку уверен, что либерализм может сочетаться с социальными реформами, поиском средств для защиты свободы и прав человека [\[5, с. 165\]](#). Булгаков также считал истинным либерализмом социализм в экономике [\[22, с. 62\]](#). Зло капитализма Бердяев считал плодом падения морали и религии, а не экономики. Хозяйство означает иерархию, а не механизм, основано на качестве способностей, дисциплины, самоограничения личности [\[5, с. 263-265\]](#).

Предложения Бердяева, Булгакова и Франка по решению «социального вопроса».

Бердяев в «Философии неравенства» писал, что решение социального вопроса,

преодоление нужды и голода не в том, чтобы изъять собственность богатых и не в распределении, но в увеличении производства, иначе ожидание роста благополучия означает ожидание чуда, в которые социалисты не верят [5, с. 255]. Бердяев убеждён, что имущественное неравенство связано с промыслом, составляет основу социального строя, принудительное уравнение возможно только по нижнему уровню в обществе и связано с завистью, ненавистью, местью, разрушением культуры. По мнению Бердяева, для обеспечения достойного существования для всех не нужно равенство. Бердяев полагал, что необходимо не бороться за отвлеченную справедливость, а помогать бедным и страдающим с помощью творческого инстинкта в социальном строительстве [5, с. 210-211]. Впоследствии Бердяев писал, что социальный вопрос означает проблему справедливости, и полемизировал с Франком, который воспринимал социальный вопрос как этическую проблему и проблему добродетелей, милосердия, жертвы [6, с. 33].

Булгаков тоже полагал, что решение социального вопроса и преодоление экономической несвободы связано с увеличением производительных сил, которое он считал национальной задачей, видом социального служения [22, с. 62]. Булгаков выводит два правила из заповедей о помощи ближнему в Евангелии. Во-первых, каждый должен трудиться, а не просто получать ренту. Во-вторых, необходимо заботиться о слабых, которых он называет угнетёнными цивилизацией [12, с. 203]. Высший уровень заданных Богом ценностей, по Булгакову, это свобода личности или социальная справедливость. Ниже – конкретные социальные идеалы, которые обнаруживает опыт. Ещё ниже – социальные науки и социальные политики как средства исполнения идеалов [22, с. 69]. Булгаков предлагал централизацию средств производства, планирование в хозяйстве, введение минимальной зарплаты, ограничение рабочего времени и страхование трудящихся [22, с. 60]. Булгаков в марксистский период соглашался, что государство служит воплощением классового господства, но считал, что преодоление социальных антагонизмов достижимо без упразднения государства, а в рамках парламентской республики [11].

Булгаков противопоставляет общество и государство, которое связывает с принуждением, выступает против бюрократии и за свободное, демократическое самоуправление [22, с. 63-64]. Христианским идеалом Булгаков считает безвластие, но из-за порчи природы этот идеал не осуществим в земной жизни. По его мнению, Левиафан государства должен быть подчинён христианским задачам, свободе личности [11]. По мнению Булгакова, только церковь может решить задачу, которую ставит социализм [22, с. 66]. Церковь служит пространством и условием формирования общественных идеалов [22, с. 70]. Франк также считает, что религия служит оживляющим началом общества, обеспечивает единство душ в Боге [18, с. 92].

Франк говорит, что на восприятие материальной нужды в обществе влияют личное отношение, то есть благотворительность, общественно-правовой порядок, то есть принудительно установленные принципы отношений между богатыми и бедными, и посреднические структуры как промежуточное звено, то есть обычаи, которые передают воздействие личной духовной жизни на общий порядок. Рост нравственности в обществе, считает Франк, связан с коллективными усилиями по христианизации жизни, а общественный порядок, в свою очередь, может портить или улучшать частную мораль. Франк считает, что благодаря проповеди сострадания, справедливости, уважения к человеку, благодаря воспитанию и ограничению страстей возникла христианская

культура Европы [\[18, с. 458-459\]](#).

Франк убеждён, что благотворительности недостаточно для решения социальных проблем и что требуется введение минимальной зарплаты, страховых схем, обеспечение жильём, ограничение рабочего времени [\[20, с. 20-21\]](#). Франк полагал, что христианин поддержит реформы как средство смягчения тягот ближних, но не станет ожидать от них полного преодоления зла и земных бедствий [\[20, с. 24\]](#), не согласится с разжжением ненависти и зависти, как в материалистическом социализме, будет стремиться делиться с ближними и проповедовать не бедным, но богатым [\[20, с. 20\]](#). Вместо потрясений должны проводиться постепенные реформы с опорой на жизненный опыт и здравый смысл [\[20, с. 24-25\]](#). Более важной для защиты бедных, чем реформы, Франк считает духовную составляющую, то есть перевоспитание, самопожертвование и заботу о ближних [\[20, с. 32\]](#). Франк считает, что правовая система должна быть согласована с духовным уровнем человека. Консерватизм и реакция сами по себе не могут удержать социальные формы. Но и революционные утопии несостоятельны, поскольку если принципы свободы, равенства и братства не утверждены в нравах, то попытки их претворения будут связаны с деспотией и насилием [\[18, с. 86\]](#). Франк убеждён, что рабство ведёт к обнищанию, а ценность свободы выше, чем угроза нужды [\[20, с. 31\]](#). По мнению Франка, социализм противоречит ключевой для христианства идее свободы, поскольку принуждает к справедливости [\[13, с. 147\]](#).

Все трое говорят о том, что решение социального вопроса не приведёт к решению духовных проблем. Франк рассуждает, что для преодоления зла необходимо возвращение добра и правды [\[18, с. 86-87\]](#) и недостаточно, пишет Бердяев, бюрократизации хозяйства [\[4, с. 151\]](#). Булгаков также говорит о необходимости духовного роста перед реформами, то есть внедрением короткого рабочего дня, чтобы досуг не привёл к деморализации рабочего класса [\[11, с. 6\]](#). Булгаков пишет, что социализм имеет лишь паллиативный характер, выполняет благотворительную функцию, но не преобразует жизнь. Подобно тому, как медицина лечит болезни, но не исключает возможность заболеть, так и социализм борется с бедностью, но не устраниет причины человеческих страданий. Социалисты верят, что воздействие экономической среды всесильно, и потому предполагают, что её изменение изменит природу человека [\[11, с. 40-41\]](#). Бердяев говорил о том, что смысл социалистической трансформации – защита человека от самой крайней нужды и превращения в вещь. По его мнению, изменение строя не привело бы к упразднению греха и трагизма в жизни человека [\[6, с. 34\]](#). Булгаков считал, что материальное благополучие привело бы к увеличению нравственных страданий из-за праздности. Он убеждён, что призвание человека – духовный рост, достигаемый посредством борьбы, испытаний и страданий [\[11, с. 42\]](#).

Заключение..

Все три автора пытались сформировать христианское видение организации общества и предложить решение «социального вопроса». По мнению Франка, главным принципом должна быть свобода, поскольку христианство основано на личном выборе индивида. Решение социальных проблем Франк видел в постепенных реформах с сохранением рыночной экономики. По мнению Бердяева, главным принципом должна быть справедливость, обеспечиваемая государственным вмешательством, а неотъемлемым элементом рыночной экономики он считал угнетение. Бердяев полагал, что неудачи

советского опыта построения социализма были связаны не с ошибочностью социалистической идеи, а с эготистской традицией России. Булгаков занимает промежуточное положение, поскольку рассуждает о том, что в христианстве первоочередное значение имеет внутренняя жизнь человека, но считает, что при социализме распределение материальных благ будет справедливее, и что социализм – это неизбежный результат развития экономических отношений и воплощение христианских принципов. Бердяев в ранних и поздних работах поддерживал социалистические идеи о борьбе против эксплуатации и устранении частной собственности на средства производства, но признавал, что сам по себе социализм не решил бы, но скорее обострил бы духовные проблемы. Также все трое постепенно пришли к скептическому мнению о потенциале демократии, предупреждая о недостаточности демократии самой по себе для решения социальных проблем, и говорили о важности нравственного роста индивида и общества.

Мнение Франка относительно «социального вопроса» находится между патерналистским и либеральным консерватизмом. Он поддерживает некоторые социальные реформы, но считает, что государственное перераспределение противоречит принципу добродетели, поскольку исключает свободный выбор. Бердяев выражал консервативные взгляды, а затем приблизился к социалистическим убеждениям. Хотя он признаёт неравенство талантов и, следовательно, неравенство результатов экономической активности индивидов, он полагал, что для общего блага и решения социального вопроса необходима реорганизация институтов и ограничение частной собственности на средства производства. Предпосылки, из которых исходит Булгаков, отчасти похожи на размышления консерваторов патерналистского толка, но выводы скорее сближают его с социалистами.

Вопрос выбора приоритета принципов свободы, равенства или справедливости был среди факторов, повлиявших на формирование социального государства в XX веке в виде либеральных, социал-демократических и консервативных вариантов социальной политики. В современной социальной политике продолжается конкуренция этих принципов в поиске ответов на актуальные вызовы, связанные с демографическими изменениями и старением населения. Принципы справедливости, равенства и свободы вступают в противоречие, когда возникает вопрос о сокращении социальных программ или повышении налогов и сборов. Согласно размышлению Бердяева, Булгакова и Франка, главной при выборе конкретных решений в сфере социальной политики должна быть забота об интересах личности и её внутреннем, духовном развитии, то есть преобладание принципов ответственности, солидарности и взаимопомощи, призванных преодолевать проблемы, связанные с экономическими противоречиями и имущественным неравенством.

Библиография

1. Алонцева Д.В. Государственно-правовые взгляды Булгакова. Москва: Проспект, 2019. 144 с.
2. Аляев Г.Е. Семен Франк. Санкт-Петербург: Наука, 2017. 255 с.
3. Бердяев Н.А. Катехизис марксизма // *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906 гг.). Москва: Реабилитация, 2002. С. 99-104.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Наука, 1990. 224 с.
5. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Москва: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
6. Бердяев Н.А. Христианство и социальный строй (ответ С.Л. Франку) // Путь. 1939.

- № 60. С. 33-36.
7. Булгаков С.Н. О рынках при капиталистическом производстве: теоретический этюд. Москва: Типография А.Г. Кольчугина, 1897. 260 с.
 8. Булгаков С.Н. О социальном морализме (Т. Карлейль) // Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Санкт-Петербург: Издательства Олега Абышко, 2008. С. 109-147.
 9. Булгаков С.Н. Социальное мировоззрение Дж. Рёссины // Вопросы философии и психологии. 1909. V. С. 395-436.
 10. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Сочинения в 2-х томах. Т.1. Москва: Наука, 1993. С. 49-297.
 11. Булгаков С.Н. Христианство и социализм. Москва: Типография товарищества Рябушинских, 1917. 46 с.
 12. Булгаков С.Н. Христианство и социальный вопрос // Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Санкт-Петербург: Издательства Олега Абышко, 2008. С. 197-219.
 13. Демин И.В. Христианство и «социальный вопрос» в философской публицистике Н.А. Бердяева и С.Л. Франка // Соловьевские исследования. 2021. Выпуск 3(71). С. 135-153.
 14. Куляскина И.Ю. Проблема социализма в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX в.: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2001. 192 с.
 15. Макарова А.Ф. Аристократический социализм Николая Бердяева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Том 22. № 2. С. 208-220.
 16. Петрунин В.В. О некоторых особенностях социально-политической философии С. Л. Франка // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 3 (141). С. 27-32.
 17. Франк С.Л. Демократия на распутье // Избранные труды. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 163-168.
 18. Франк С.Л. Духовные основы общества. Москва: Республика, 1992. 511 с.
 19. Франк С.Л. Крушение кумиров // Избранные труды. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 192-258.
 20. Франк С.Л. Проблема «христианского социализма» // Путь. 1939. № 60. С. 18-32.
 21. Франк С.Л. Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд // Полное собрание сочинений. Том 1: 1896-1902. Москва: Издательство ПСТГУ, 2018. С. 163-428.
 22. Хориэ Х. Был ли «социализм» идеалом священника Сергея Булгакова в первом десятилетии XX века? // Вестник ПСТГУ 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып. 2 (64). С. 57-72.
 23. Шумской А.В. Критический марксизм Николая Бердяева (1890-е – начало 1900-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2016. № 1 (31). С. 95-102.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена тем составляющим творчества Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и С.Л. Франка, которые связаны с социально-политической проблематикой. Трудно утверждать, что обращение к их наследию сегодня, после трёх десятилетий активного изучения этих авторов, само по себе является актуальной научной задачей. В подобной ситуации «актуальность» избранной темы может быть обоснована только оригинальностью полученных результатов, однако, по мнению рецензента, автору статьи не удалось сформулировать каких-то положений, которые можно было бы записать в актив исследований по истории отечественной философии. Большая часть статьи носит описательный характер, к тому же, автор сообщает много сведений, которые не имеют прямого отношения к социально-политической проблематике, а некоторые и вовсе носят справочный характер. Думается, в этой связи текст может быть значительно сокращён, следует оставить только тот материал, который является релевантным избранной теме. Однако с формулировкой названия, а также соотношением между названием и реальным содержанием представленного текста, также далеко не всё в рецензируемой статье благополучно. Самый главный, «концептуальный», вопрос состоит в том, идёт ли вообще в статье речь о «социальной политике». По мнению рецензента, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Дело в том, что «социальная политика» – это современное понятие, с которым взгляды рассматриваемых авторов непосредственно не коррелируются, оно несёт определённое содержание только в соотношении с современным пониманием задач социального государства, которое и в нашей стране, и за рубежом складывается значительно позднее. Да и сам автор в тексте в качестве «технического термина» использует, например, выражение «социальный вопрос», а вовсе не «социальная политика». А с какой же целью тогда это современное понятие вынесено в название? Думается, автор всё же должен решить, о чём он намеревается сказать читателю в этой статье, и в таком случае требуется или изменить название, или существенно скорректировать само содержание статьи, продемонстрировав, каким образом взгляды исследуемых философов относительно социально-политических проблем помогают нам сегодня понять существо социальной политики в современном социальном государстве, например, как должны быть изменены или уточнены её задачи. Далее, следует заменить и явно неудачное «представления» в названии статьи, это понятие указывает на некие непосредственные, не подвергшиеся рефлексии, взгляды, научная статья должна анализировать существенные стороны философского мировоззрения избранных мыслителей (кстати, автор и не говорит, почему именно их он «сравнивает»), а не поверхностные «представления». Конечно, использование этого термина соотносится с описательным характером текста, однако, обе составляющие этого «равновесия» должны быть пересмотрены, так что, например, даже часто повторяющийся «Сравнительный анализ концепций...» оказался бы более приемлемым. Впрочем, автор, сосредоточившись на решении этой проблемы, способен предложить и более оригинальный и удачный вариант названия. Нет в статье ни введения и заключения, ни подзаголовков, и отказ от структурирования текста также является весьма показательным. Дело в том, что в изложении сюжет также просматривается плохо, нет «движения мысли», прочтение не открывает, что же автор, собственно, стремится сообщить читателю, а это, в свою очередь, возвращает нас к положению об отсутствии в представленной статье оригинальных результатов. Следует, однако, констатировать, что автор проявляет известную эрудированность в рассматриваемом вопросе, но работа над статьёй осталась незавершённой. Рекомендую отправить её на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи ««Социальный вопрос» в политической философии Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и С.Л. Франка: сравнительный анализ концепций» выступают взгляды названных авторов на комплекс вопросов, входящих в концепцию «христианского социализма». Автор статьи анализирует позиции русских философов по вопросам социального порядка, социальной справедливости и взаимопомощи. Учитывая, что мировоззренческие установки мыслителей базировались на христианстве, в статье прослеживается корреляция понимания общественных вопросов с трактовкой религиозных догматов. Автор не ставит своей целью показать различия толкования тех или иных социальных проблем религиозными философами, однако рассматривая позиции мыслителей достаточно подробно, обнаруживает точки не только пересечения взглядов, но и расхождения.

Методология исследования, используемая в статье включает герменевтический анализ текстов Бердяева, Булгакова, Франка, сопоставление их позиций. Автор использует исторический анализ взглядов философов, отмечая их эволюцию, трансформацию под действием меняющейся социокультурной ситуации.

Актуальность обращения к творчеству мыслителей более чем вековой давности связывается с обоснованием ими принципов и ценностей свободы и социальной справедливости в области социальной политики. Современное состояние социальной политики, ее основные тенденции и вызовы, во многом зависят от различных подходов к пониманию и решению «социального вопроса» - статуса рабочего класса, принципов распределения капитала и собственности, поставленными еще в условиях урбанизации и индустриализации XIX века. Изучение восприятия социальных проблем религиозными философами важно, поскольку обнаруживает один из устойчивых векторов в понимании экономических и административных процессов, прав, обязанностей, свобод, справедливости и равенства.

Научная новизна исследования связана с сопоставлением интерпретации Бердяевым, Булгаковым, Франком христианского социализма, обнаружением «общего знаменателя» их социально-философских позиций и отличий в понимании отдельных аспектов жизни общества.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логическая последовательность их аргументации. Автор корректно излагает взгляды русских мыслителей, при необходимости, подкрепляя их прямыми цитатами.

Структура и содержание статьи полностью соответствуют заявленной проблеме. Ее раскрытие осуществляется автором через обсуждение таких вопросов как: отношение христианства и социализма, трактовка природы человека в контексте «социального вопроса», отношение авторов к собственности и свободе, революции и неравенству, варианты решения философами проблемы социальной несправедливости.

Библиография статьи включает 23 наименования, среди которых 15 работ анализируемых авторов, и 8 исследовательских статей и монографий, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам в статье присутствует, автор обращается к исследованиям Алонцевой Д.В., Аляева Г.Е., Демина И.В., Куляскиной И.Ю., Макаровой А.Ф., Петрунина В.В., Хориэ Х., Шумского А.В., в которых рассматриваются социально-философские взгляды Франка, Булгакова Бердяева.

Статья написана хорошим языком, легка для восприятия, будет интересна широкому

кругу читателей.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Катунин А.В. — Особенности применения навыков критического мышления в противодействии манипуляциям в современной коммуникации // Философская мысль. – 2023. – № 12. – С. 70 - 82. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.39541 EDN: CBYNEH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39541

Особенности применения навыков критического мышления в противодействии манипуляциям в современной коммуникации

Катунин Александр Викторович

ORCID: 0000-0002-6408-8924

Младший научный сотрудник, Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

✉ alexandrkatunin@gmail.com

[Статья из рубрики "Полемика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.12.39541

EDN:

CBYNEH

Дата направления статьи в редакцию:

29-12-2022

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является критическое мышление. Статья посвящена исследованию роли критического мышления в современных условиях коммуникации. Особое внимание уделяется особенностям применения навыков критического мышления в противодействии манипулятивному воздействию как в профессиональной сфере, так и в личном коммуникативном взаимодействии. В статье обосновано, что критическое мышление является одним из важнейших навыков в современном мире; прояснена важность навыка критического мышления для эффективной обработки большого объема поступающей информации, а также для выстраивания успешной коммуникации; рассмотрена специфика и особенности применения навыков критического мышления в контексте коммуникативного

взаимодействия; обоснована роль логической, а также риторической компонент в коммуникации; предложены варианты противодействия коммуникативным манипуляциям и некорректному коммуникативному воздействию. В статье используются методы сравнительного анализа, контекстного анализа, синтеза, обобщения, классификации а также логический метод. В статье предложено разделение коммуникативных целей по типу высказываний. Особое внимание сосредоточено на анализе ситуации побудительной коммуникативной цели. В статье проясняется значение следующих понятий: коммуникация, 4К компетенции, критическое мышление, некритическое мышление, манипуляция, логическая, психологическая и риторическая стратегии аргументации, коммуникативная цель, риторика, аргументы *ad hominem*, аргументы *ad rem*, дедуктивные умозаключения, индуктивные умозаключения. В статье предложены методы и инструменты для укрепления навыков выстраивания эффективного коммуникативного взаимодействия. А также проанализированы методы противодействия манипулятивному коммуникативному воздействию как с точки зрения логической науки, так и риторического мастерства. Статья будет полезна как студентам, аспирантам, изучающим риторику, теорию аргументации, коммуникативные техники, так и широкому кругу читателей.

Ключевые слова:

Критическое мышление, Некритическое мышление, Коммуникативная цель, коммуникация, манипуляции, логика, аргументы *ad hominem*, аргументы *ad rem*, 4К компетенции, риторика

Словом можно убить, словом можно спасти,

Словом можно полки за собой повести.

Словом можно продать, и предать, и купить,

Слово можно в разящий свинец перелить.

Вадим Шефнер [\[10\]](#)

Per dubitando ad veritatem pervenimus.

Через сомнения приходим к истине.

Цицерон.

Введение

В современном мире навыки межличностного и профессионального общения играют особо важную роль. Они используются не только для выражения мыслей и чувств, но также и для обмена идеями и эффективной совместной исследовательской и проектной работы. В XXI веке профессиональная среда всё чаще формирует новые запросы и компетенции как к опытным сотрудникам, так и выпускникам ВУЗов. Soft Skills (гибкие навыки, надпрофессиональные компетенции) становятся более важными в профессиональном мире. В отличие от Hard skills, «жестких» профессиональных навыков, формирующихся в процессе образования и в опыте, «мягкие» навыки охватывают широкий спектр межличностных компетенций и коммуникативных способностей, которые необходимы для успеха практически в любой профессии. К

гибким навыкам относят способность выстраивать и развивать отношения, творческое мышление, адаптивность и гибкость, эффективные стратегии общения, навыки активного слушания, лидерские качества, дипломатичность, критическое мышление и навык анализа представленной информации.

На рубеже ХХ и ХХI веков наука, образование и бизнес объединились, для того чтобы понять, какие навыки будут наиболее востребованными в новом тысячелетии. Была сформулирована так называемая концепция «4К» компетенций («критическое мышление, коммуникация, креативность, кооперация»). Формирование именно этих компетенций становится все более значимым для современных специалистов. С развитием технологий возрастают ожидания и требования работодателей. В постоянно развивающемся цифровом мире работодатели ищут сотрудников, обладающих навыками и знаниями, позволяющими опережать конкурентов. Конкурентоспособность в условиях современного рынка труда в большей степени обеспечивается компетенциями концепции 4К. Для эффективной работы любой организации все больше важны сотрудники, умеющие мыслить нестандартно, быстро решать проблемы и обладающие высоким уровнем критического мышления, быстро ориентирующиеся в изменениях тенденций отрасли, имеющие позитивное отношение к работе. Стоит отметить, что в этой связи в системе образования, как высшего, так и среднего/средне-специального, задачи формирования у обучающихся навыков критического мышления вырисовываются более четко и приобретают новую актуальность. Далеко не на каждом факультете и направлении подготовки есть отдельный курс критического мышления. Критическое мышление — это метакомпетенция которая состоит из множества других компетенций. Тренировка отдельных навыков критического мышления происходит в рамках следующих учебных курсов: логика, риторика, теория и практика аргументации, теория и практика публичных выступлений.

В данной статье внимание будет сосредоточено преимущественно на двух компетенциях — критическом мышлении и коммуникации; будут исследованы специфика и особенности критического мышления в современных условиях коммуникации; особое внимание будет уделено использованию навыков критического мышления в ситуациях противодействия манипуляциям.

Понятие коммуникативной цели

Всякая коммуникация исходит из цели, которую преследует инициатор взаимодействия. Коммуникативной целью называется «мысленное предвосхищение участником коммуникации желательного для него результата общения, направленность сознания на такой результат» [\[11\]](#). Коммуникативные цели делятся по типу высказываний: повествовательная (желание поделиться новой информацией), вопросительная (необходимость получить новую информацию), побудительная (попытка сподвигнуть адресата на изменение мнения, убеждений, поведения). Любой тип коммуникативной цели инициатора коммуникации требует от собеседника критического осмыслиения поступающей информации. В противном случае последний может стать объектом манипуляций. Особой осторожности требует ситуация побудительной коммуникативной цели, т.к. она подразумевает сподвигение собеседника на совершение конкретного, необходимого инициатору, действия. В этом случае для собеседника важно понять, в какой мере намерение инициатора согласуется с его собственными интересами. В качестве примера побудительной коммуникативной цели можно привести рекламу. Однако если в рекламе коммуникативная цель очевидна, то в диалоге, споре она может быть скрыта.

Критическое мышление

Критическое мышление в самом широком смысле — умение ориентироваться в потоках информации. Понимание сущности критического мышления раскрывается в его сравнении с некритическим. Некритическое мышление — это способность принимать получаемую информацию как истинную или достоверную, принимать «на веру», без должного анализа, осмысления и требования достаточных оснований и аргументации. Д. Канеман указывает на человеческую способность обращать внимание только на очевидное, ясное с первого взгляда: «Что я вижу, то и есть» [\[3\]](#). Критическое мышление — это целостная система, включающая в себя оценку, тщательный анализ информационных потоков, направленных на субъекта, «активное стремление к пониманию происходящего путём его осмысления, оценки свидетельств и глубокого постижения процесса мышления как такового» [\[9, с. 16\]](#); критическое мышление подразумевает внимание к выбору обоснований для формулируемого высказывания. Следует также отметить важность избирательности в предпочтении того или иного информационного источника. Любая информация формирует специфику мышления воспринимающего, поэтому от её качества напрямую зависит и качество мышления. Критическое мышление подразумевает внимание к надежности источника информации, сомнение в предположениях, сбор и анализ приводимых доказательств, рассмотрение альтернативных точек зрения и вынесение логически непротиворечивых суждений о том, что является истинным или ложным. Для того чтобы критическое мышление было эффективным в коммуникации, должен быть принят во внимание контекст конкретного коммуникативного акта.

Кроме того, стоит принимать во внимание, что всегда есть некое несоответствие между тем, в каком виде идея формируется в мышлении и каким образом эта же идея формулируется в языке и выражается в речи. Можно сказать, что имеется своеобразная проблема перевода мысли в речевую форму. Эта проблема сама по себе трудно преодолима, однако она осложняется еще и тем обстоятельством, что этот перевод необходимо осуществить для другого, для собеседника, обладающего другим опытом, знаниями, восприятием мира, образом мышления. Но этот перевод необходимо осуществить, чтобы быть верно понятым. Применение навыков критического мышления позволяет сократить этот разрыв, избежать ловушек естественного языка и неверных интерпретаций, что способствует повышению качества коммуникативного взаимодействия. Успех воплощения идей и реализации исследовательских проектов напрямую зависит от качества коммуникативного взаимодействия.

Манипулятивное воздействие в коммуникации

Современные исследователи уделяют особое внимание теме манипуляций. Манипуляция — один из способов коммуникативного воздействия на человека. Конечной целью такого воздействия является достижение коммуникативных целей манипулятором, которые могут обладать совершенно разной спецификой, в том числе неэтично-прагматической. В современном мире манипулирование мнением, убеждениями, поведением человека транслируется не только через коммуникацию человек-человек, но и через медиа, рекламу, СМИ.

Применение навыков критического мышления особенно важно для противодействия манипулятивному воздействию и неразрывно связано со стратегиями аргументации. В современном риторическом искусстве выделяют три типа аргументации:

- Логическая — воздействие на сознание личности, основывающееся на объективных

данных и правилах формальной логики; инструментом аргументации служат доказывание и опровержение.

· Психологическая/эмоциональная — воздействие, основывающееся на некритическом восприятии информации; инструментом аргументации является внушение.

· Риторическая — синтез первого и второго типа аргументации, целью которого является формирование состояния убеждённости и уверенности собеседника в достоверности передаваемой информации; инструментом является убеждение.

Манипулятивное воздействие на сознание может протекать на двух уровнях — логическом и риторическом (чтобы не запутаться в терминологии, важно уточнить, что в данном контексте под «риторическим» подразумевается в первую очередь воздействие на эмоциональную сферу). Знание и использование инструментов логики позволит понять, имеются ли ошибки в приводимых суждениях и умозаключениях (так называемые софистические манипуляции), а знание инструментов риторики позволит определить, имеет ли место в ходе коммуникации чрезмерное и необъективное воздействие на эмоциональную составляющую. Разберём подробнее оба уровня.

Логический уровень аргументации

Научным фундаментом критического мышления является логика. Благодаря логической науке мы можем формулировать либо полностью обоснованные суждения, обладающие качествами всеобщности и необходимости (с помощью дедуктивных умозаключений), либо суждения с определённой степенью вероятности (с помощью индуктивных умозаключений). Эти типы суждений отражают две формы рационального восприятия мира в мышлении.

Верно выстроенные дедуктивные умозаключения дают нам гарантированную истинность, в случае если мы исходим из истинных посылок. Если какое-то суждение в своей основе имеет истинные посылки, его можно принимать в работу. Важно избегать необоснованных, то есть не подкреплённых предпосылками, выводов. Так, например, суждение: «Все студенты, поступившие в университет, должны хорошо сдать экзамены. Этот студент поступил в университет. Этот студент хорошо сдал экзамены» является корректным. Суждение «Всех хамелеонов трудно заметить. Это животное трудно заметить. Это хамелеон» является некорректным, поскольку вывод не обоснован.

Манипуляции на логическом уровне чаще всего основываются на нарушениях общих правил силлогизмов:

1. Мы знаем, что в силлогизме должно быть только три термина. В обыденной речи мы можем встретить употребление терминов, связанное с многозначностью слов естественного языка. Приведём пример: «Движение вечно. Хождение в институт — движение. Следовательно, хождение в институт — вечно». [8] Использование слова «движение» в разных смыслах разрушает стройность силлогизма и приводит к манипулированию смыслами.

2 . Нарушение правила о распределённости среднего термина приводит к необоснованному заключению: «Некоторые люди — нечестны. Все депутаты — люди. Следовательно — ?». Здесь как будто напрашивается вывод о том, что все депутаты не являются честными. С точки зрения логики такой вывод будет неверным, этот шаг делать нельзя. Но логическая манипуляция, заложенная в этом суждении и направленная на формирование ложного мнения у участника коммуникации, приведет последнего именно

к такому, неверному выводу. Этот прием манипулятивного воздействия широко используется, например, в работе «жёлтой» прессы.

3. Ещё одно правило гласит: если термин не распределён в посылке, то он не должен быть распределён в выводе. Нарушение этого правила также ведёт к манипуляции смыслами, облечеными в псевдо-логическую форму: «Все судьи справедливы. Прокуроры не есть судьи. Следовательно прокуроры несправедливы» [\[8\]](#)

4. Нарушение требования о невозможности вывода из двух отрицательных посылок также активно используется как прием манипуляции смыслами: «Крупные руководители не ошибаются. Иванов И.И. не крупный руководитель». Напрашивается вывод: Иванов И.И. ошибается. Однако логически такой вывод неправомерен (хотя и звучит довольно убедительно), поскольку по крайней мере одна из посылок должна быть утвердительным суждением.

5. Манипулятор может спекулировать и на том правиле силлогизма, которое подразумевает, что если одна из посылок представляет собой отрицательное суждение, то и заключение должно быть отрицательным суждением. В данном случае можно привести следующий пример: «Все преподаватели должны проходить повышение квалификации. Этот человек не проходит повышение квалификации. Этот человек — не преподаватель».

6. Вывод не может следовать из двух частных посылок. Нарушение этого правила также часто применяется манипуляторами. Например: «Некоторые маркетологи — хорошие специалисты. Некоторые сотрудники этой компании — маркетологи». Напрашивается заключение о том, что маркетологи данной компании хорошие специалисты, однако с точки зрения логики, такой вывод делать нельзя.

7. Последнее правило силлогизмов звучит следующим образом: «Вывод должен быть частным, если одна из посылок — частное суждение». Если вывод заключения будет общим, то это ведёт нас к нарушению второго или третьего правила. [\[8\]](#)

Анализируя те или иные представленные выводы, важно проверять их на соответствие правилам дедуктивных умозаключений. Более подробно с правилами проверки силлогизмов можно ознакомиться в трудах А.Л. Никифорова и А.Д. Гетмановой [\[1, с. 111-150\]](#), [\[7, с. 110-147\]](#). Применяя дедуктивный способ анализа информации и речи, необходимо анализировать структуру аргумента и заботиться о достаточности условий его истинности. Кроме того, силлогизмы различаются по фигуре и модусу: фигура определяется положением среднего термина в посылке; модус является характеристикой входящих в него суждений по качеству и количеству. При анализе речи важно учитывать, по какой фигуре составлен силлогизм и какие цели можно реализовать с ее помощью. Например, правильно сформулированный силлогизм по первой фигуре позволяет проверять, насколько общие положение применимы к частным случаям; силлогизмы второй фигуры используются для опровержения некорректных выводов; силлогизмы третьей фигуры используются для опровержения некорректных обобщений и т.д.

Индуктивные умозаключения позволяют с помощью предпосылок обосновать какое-либо суждение, однако гарантированная истинность при этом неосуществима, достижима лишь определённая вероятность подобного суждения. В зависимости от степени убедительности оснований, подводимых под суждение и их количества, можно вести разговор о большей или меньшей достоверности суждения, под которое они подводятся.

Например, из суждения: «За всю историю этой компании директорами были только мужчины» мы можем с определённой степенью вероятности сказать, что следующим директором будет мужчина, но эта вероятность будет менее 100%. Исследователи часто используют понятие «Чёрный лебедь», чтобы обозначить события, которые выходят за рамки имеющегося опыта. В основу лёг любимый многими логиками пример утверждения о том, что все лебеди белые справедливо до момента, когда впервые был обнаружен лебедь чёрного цвета, что привело к опровержению заключения, базировавшегося на опыте, что все лебеди белые.

Риторический уровень аргументации

Перейдём к рассмотрению второго уровня аргументации — риторического. Риторическое мастерство — важный инструмент убеждения, позволяющий людям эффективно обозначать и выражать свою точку зрения, оказывая определенное влияние на собеседника. Риторика предстаёт перед нами как практика использования языка с целью непосредственного воздействия на мнение и убеждения слушателя. Правила риторики подразумевают как приведение аргументов для доказательства той или иной точки зрения, так и воздействие на чувства и эмоции. В широком смысле риторика — это использование эффективных речевых приемов с целью создания необходимого яркого образа в сознании слушателей или читателей. При правильном использовании она может служить инструментом выстраивания эффективной формы коммуникации; однако приемы риторики могут быть также использованы при манипуляции, в случае когда целью инициатора является не эффективная коммуникация, а обман собеседника. С помощью таких риторических приемов как тактика обращения к эмоциям, этические ошибки и когнитивные предубеждения, манипуляторы, как правило, пытаются завоевать доверие целевой аудитории, с тем чтобы навязать слушателям своё собственное мнение и побудить их действовать соответственно собственным целям.

Хотя манипулирование кем-либо с помощью риторических приемов может показаться достаточно простым действием, все же для успешной манипуляции требуются определенные усилия. Имеется множество факторов, которые нужно удерживать во внимании во время манипулятивных коммуникаций: определенный эффект влияния конкретных фраз на разных людей в зависимости от их индивидуальных особенностей (характер, уровень образования, профессия, вкусовые предпочтения и пр.), сохранение бдительности в отношении любых потенциальных логических несоответствий, выражение искреннего сочувствия в разговоре, наблюдение за реакцией собеседника и т.д.

Риторическая стратегия передачи информации является самой распространённой и наиболее эффективной, т.к. действует как инструменты логики, так и инструменты риторики. Качество такой стратегии определяется соотношением логического и эмоционального, а ее эффективность зависит от степени развития навыков критического мышления у оппонента. Злоупотребление инструментами, действующими на эмоции является существенным подспорьем для манипулятивного воздействия [\[5\]](#). С.Г. Карапурза в монографии «Манипуляция сознанием» определяет несколько целей, которые может выбрать опытный манипулятор: мышление, чувства, воображение, внимание и память [\[4\]](#). Анализируя особенности манипулятивного влияния, А.В. Дьяков показывает: «Воздействуя на мышление, манипулятор искажает логическую цепочку, подталкивая тем самым жертву к нужному ему выводу. Кроме того, здесь возможна подмена логического ассоциативным, внедрение и поддержание нужных стереотипов. Воздействие на чувства, особенно такие, как страх, ненависть, зависть, позволяет ослабить логическое мышление жертвы и сделать ее более восприимчивой к воздействию, готовой принять

решение, нужное манипулятору. Чувства и воображения тесно связаны. Подсовывая жертве нужный образ, манипулятор формирует чувства, ослабляющие логическое мышление, что подталкивает жертву к нужному манипулятору решению. Многократное повторение одной и той же информации создает у жертвы в сознании ощущение ее истинности — таков механизм воздействия на память. Это воздействие более продуктивно, если при этом отвлекается внимание» [\[2, с. 52\]](#). Высокоразвитые навыки критического мышления позволяют противодействовать подобного рода некорректному поведению оппонента. Поэтому человек с неразвитыми навыками критического мышления — желанная мишень для манипулятора.

Способы манипулирования на риторическом уровне структурно можно разделить на следующие ключевые направления:

1 . Некорректные аргументы. В качестве одного из наиболее распространенных способов манипулирования можно выделить аргументы *«ad hominem»* (апелляция к личности, к эмоциям и чувствам человека). Суть такого аргумента заключается в том, что предмет дискуссии незаметно для собеседника направляется на его личные убеждения, оценки, верования и особенности. В качестве частных случаев некорректных аргументов можно выделить следующие: апелляция к авторитету (упоминание имени представляется как весомый довод в пользу истинности того или иного утверждения, тогда как по сути ссылка на авторитет свидетельствует лишь о совпадении позиций говорящего и того, на чье он ссылается); апелляция к аудитории (активно используются симпатии, страхи, интересы, настроения слушателей, читателей и т. д. — подобные спекуляции являются довольно эффективными в спорах, поскольку направлены на завоевание расположения широкой аудитории и использование поддержки большого количества людей в качестве доказательства собственной правоты); аргументы против регламента (целью такой стратегии является срыв диалога любыми способами — провокации, экстравагантные выходки, лишение оппонента возможности высказаться, немотивированное прекращение дискуссии и пр.) Все эти приемы нарушают рациональный характер коммуникации. Противоположной стратегией ведения дискуссии является использование аргументов *«ad rem»* (к сути вещей), которые представляют собой основу для корректной аргументации и являются своего рода фундаментом критического мышления. Подобные аргументы используются в логической процедуре доказывания суждения, имеют причинно-следственную связь с ним и исключают довольно распространённую ошибку *«post hoc, ergo propter hoc»* (после этого, значит по причине этого). Эти аргументы являются универсальными, т.е. могут быть применимы в любых контекстах коммуникации. Именно хорошо развитый навык критического мышления позволяет вовремя распознать используемый аргумент *«ad hominem»* и вернуть линию разговора к исходному предмету обсуждения, перевести доказательную линию манипулятора к аргументации *«ad rem»*, избежав тем самым нежелательного результата манипулятивного воздействия.

2 . Некорректные риторические приёмы. Одним из наиболее распространенных некорректных риторических приемов является подмена тезиса. Существуют как ярко выраженные подмены тезиса, когда оппонент просто меняет исходное утверждение, на основании которого строилась дискуссия, так и неочевидные подмены тезиса:

А. *Расширение и сужение тезиса* строится на изменении объема входящего в суждение понятия или же изменения типа суждения по количеству — от частного к общему или от общего к частному. Например диалог двух сотрудников отдела кадров: «—Многие, приходящие на собеседование жутко глупые. — Да, ты прав, все кандидаты беспробудно глупы» - критически оценивающий этот диалог человек выделит сразу два приёма —

расширение тезиса и поспешное обобщение. Или же пример сужения тезиса: «-Ну, что, «философ» – один студент другому – говорил, что знаешь всю философию, а экзамен не сдал! –Нет, нет. Я говорил, что разбираюсь только в европейской философии XVIII века».

Б. Усиление и смягчение тезиса строится по схожему принципу, что и расширение и сужение тезиса. Только вместо изменения объёма суждения в данном случае меняются оценочные суждения на меньшую или большую степень. Сравним две формулировки: «Этот человек взяточник!» «Я лишь хотел сказать, что расходы этого человека сильно превышают его доходы и это является подозрительным». Или же: «-Студенты этой группы недостаточно прилежны» и «Эти студенты поголовно глупы и невежественны!»

Помимо подмены тезиса в разных вариациях можно выделить и другие приёмы, в которых важна критическая оценка того, что говорит ваш оппонент. Например, рефрейминг предполагает смену оценки происходящего без изменения сути события. Сотрудник может полдня ничего не делать и на вопрос начальства почему такое продолжительное время он ленится ответить: «Я не ленюсь, а продумываю наиболее эффективные способы решения поставленной задачи». Даже если предположить, что так оно и есть, суть происходящего не меняется.

Приём поспешное обобщение представляет собой вид некорректного индуктивного умозаключения, когда более общее суждение строится на недостаточной выборке частных суждений. Приведём пример со студентами на экзамене. Первый сдал на тройку, второй сдал на тройку, третий и т.д. «Да все они троешники!» – может воскликнуть экзаменатор, но на примере нескольких неудачных ответах формулировать мнение обо всей группе поспешно. В таких ситуациях надёжнее всего обратиться к полной индукции.

Существует ещё ряд приёмов, уводящих дискуссию из рационального русла: заключение пари, попытка вывести из равновесия путём оскорблений, попытки с помощью интонации привнести смыслы, которые изначально не предполагались (Бернард Шоу говорил, что слово «да» можно сказать пятьюдесятью, а слово «нет» полутысячей способов). Чтобы исключить манипулирование мнением, убеждением и поведением человека необходимо важно критически оценивать ход дискуссии и любую информацию, с которой человек может столкнуться.

3. Прагмемы. Прагмемы – лексические единицы, представляющие собой оценочные понятия. По способу оценочного использования М.Н. Эпштейн^[12] выделяет три класса слов: 1) слова, прямое значение которых никак не отражает отношение говорящего к обозначаемым ими предметам или явлениям (дом, дерево, студент, говорить, ходить, стеклянный и т. п.); 2) слова, в значении которых содержится оценка без указания на конкретный предмет (красивый, безобразный, хороший, плохой, кошмар, восторг и т. п.); 3) слова, в который предметное и оценочное значения неразрывно связаны. Для демонстрации третьего типа слов Эпштейн приводит следующий пример. Нейтрально обозначаемому в определении слову «помощник» соответствуют идеологически отмеченные слова «пособник» и «сподвижник», причем эмоциональная окраска этих слов диаметрально противоположна – использование в речи слова «пособник» явно указывает на неодобрительное отношение говорящего к соответствующим действиям, тогда как употребление слова «сподвижник», напротив, свидетельствует о довольно высокой оценке говорящего вида деятельности, о котором идет речь. В случае манипуляции зачастую используются слова с выраженным прагматическим компонентом содержания, например: дилетант, подлец, бездарь, гений и т. п. Такой прием также часто используется в СМИ и рекламе. Использование прагмем является довольно

эффективным способом манипуляции на риторическом уровне, поскольку возразить что-либо на высказывание, уже содержащее в себе ту или иную оценку, представляется довольно трудным. Кроме того в такой ситуации возрастает риск невольно согласиться с позицией манипулятора, ведь высказывания, основанные на использовании характерных прагмем, звучат как правило уверенно и безапелляционно. Эффективное противостояние риторическим манипуляциям подобного рода также требует развитых навыков критического мышления — необходимо четко фиксировать слияние предметного и оценочного значений в одном понятии и суметь разграничить семантические уровни употребляемых манипулятором слов, апеллируя в коммуникации именно к предметному значению понятий.

Роль навыков критического мышления в повышении качества коммуникативного взаимодействия

Для повышения качества коммуникативного воздействия необходимо решить ряд задач, что, в свою очередь, требует высокой степени развития навыков критического мышления.

1 . Необходимо определить коммуникативную цель собеседника. Нужно понять, какую цель преследует инициатор диалога или автор текста, статьи, репортажа (если коммуникация имеет односторонний характер): ставит ли инициатор коммуникативного взаимодействия задачи повлиять на мнение и убеждения собеседника, скорректировать его поведение; соотносится ли эта цель с интересами собеседника?

2 . Для успешного и эффективного коммуникативного воздействия важно определить и проанализировать его контекст. Это поможет точнее определить коммуникативную цель адресанта информации и выявить характер аргументативного воздействия.

3 . Нужно проанализировать основания, подводимые оппонентом под транслируемые идеи. Если оппонент использует риторический подход, синтезирующий логику и эмоции, стоит обратить внимание на соотношение логической и эмоциональной компонент в речи.

4 . Важно проверить, являются ли логические аргументы корректными, оценить используемый тип умозаключений. Необходимо принимать во внимание, что при убеждении с помощью индуктивного метода, вывод носит лишь вероятностный характер; в этом случае нужно определить степень вероятности такого вывода.

5 . Необходимо оценить насколько приемлемы приёмы и аргументы, направленные на чувства и эмоции.

6 . При обнаружении манипулятивного воздействия стоит указать оппоненту на недопустимость подобного рода стратегий убеждения; если коммуникация одностороннего характера — не принимать манипулятивные аргументы в расчёт.

7 . Нужно оценить целесообразность принятия идей оппонента. Стоит учитывать, что положительным результатом коммуникативного взаимодействия может быть также воздержание от каких-либо суждений за недостаточностью оснований.

8. При работе с информацией необходимо критически оценивать изменения на каждой из стадий (верификация, интерпретация, анализ и синтез).

Критическое мышление играет важную роль в современной коммуникации, позволяя оценивать ситуацию с разных сторон, определить соотношение баланса логических и эмоциональных приёмов и аргументов, тем самым принимать решения, основанные на

здравом рассуждении, а не на эмоциональных порывах или мнениях. Применяя навыки критического мышления в профессиональном контексте, мы можем обеспечить более эффективную передачу информации, а также продемонстрировать уважение к тем, с кем мы общаемся, будь то коллеги, партнёры или друзья. Одним из наиболее важных преимуществ, которое обеспечивается высоким уровнем развития критического мышления, является способность удерживать во внимании и преследовать на всех этапах диалога истинные цели любой эффективной коммуникации (важно подчеркнуть, что здесь речь идет именно об эффективности коммуникации), а именно — поиск общего решения, попытка прийти к единому мнению, установление истины.

Библиография

1. Гетманова А.Д. Учебник логики. Со сборником задач: учебник / А.Д. Гетманова. – 8-е изд., перераб. – М.: КНОРУС, 2011. – 368 с.
2. Дьяков А.В. Критическое мышление как средство защиты от манипуляционного воздействия. Мировоззренческие основания культуры современной России. сборник научных трудов IX международной научно-практической конференции. Том Выпуск 9. 2018 Издательство: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск). С. 51-54.
3. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М.: АСТ, 2019. 653 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. (Серия: История России. Современный взгляд). М.: Алгоритм, 2000. – 735 с.
5. Катунин А. В. О некоторых видах манипулятивной аргументации и способах противодействия им // Полилог/Polylogos. – 2020. – Т. 4. – № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110013077-6-1/>. DOI: 10.18254/S258770110013077-6
6. Катунин А.В. Некорректные аргументы как коммуникативная технология: виды, особенности, способы противодействия // Философская мысль. – 2021. – № 12. – С. 15-32. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.12.37197 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37197
7. Никифоров А.Л. Общедоступная и увлекательная книга по логике, содержащая объемное и систематическое изложение этого предмета профессором философии. М.: Гнозис, 1995. – 224 с.
8. Никифоров А.Л. Избранные философские сочинения. Том 1. – М.: Вече, 2023. – 736 с.
9. Чатфилд Т. Критическое мышление: Анализируй, сомневайся, формируй своё мнение. М.: Альпина Паблишер, 2019. – 328 с.
10. Шефнер В. Слова / Русская поэзия. URL: <https://rupoem.ru/shefner/mnogo-slova.aspx> (дата обращения: 01.11.2022).
11. Щукин А. Н., Азимов Э. Г. Коммуникативная цель. / Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР. [Электронный ресурс]. 2009. URL: https://methodological_terms.academic.ru/666/КОММУНИКАТИВНАЯ_ЦЕЛЬ (дата обращения: 01.11.2022).
12. Эпштейн М. Н. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкоznания. – 1991. – № 6. – С. 19-33.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой «аккуратное» обобщение общепринятых представлений о значимости «критического мышления» и «коммуникации» для благополучной адаптации человека к условиям существования в современном буржуазном обществе. Речь идёт именно об общепринятых представлениях, заимствованных из популярной литературы, которые призваны «сопровождать» человека в мире, насыщенном социально-психологическими конфликтами. Автор не пытается предложить сколько-нибудь глубокое раскрытие избранных понятий, он лишь повторяет клишированные выражения из (весьма немногочисленной по числу и спектру представленных в ней подходов) литературы, в связи с чем в тексте повторяются в «близких» предложениях одни и те же формулировки, например: «...критическое мышление подразумевает внимание к выбору обоснований для формулируемого высказывания. ... Критическое мышление подразумевает внимание...» и т.п. Утилитарно ориентированный подход проявляется в том, что автор постоянно предлагает читателю «рекомендации», будто он набирает сотрудников в коммерческую компанию, а не пишет научную статью: « при общении с коллегой или клиентом посредством текстовых сообщений (таких как электронные письма), перед отправкой текста следует подумать о том, как он может быть понят и истолкован собеседником. Намереваясь отправить сообщение, следует учесть тон беседы, а также возможные предубеждения и предположения собеседника относительно темы разговора» и т.п. Следует прямо сказать, что подобные «рекомендации» не должны воспроизводиться в научных публикациях, они лишены какого-либо философского или логического смысла, это лишь «житейская мудрость», неуместная в философском журнале. Текст вообще изобилует банальностями: «Искусство риторики — важный инструмент убеждения, позволяющий людям эффективно обозначать и выражать свою точку зрения, оказывая определенное влияние на собеседника. Риторика — это практика использования языка с целью непосредственного воздействия на мнение и убеждения слушателя». Неужели автор считает подобные суждения своим открытием? И зачем читателю приниматься за чтение подобных текстов? После знакомства с текстом складывается впечатление, что автор как раз весьма «некритически» транслирует тот «оптимизм», который свойствен рассчитанному на «успех» буржуазному сознанию и сопровождающей его бюрократии от образования: «наука, образование и бизнес объединились для того, чтобы понять какие навыки...» и т.п., разумеется подобный подход не имеет ничего общего с подходом «критически мыслящего» учёного. Представленный материал не структурирован, и если в начале текста ещё можно выделить фрагмент, напоминающий введение, то заключение представляет собой несколько абстрактных фраз, которые никак не могут рассматриваться в качестве итога научного исследования. Да и объём текста весьма невелик — 0,4 а.л. без библиографии, избранные же автором эпиграфы (ввиду их патетической направленности) неуместны в отношении к следующему за ними повествованию. Следует констатировать, что представленный материал лишён какого-либо научно-философского содержания, рекомендую его отклонить.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Особенности применения навыков критического

мышления в противодействии манипуляциям в современной коммуникации» выступает приемы недобросовестного ведения дискуссии и шире – недобросовестной организации коммуникации. Автор сосредотачивает свое внимание на специфике и особенностях критического мышления в современных условиях.

Методология исследования сочетает ситуативный анализ с методами идеализации и абстрагирования.

Актуальность статьи связана с расширением приёмов и методов манипулирования собеседником, слушателем, потребителем информационного контента в современных условиях. Автор статьи на примерах показывает, как использование навыков критического мышления позволяет преодолеть манипулирование, встроить коммуникацию по принципам взаимоуважения партнеров.

Научная новизна заключается в четкой классификации приемов и методов манипулирования общественным мнением и индивидуальным сознанием, и соответственно – способов противодействия этой практике.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация. Автор дает краткие и емкие определения ключевых понятий статьи. Например, критическое мышление он определяет как метакомпетенцию состоящую из множества других компетенций, заключающуюся, в самом широком смысле, в умении ориентироваться в потоках информации.

Структура и содержание статьи полностью соответствуют заявленной теме. Автор начинает ее рассмотрения с пояснения понятия коммуникативной цели и критического мышления и переходит к анализу способов манипулятивных воздействий в коммуникации. Среди них он выделяет логические, психологические и риторические, как соединение двух первых. Далее он последовательно рассматривает логический и риторический уровни аргументации и способы манипулирования мнением собеседника на каждом из них, которые уместно иллюстрирует примерами. В части «Роль навыков критического мышления в повышении качества коммуникативного взаимодействия» автор анализирует противодействие, которое может продемонстрировать собеседник, чьим мнением пытаются манипулировать. В заключении автор приходит к выводу, что именно навыки критического мышления формирование которых происходит в рамках таких учебных курсов как логика, риторика, теория и практика аргументации, теория и практика публичных выступлений, способны помочь человеку удерживать во внимании и преследовать на всех этапах диалога истинные цели любой эффективной коммуникации – поиск общего решения, попытка прийти к единому мнению, установление истины.

Библиография статьи включает 12 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам присутствует в части, посвящённой анализу риторического уровня аргументации. Автор обращается к исследованиям этого подхода таких авторов как С.Г. Кара-Мурза, А.В. Дьяков, М.Н. Эпштейн.

Статья будет интересна и полезна не только исследователям коммуникативного действия, логики и теории аргументации, но всем читателям, желающим избежать манипуляций, противопоставив им навыки критического мышления.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Свергузов А.Т. — К вопросу о диалектике научного познания в отечественной философии: проблема рефлексии // Философская мысль. — 2023. — № 12. — С. 83 - 92. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.69165 EDN: CWNJMG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69165

К вопросу о диалектике научного познания в отечественной философии: проблема рефлексии

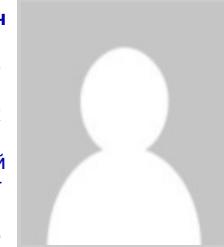
Свергузов Анвер Тяфикович

ORCID: 0000-0002-1040-3044

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии и истории науки, Казанский национальный исследовательский технологический университет

420015, Россия, республика татарстан, г. Казань, ул. К.Маркса, 68

[✉ atsverguzov@mail.ru](mailto:atsverguzov@mail.ru)[Статья из рубрики "Философия науки"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.12.69165

EDN:

CWNJMG

Дата направления статьи в редакцию:

29-11-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является феномен рефлексии в структуре механизмов научного познания. Сравниваются результаты изучения феномена, полученные в рамках отечественной философии в разные периоды ее развития – советский и современный этапы. Обращается внимание на фундаментальность результатов исследований научной рефлексии, полученных в советский период развития философии. В философии того периода была предложена концепция рефлексии, которая осталась вне поля зрения современных исследований. Особенностью предмета советской концепции является выделение двух аспектов научной рефлексии – взаимосвязи рефлексии и рациональности, а также взаимосвязи смыслополагающей и смысловыявляющей функций рефлексии. Предмет современных отечественных

исследований испытывает влияние западной традиции изучения феномена. Характерной его чертой является замкнутость рефлексивного мышления на самого себя или, в советской терминологии, редукция научной рефлексии к смыслополагающей функции. Методом исследования является диалектико-материалистический подход. Особенность исследования заключается в использовании внутренних противоречий рефлексии. Новизна работы характеризуется применением результатов советских диалектико-материалистических исследований проблемы рефлексии в науке к современному анализу проблемы. На примере современных отечественных исследований демонстрируется диалектико-материалистический характер рефлексии в научном познании. Показывается, что современная дискуссия по этой проблеме находится в диалектическом контексте, конституируемом рамками взаимосвязанных противоположностей рефлексии. Выражается мысль, что диалектико-материалистический подход продолжает оставаться фундаментальным и является адекватным методом рассмотрения существующего понимания феномена рефлексии. В частности, диалектико-материалистическая методология будет способствовать выходу из, по выражению одного из современных исследователей, «эпистемологического тупика», которым он характеризует результаты современного изучения рефлексии в науке. В целом делается вывод о необходимости возобновления диалектических исследований в области философии науки.

Ключевые слова:

отечественная философия, философия науки, диалектико-материалистический подход, сильная программа STS, рефлексия, смыслополагающая функция рефлексии, смыслополагающая функция рефлексии, рациональность, неопозитивизм, постпозитивизм

В истории философии выделяют разные трактовки понятия «рефлексия». От Сократа до Гегеля, Маркса и далее. Общее для них содержание характеризуется как «самопознание». Принципиальные отличия выражены в философии Гегеля и диалектическом материализме. Гегель ограничивает мышление сферой «чистого» мышления, замкнутого на самого себя. В диалектическом материализме мышление рассматривается шире, так как под мышлением понимается практически ориентированное мышление. У Гегеля источник развития мышления находится в самом мышлении. Рефлексия является элементом диалектического метода, характеризует взаимоотношение понятий как форму их отражения друг в друге. С точки зрения диалектического материализма источник развития мышления находится не только в мышлении, но и в практике. Рефлексия осуществляется не только над мышлением, но и над его отношением к действительности. Поэтому имеет смысл говорить о различии в понимании рефлексии с точки зрения этих подходов. В частности, дискуссия, которая находится в центре внимания данной работы, лежит в плоскости противостояния диалектических методологий, выраженных в философии Гегеля и диалектическом материализме. Отметим, что в данном исследовании рефлексия понимается в диалектико-материалистическом смысле.

В журнале «Эпистемология и философия науки» №4 за 2022 год прошла «панельная дискуссия» по проблеме научной рефлексии. Здесь выделились две линии – отечественная традиционная и отечественная прозападная. Их источником являются соответственно советская и западная философия. Если прозападные исследователи

говорят о кризисе понимания рефлексии в настоящее время, то «традиционники» рекомендуют обратить внимание на советскую философию, которая может актуализировать, придать новый импульс в изучении проблемы рефлексии.

Действительно, в советский период исследования носили прогрессивный характер и были получены существенные результаты по проблеме [например, 1-4]. На это указывает, например, В.А. Бажанов как один из основных исследователей проблемы рефлексии в советский период. «В отечественной философской литературе были выявлены не только истоки рефлексии, но и предложены различные ее типологии, формы и виды: онтологизм, гносеологизм, методологизм. Было показано, что рефлексивность научного знания может осуществляться на различных уровнях: внутритеоретическом, метатеоретическом, междисциплинарном, общен научном и философско-методологическом» [5, с. 34]. В настоящее время имеет смысл использовать те результаты по проблеме, которые были получены в советский период. Это, в частности, мы и предлагаем в данной работе.

Советские исследования, в отличие от западных, в целом носили комплексный, всесторонний характер. Однако, отношение к ним в настоящее время В.А. Бажанов характеризует как индифферентное. «Так, в советской философии в течение одного периода (в 1970-х гг.) интенсивно обсуждались проблемы, связанные с диалектическими законами познания (теория отражения, диалектика абсолютной и относительной истин, восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному, соотношение логического и исторического, взаимоотношения индукции и дедукции и т.п.), с так называемыми общен научными понятиями, причем тон осмысления здесь задавали некоторые ведущие философы 1980-х гг. (В.С. Готт, А.Д. Урсул, Э.П. Семенюк), методологические принципы науки, как соотносятся формальная и диалектическая логика и т.д. Гремел системный подход. Ныне по большому счету эти проблемы активно не анализируются, либо считаются малоинтересными..» [5, с. 31-32]. Внимание исследователей оказалось смещено к проблематике, предлагаемой западной философией. Это было в русле общих тенденций в отечественной философии постсоветского времени.

Проблема рефлексии одновременно изучалась и на Западе, и на Востоке (в СССР), причем «на Востоке подход к этому феномену отличался глубиной и оригинальностью» [5, с. 32]. Отличие между советскими и западными исследованиями заключается в том, что они проводились на разной методологической основе. Современные отечественные исследования по проблеме рефлексии идут в русле западных позитивистских методологий. Однако, диалектический подход отличается фундаментальностью и, по нашему мнению, общим фоном присутствует в современной повестке. С этой точки зрения, тем более необходимым является «важность учета результатов изучения феномена рефлексивности научного знания, которые были получены в отечественной философско-методологической традиции» [5, с. 31]. Например, напрашивается мысль о возможном синтезе прошлых и современных результатов. Тем более можно говорить о продолжении собственно диалектических исследований по проблеме рефлексии. Показательным может стать диалектический анализ современных исследований проблемы. В частности, имеет смысл рассмотрение современного анализа научной рефлексии в рамках диалектических противоположностей, выделенных в советской философии. Основная идея такого подхода была нами сформулирована в одной из работ [6]. Здесь же предлагаем ее в более развернутом виде.

Прежде всего, следует отметить, что «советские» исследования рефлексии выходят за

временные рамки существования СССР. В частности, непосредственным продолжением диалектических исследований по проблеме рефлексии советского периода было диссертационное исследование под научным руководством В.А. Бажанова [Свергузов А.Т. Рефлексия в структуре механизмов научного познания: специальность 09.00.01 «Онтоология и теория познания»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Самара: СамГУ, 1996. 23 с.]. Для иллюстрации приведем из нее следующие выдержки. «...Мы воспользовались в настоящей работе, как методологическим требованием, мыслью А.П. Огурцова о необходимости преодолеть традиционное понимание рефлексии, о дополнительности смыслополагающей и смысловыявляющей работ сознания. Для этого развивается идея В.Н. Духанина о существовании функции научной рефлексии, заключающейся в проникновении во внутреннюю структуру научной деятельности и выявлении ее целевой направленности» [Там же, с. 3]. Рефлексия в науке предполагает реконструкцию «непосредственно существующего фактического сознания» (в терминологии Е.А. Алексеевой) или «конституируемого нормами научного познания разума» (в терминологии В.В. Ильина) [Там же, с. 4]. Научная новизна работы заключалась в выявлении диалектической структуры рефлексии в науке.

Диалектика научной рефлексии, согласно диссертационному исследованию, характеризуется двухуровневой структурой. Выделяются две основные взаимосвязанные стороны научной рефлексии – внешняя и внутренняя. Внешняя сторона характеризуется диалектикой отношений научной рефлексии и научной рациональности. Внутренняя сторона – диалектикой отношений смыслополагающей и смысловыявляющей функций научной рефлексии. Диалектический характер рефлексии означает, что отрыв указанных противоположностей друг от друга приводит к искаженному пониманию противоположностей самих по себе. Например, это может выражаться попытками игнорирования как феномена рефлексии, так и феномена рациональности в научном познании. Отмечается, что «с точки зрения диалектики рефлексивного и рационального можно рассматривать неопозитивистские и постпозитивистские концепции науки как акцентирование либо на рациональной, либо на рефлексивной стороне ее развития» [Там же, с. 17].

Западные исследования рефлексии в целом, по нашему мнению, не выходили за рамки смыслополагающей функции научной рефлексии, то есть за рамки традиционного понимания рефлексии. Например, значение рефлексии понималось абстрактно, сводилось к тому, что именно она должна делать знание подлинным знанием, обоснованным и истинным убеждением [\[7\]](#). Игнорирование основной, то есть смысловыявляющей функции превращает рефлексию, по нашему мнению, в «дурную бесконечность». Результатом рефлексии должно стать некое новое знание второго порядка по отношению к знанию первого порядка, которое, в свою очередь, также должно быть подтверждено рефлексией, и так далее до бесконечности [\[8\]](#).

Содержание дискуссии по проблеме рефлексии в науке в современной отечественной литературе в той части, которая идет в русле западных тенденций, указывает, по нашему мнению, на диалектическую проблему в диалектико-материалистическом смысле. В данной статье предлагаем рассмотреть диалектический контекст анализа феномена рефлексии, предложенного О.Е. Столяровой. Как увидим, этот контекст непосредственно характеризуется рамками диалектически взаимосвязанных смыслополагающей и смысловыявляющей функций научной рефлексии. Диалектика заключается во взаимной дополнительности смыслополагающей и смысловыявляющей работ научного сознания, основной из которых является смысловыявляющая.

Столярова рассматривает рефлексию в рамках так называемой на Западе «сильной программы STS». Программа была сформулирована в работе Дэвида Блура «Знание и социальное представление» [9], в которой были предложены обновленные принципы социологии науки. Среди основных методологических установок программы – предписание рассматривать науку как социальное явление. Отметим, что результаты анализа феномена рефлексии даже по западным оценкам оказались неудовлетворительными: «в контексте STS феномен потерял свой радикализм и четкие контуры» [10, с. 96]. Тем не менее, в настоящее время исследование проблемы рефлексии в целом продолжается, хотя фокус внимания переместился с фундаментального уровня [например, 11] на прикладной [например, 12-15].

Функции рефлексии в работах О.Е. Столяровой имеют разные обозначения. На это следует обратить внимание, так как названия в целом характеризуют авторское понимание рефлексии. Для начала смыслополагающую и смысловыявляющую функции можно обозначить соответственно как «внешняя позиция объясняющего» и «внутренняя позиция объясняющего». Это следует из утверждения, в котором говорится о рефлексивной работе, которая предполагает «внешнюю позицию объясняющего» по отношению к объясняемому [16, с. 21].

В другом утверждении вроде бы предполагается взаимосвязь смыслополагающей и смысловыявляющей функций рефлексии. Их, соответственно можно обозначить уже как «отрефлексированные и неотрефлексированные убеждения». «Философская рефлексия выступает источником неотрефлексированных убеждений, которые становятся объектом последующей рефлексии. При этом она является не столько эпистемологическим обоснованием, сколько генетическим объяснением знания и раскрывает вовлеченность познающего субъекта в реальный мир» [17, с. 81]. Может показаться, что дальше последует утверждение о необходимой взаимосвязи, дополнительности этих функций. Однако, О.Е. Столярова редуцирует рефлексию к смыслополагающей функции. «Соответственно, рефлексия представляет собой вторичные усилия, направленные на уже состоявшееся (первичное) усилие мысли. Если уже состоявшееся усилие мысли характеризуется как знание (представление, информация, идея и т. п.), то рефлексия характеризуется как знание о знании (представление о представлении и т. п.). В философской рефлексии можно выделить два аспекта: собственно обращенность мышления, или знания на себя и традицию осмыслиения этого феномена» [17, с. 81]. Здесь смыслополагающая функция замыкается сама на себя. Смыслополагающую и смысловыявляющую функции можно обозначить соответственно как «вторичные и первичные усилия мысли».

В целом, по нашему мнению, понимание рефлексии О.Е. Столяровой несколько противоречиво. С одной стороны, она вроде бы критикует традиционный подход, говоря о «вовлеченности познающего субъекта в реальный мир». А, с другой стороны, она не может от этого подхода абстрагироваться, так как ограничивает рефлексию смыслополагающей функцией.

Напомним, что с диалектической точки зрения отрыв функций рефлексии друг от друга приводит к искаженному их пониманию. Яркий пример абсолютизации смыслополагающей функции метко описан самой О.Е. Столяровой. Такая абсолютизация ведет, по ее же мнению, к негативному результату. «В эпистемологии рефлексия играет не столько положительную, сколько отрицательную роль. Если даже ее промежуточный итог – положительное знание, то ее абсолютный итог – скептицизм. Она показывает, что не существует обоснованного (истинного) знания. Чем последовательней будет

рефлектирующий индивид осуществлять рефлексивные акты, надстраивая их один над другим, тем с большей вероятностью он придет к абсолютному скептицизму, потому что он будет убеждаться в том, что каждое новое, найденное им, основание требует своего собственного обоснования и так далее» [\[17, с. 82\]](#). Показательным примером абсолютизации смыслополагающей функции рефлексии является методологическая установка «сильной программы», которая предполагает зависимость содержания научного знания от установок сознания субъекта познания. «Сильная программа была призвана показать, что наблюдение физических процессов происходит в контексте и под влиянием заранее сформированных представлений, которые являются продуктом коммуникации физических субъектов» [\[17, с. 23\]](#).

Редукция рефлексии к смыслополагающей функции может привести к искаженному пониманию рефлексии в целом. Например, к игнорированию принципа рефлексии в научном познании. Такая возможность также описывается О.Е. Столяровой. «Более того, некоторые решительно настроенные социологи готовы были вообще вычеркнуть его из списка основных принципов сильной программы. Ситуация не сильно изменилась и в дальнейшем. Принцип рефлексивности, по большому счету, так и остался не у дел и не побуждает исследователей науки эмпирически исследовать их собственные предпосылки» [\[16, с. 26\]](#). Эту ситуацию она характеризует как «эпистемологический тупик».

Выход из этого тупика О.Е. Столярова, казалось бы, видит в диалектическом решении. «Можно ли найти выход из этого эпистемологического тупика? Мы попытаемся сделать это, признав за рефлексией не только критическую функцию, но и догматическую. Иначе говоря, мы отнесем философскую рефлексию не только к эпистемологии, но и к онтологии. Для этого мы рассмотрим философскую рефлексию с точки зрения генетического объяснения того или иного состоявшегося знания, т.е. как поиск и определение источников (условий возможности) знания» [\[17, с. 82\]](#). Здесь, как видим, можно выделить еще два варианта обозначения смыслополагающей и смысловыявляющей функций рефлексии: «эпистемологическая и онтологическая», а также «критическая и догматическая».

В другой ее работе также можно предположить необходимость диалектического решения, выделения разных сторон феномена рефлексии. «Каковы причины неуспеха принципа рефлексивности? В контексте STS этот естественный для любой науки вопрос о причинах наблюдаемого положения вещей приобретает двойственный смысл. С одной стороны, его невозможно не задать при сохранении притязаний на научность (мы помним, что у любых, истинных и ложных, успешных и неуспешных представлений имеются эмпирически познаваемые социальные причины). С другой стороны, объяснив, и, таким образом, легитимировав этот неуспех, нам придется одновременно и выполнить требование научного универсализма, и признать, что STS не удовлетворяет этому (собственному) требованию» [\[16, с. 26\]](#).

Какое решение предлагает О.Е. Столярова, чтобы принцип рефлексии был работающим? По нашему мнению, преодоление «эпистемологического тупика» оказалось диалектически незавершенным. С одной стороны, О.Е. Столярова вроде бы предполагает взаимосвязь смыслополагающей и смысловыявляющей функций рефлексии: «... философская рефлексия, даже обращенная на себя, не может не учитывать результаты эмпирических наук» [\[18, с. 50\]](#). Но ей, как мы уже говорили, не удается вырваться за рамки традиционного понимания рефлексии. О.Е. Столярова, в конечном итоге, все-таки

продолжает редуцировать рефлексию к смыслополагающей функции. Более того, по нашему мнению, для нее взаимосвязь смыслополагающей и смысловыявляющей функций рефлексии означает неприемлемое «дублирование», абсолютизацию смысловыявляющей функции. «...Ключевое требование рефлексивности – дистанцирование от предмета своего интереса, внеположенность по отношению к нему. Рефлексивность не дублирует исходную, "наивную" позицию, на которую она обращена и не находится внутри нее. Она объективирует свой предмет, берет его, так сказать, в готовом виде для того, чтобы "провернуть фарш назад". Внешняя позиция – необходимая предпосылка рефлексивного акта, источник объясняющей власти над "наивной" позицией» [\[16, с. 27\]](#). Здесь, как видим, смысловыявляющую функцию рефлексии О.Е. Столярова обозначает еще одним характеризующим ее подход термином "наивная позиция".

Подчеркнем, что диалектика смыслополагающей и смысловыявляющей функций рефлексии заключается не только в том, что их нельзя отрывать друг от друга, но и в том, что смысловыявляющая функция является основной для научной рефлексии. А для О.Е. Столяровой главной и, по сути, единственной является смыслополагающая функция. Хотя она иногда пытается сгладить эту позицию, когда утверждает, например, что «все уважаемые комментаторы, будучи философами, так или иначе выразили общую мысль о том, что философская рефлексия, даже обращенная на себя, должна учитывать практики и результаты эмпирических наук» [\[18, с. 54\]](#).

Если говорить об общей оценке трактовки научной рефлексии О.Е. Столяровой другими философами, то она также предполагает необходимость учета диалектического характера феномена рефлексии. В.А. Бажанов, например, обращает внимание на то, что О.Е. Столярова не учитывает «опережающие Запад» диалектические результаты исследований советской философии. На Востоке четко осознавали, что «наука является самореферентной (саморефлексивной) системой» [\[5, с. 32-33\]](#). Принцип саморефлексивности науки, по нашему мнению, непосредственно означает, что смысловыявляющая функция рефлексии является основной для научного познания.

В.Н. Порус также отмечает, что анализ принципа рефлексивности в версии О.Е. Столяровой игнорирует понимание его как принципа саморефлексивности. «Анализ программ STS приводит О.Е. Столярову к выводу о том, что в них принцип рефлексивности (в версии Д. Блура) не выполняется, хотя это противоречит установке этих программ на саморефлексию научных оснований» [\[19, 2022, с. 44\]](#).

Об односторонней трактовке принципа рефлексивности О.Е. Столяровой, по нашему мнению, говорит С.В. Пирожкова. «...Обоснование функций философии в рамках STS, предлагаемые О.Е. Столяровой, остаются в границах философского самооправдания – и самоуспокоения. В контексте взаимодействия с другими дисциплинами, в контексте организации коммуникации этого оказывается недостаточно» [\[20, с. 39\]](#).

На основании данного анализа можно сделать вывод о продуктивности возобновления диалектических исследований в философии науки в целом. Рассмотрение современной дискуссии по проблеме научной рефлексии в отечественной философии, проводимой в рамках западной традиции, указывает на диалектический характер этого феномена. В предыдущий период, в рамках советских исследований были получены результаты, раскрывающие диалектическую сущность научной рефлексии и ее фундаментальное значение в механизме функционирования научного знания. В частности, было показано, что диалектика смыслополагающей и смысловыявляющей функций научной рефлексии отражает взаимосвязь и динамику революционного и парадигмального (в терминологии

Т. Куна) периодов развития научного знания. Имеет смысл продолжить данное исследование и сделать анализ современного понимания науки с целью показать диалектический контекст, конституируемый рамками взаимосвязи научной рефлексии и научной рациональности.

Библиография

1. Юдин Б.Г. Методологический анализ науки как направление изучения науки. М.: Наука, 1986.
2. Огурцов А.П. Альтернативные модели анализа сознания: рефлексия и понимание // Проблемы рефлексии: современные комплексные исследования. Новосибирск: Наука, 1987. С. 13–19.
3. Швырев В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М.: Наука, 1988.
4. Бажанов В.А. Наука как самопознающая система. Казань: КГУ, 1991.
5. Бажанов В.А. Об анализе феномена рефлексии в науке в отечественной философии и в сильной программе STS // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 4. С. 31–37.
6. Свергузов А.Т. Философия науки: диалектика феномена рефлексии // Актуальные проблемы аналитической эпистемологии: сборник статей Всероссийской научной конференции / науч. ред. и сост. В.А. Бажанов, Н. Г. Баранец. – Ульяновск: УлГУ, 2023. С. 44–49.
7. BonJour L., Sosa E. *Epistemic Justification: Internalism vs. Externalism, Foundations vs. Virtues*. Wiley-Blackwell Press, 2003.
8. Kronblith H. *On Reflection*. Oxford University Press, 2012.
9. Bloor, D. *Knowledge and Social Imagery*. Chicago: The University of Chicago Press, 1976.
10. Ashmore, M. Reflexivity in Science and Technology Studies // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, 2nd edition, vol. 20. Oxford: Elsevier Press, 2015, Pp. 93–97.
11. Новоселов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. М.: Идея-пресс, 2005.
12. Soros, G. General Theory of Reflexivity, *Financial Times*. 2009. October 27.
13. Василев, В. Рефлексия как прикладная проблема психологии // Культурно-историческая психология. 2016. № 3. С. 217–225.
14. Davis, J.B. & Wade Hands, D. (eds) *Reflexivity and Economics. George Soros's Theory of Reflexivity and Methodology of Economic Science*. Routledge, 2017.
15. Лепский В.Е. Рефлексивность в управлении социальными системами // Философия науки и техники. 2021. № 2. С. 127–147.
16. Столярова О.Е. Кто исследует исследования науки и техники? О принципе рефлексивности с эмпирической и теоретической точек зрения // Эпистемология и философия науки. 2022а. Т. 59. № 4. С. 21–30.
17. Столярова О.Е. Философская рефлексия: эпистемологическая проблема и онтологическое решение // Трансцендентальный поворот в современной философии-7. Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект: Сборник тезисов международной научной конференции. Москва, 21–23 апреля 2022 года. М.: РГГУ, 2022б. С. 81–82.
18. Столярова О.Е. Об универсальности философской рефлексии: ответ оппонентам //

- Эпистемология и философия науки. 2022в. Т. 59. № 4. С. 50-54.
19. Порус В.Н. Следует ли философская рефлексия оснований научных исследований принципу эмпиризма? // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 4. С. 44-49.
20. Пирожкова С.В. Философия и исследования науки и техники: проблема взаимоотношений // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 4. С. 38-43.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема представленного на рецензирование материала не сформулирована с должной ясностью ни в названии статьи, ни в основном тексте. В названии статьи присутствует явно неудачное выражение «диалектика научной рефлексии». По-видимому, автор не обратил внимания на то, что у Гегеля, «классика диалектики», «рефлексия» (наряду со «становлением» и «развитием») выступает в качестве одной из форм диалектического метода, стало быть, «диалектика рефлексии» – нечто подобное «масляности масла», «водянистости воды» и т.п. (Заметим сразу же, что ни тексте, ни в списке литературы о Гегеле автор вообще не вспоминает, как, впрочем, и о других известных диалектиках.) Крайне неопределёнными являются и первые предложения текста, в которых, как правило, даются формулировки, по которым можно судить о предмете и задачах статьи: «Содержание дискуссии по проблеме рефлексии в науке ... указывает, по нашему мнению, на ее диалектичность». О «диалектичности» чего идёт речь? О диалектичности «дискуссии»? И это её достоинство? Посмотрим сразу и на исключённый нами из этого предложения фрагмент: «...в современной отечественной литературе, идущей в русле западных тенденций», – так если эта «дискуссия» «идёт в русле западных тенденций», может и не следует назвать отражающую её ход литературу «отечественной», может быть, это, скорее, «филиал» («аппендикс» и т.п.) западной литературы? Правда, можно было бы возразить, что автор говорит именно о «рефлексии в науке», но разве советские философы, на которых ссылается здесь автор, говорили о какой-то «другой» рефлексии? Конечно, рефлексия в классическом понимании – это, как уже упоминалось в связи с Гегелем, элемент универсального философского метода, но решится ли кто-то возражать, что её специфические черты («рефлективные определения», если говорить гегелевским языком) проявляются именно в научном мышлении? Конечно, основная интенция представленного текста понятна, автор стремится указать на то, что современные публикации, так или иначе перекликающиеся с проблематикой рефлексии (например, упоминаемые публикации О.Е. Столяровой), только выиграли бы в основательности и широте подхода, если бы учитывали опыт советской философии, шире – философии, сохранившей интерес к универсальным философским проблемам, – и рецензент должен признаться, что вполне разделяет эту точку зрения. Однако этот тезис представлен сбивчиво, недостаточно определённо, автор то и дело «соскальзывает» ко второстепенным замечаниям, которые не имеют существенного отношения к затрагиваемому им вопросу. На основании сказанного представляется правильным сделать вывод, что статья нуждается в существенной доработке, её объём (менее 0,5 а.л.) позволяет устраниить отмеченные недостатки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования представленной статьи выступает рефлексия как один из элементов философского мышления, возможные подходы к ее пониманию и исследованию. Как следует из текста статьи, ее написание явилось результатом докторской диссертации автора, один из аспектов которого, он решил представить для публикации. В статье отмечается, что понимание рефлексии во многом зависит от общемировоззренческих установок философов и включает множество подходов и трактовок. Автор предлагает различать западную, позитивистскую трактовку рефлексии и советскую – диалектическую. При этом он считает целесообразным не смешивать диалектическую методологию Гегеля и диалектический материализм в трактовке рефлексии. В самом начале статьи автор замечает, что понятие «рефлексия», в самом общем плане означающее «самопознание», может трактоваться по-разному и четко определяет, что в данном исследовании рефлексия будет пониматься в диалектико-материалистическом смысле, признающим, что источник развития мышления находится не только в мышлении, но и в практике.

Методология исследования базируется на сравнительно-историческом анализе различных подходов к пониманию рефлексии. Критическом рассмотрении пониманию рефлексии в духе позитивизма и постпозитивизма.

Актуальность своей работы автор видит в возрождении интереса к тем результатам обсуждения проблемы рефлексии, которые были получены в советский период, что должно способствовать преодолению тупика в изучении данного феномена.

Научная новизна работы заключалась в выявлении диалектической структуры рефлексии в науке, сопоставлении различных практик применения диалектического подхода к осмыслению феномена философской рефлексии.

Автор выделяет две взаимосвязанные стороны рефлексии – внешнюю и внутреннюю. Первая из них характеризуется диалектикой отношений научной рефлексии и научной рациональности. Вторая – диалектикой отношений смыслополагающей и смысловыявляющей функций научной рефлексии.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание работы полностью соответствуют заявленной проблеме.

Библиография статьи включает 20 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам является одной из основных задач представленной статьи. Автор сравнивает позитивистский и диалектический подходы к рефлексии. В диалектическом подходе, рассматривает классические и современные модели осмысления рефлексии. Анализирует, выделяя сильные и слабые стороны, подход О.Е. Столяровой. Рассматривает его оценку такими авторами как В.А. Бажанов, В.Н. Порус, С.В. Пирожкова. С сожалением констатирует, что О.Е. Столярова, все-таки продолжает редуцировать рефлексию к смыслополагающей функции

К сильным сторонам работы относится ее краткость и четкость изложения основных тезисов. Статья будет интересна специалистам, изучающим философскую методологию, теорию сознания, историю философии.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Чжэн Я. — Сравнительный анализ философско-исторических воззрений С.Л. Франка и В.В. Зеньковского // Философская мысль. — 2023. — № 12. — С. 93 - 108. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.69258 EDN: ITEMCV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69258

Сравнительный анализ философско-исторических воззрений С.Л. Франка и В.В. Зеньковского

Чжэн Ян

аспирант кафедры истории философии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

✉ chzhen.yan@bk.ru

[Статья из рубрики "История идей и учений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.12.69258

EDN:

ITEMCV

Дата направления статьи в редакцию:

08-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Целью статьи является сравнительный анализ историософских воззрений С. Л. Франка и В. В. Зеньковского, в основание которых ими были положены специфические онтогносеологические концепции о сущности бытия и возможностях для творческой личности постижения последнего. Исходя из свойственных христианскому персонализму представлений о месте и роли человека в природных и социально-исторических процессах, мыслители, различно интерпретируя концепты творения и грехопадения, приходили к несходным выводам о практических смыслах познавательно-преобразовательной деятельности личности. Важнейшей причиной этого, по мнению автора статьи, являлось мировоззренческое расхождение философов (панентицизм первого и трансцендентализм второго), что сказалось на специфическом понимании ими человеческой души, духовности, творчества, смысловых ориентиров в жизни отдельной

личности и в социальной истории. При проведении исследования применялись методы компаративного анализа, предполагающие аргументированное и непротиворечивое выявление сходства и различий историософских позиций С. Л. Франка и В. В. Зеньковского, а также герменевтические методы, используемые для лучшего понимания смыслового содержания их текстов. Автор статьи, последовательно рассмотрев воззрения С. Л. Франка и В. В. Зеньковского на эволюцию, социальный утопизм, соборность, на место и роль Церкви в общественно-историческом процессе и на эсхатологическую перспективу человечества, приходит к выводу о том, что, невзирая на наличие у обоих философов существенных разногласий по поводу решения ими проблемы теодицеи, для их философско-исторических построений тема преодоления зла в мире является основополагающей. Однако обусловливающееся несовместимостью их мировоззренческих подходов различие онтогносеологических представлений философов о типах связи Абсолюта с тварным миром (сущностной и благодатной) и о когнитивных возможностях человека сказалось на осмыслиении ими как цели исторического развития, так и методики ее достижения.

Ключевые слова:

Семен Людвигович Франк, Василий Васильевич Зеньковский, историософия, онтогносеология, эсхатология, теодицея, панентеизм, трансцендентизм, утопизм, эволюция

Введение

Предметом статьи являются философско-исторические концепции С. Л. Франка и В. В. Зеньковского, на формирование которых оказали существенное влияние их онтогносеологические представления, прежде всего – особенности интерпретации философами христианских концептов творения и грехопадения. Различие панентеизма и трансцендентизма в качестве основополагающих мировоззренческих установок сказалось на специфическом понимании мыслителями человеческой души, духовности, творчества, смысловых ориентиров в жизни отдельной личности и в социальной истории. Если у Франка ответы на смысложизненные вопросы, оставаясь в целом в контексте христианской традиции, тем не менее, обусловливались концептами «личного откровения» и сущностного подобия Абсолюта и мира, в том числе человека, что диктовалось воздействием на мыслителя трансформированной, но сохраняющейся у него пантеистической мировоззренческой установки, то у Зеньковского антропология и историософия были центрированы изначально свойственными традиционно-христианскому пониманию отношений Бога и мира/человека концептами первородного греха и творения, подчеркивавшими инобытиность Абсолюту как тварного мира, так и человеческой личности, способной к разнонаправленной творческой деятельности, однако открывающей для себя истинную свободу лишь «в свете Христовом», а не путем самостоятельного погружения в глубины абсолютной реальности, пусть даже и осуществляемого при благодатной помощи Бога. В своем учении о «душевной жизни» С. Л. Франк утверждал, что человеческая душа не просто причастна абсолютной реальности, она и есть эта реальность, конкретно и актуально ограниченно проявляемая, но при этом никак не ограниченная потенциально, «сливаясь» в своей глубине с абсолютным всеединством, в котором ей открывается жизнь духовная [\[1, с. 911\]](#). В. В. Зеньковский отмечал свойственность этому учению имперсоналистических мотивов, что является прямым следствием концепции всеединства, наилучшим образом выраженной

Франком [\[2, с. 189\]](#). Если для Франка душевная жизнь человека представляет собой потенцию его духовного бытия, иначе, духовное имплицитно заложено в душевном, то для Зеньковского такая связь не является логически необходимой: он полагает, что душа может, сознательно или нет, и не приобщиться духовной жизни, понимаемой как реализация изначальной связи с Богом, нарушенной при грехопадении.

Грехопадение, понимаемое в традиционно-христианском аспекте, является у В. В. Зеньковского вторым после творения основополагающим концептом его онтогносеологии, у С. Л. Франка же мы видим отрицание догматического учения о первородном грехе человечества, вследствие чего грех становится у него вполне «нормальным» для эмпирической жизни явлением, причем характерно, что сам грех противоречиво не рассматривается мыслителем в качестве необходимого элемента ни для эмпирического бытия, ни для абсолютной реальности, он присутствует лишь в сознании человека, являясь «болезнью» личности [\[3, с. 353\]](#). Тем самым Франк закрывает для себя путь к адекватному решению проблемы теодицеи: отказываясь от понимания греха в качестве имманентного элемента объективной действительности, он, решая проблему происхождения зла, вынужден выводить его не из греха как недолжного состояния человека и мира, а из самой природы, – это означает понимание в качестве источника злого начала самого Творца мира, так до конца и не преодоленное мыслителем. Для выхода из складывающейся сложной когнитивной ситуации С. Л. Франк предлагает оригинальную концептуализацию творческой деятельности, рассматривая творчество Бога по аналогии с человеческим. Сущность творчества, по его мнению, состоит в раскрытии формы в материальном, в облечении духовного плотью, и процесс этот имеет драматический характер. Бог творит не только мир, но и творцов, людей, соучаствующих ему в реализации творческого процесса, протекающего во времени. Различие между творчеством Бога и человека – лишь в том, что в первом случае материал «полагается» Абсолютом из самого себя, во втором же этот материал уже дан для творческого преобразования. Истоки зла философ находит в этом материале для творчества (в «чистой потенциальности бытия»), в его «стихийном динамизме» и «хаотической беспорядочности» [\[3, с. 426\]](#). Сопротивление материала придает творческому процессу трагический характер, Франк думает даже, что «первый набросок» Божьего творчества на земле, в реализации которого соучастует и человек, может не удастся здесь, а дальнейшая актуализация чистой потенциальности может быть перенесена в другое место вселенной. Таким образом, «ответственность» за зло в мире у философа экстраполируется со свободных субъектов на стихийный динамизм материала, и сам смысл ответственности при этом теряется: зло «растворяется» в самом мире, спрашивать за него уже некого. Более того, имплицитно источником зла становится Бог, полагающий из себя материал, Он же и противоборствует ему в драматическом творческом процессе, оформляя материал, одухотворяя плоть при помощи «сродных» Ему «с сотворенных творцов» [\[3, с. 343-344\]](#).

В качестве причины того, что С. Л. Франком не была адекватно понята идея христианской антропологии о первородном грехе, а понятие зла рассматривалось им в отрыве от понятия греха, В. В. Зеньковский справедливо указывал на монизм его философской системы, не исчезающий даже вследствие введения понятия «монодуализма» [\[4, с. 468\]](#). Для монистических систем характерен поиск зла в самом фундаменте мироздания, соответственно, зло в них субстанциализируется, не избежал этого и Франк. Сам же Зеньковский не субстанциализирует зло, но и не субъективизирует его, не пытается представить как только человеческое измышление; зло у философа вполне объективно, имея своих конкретных носителей, важнейшей

характеристикой которых является наличие свободы, и такой подход к теодицеи в целом укладывается в рамки восточно-христианской традиции.

В целях проведения компартиативного анализа собственно философско-исторических воззрений С. Л. Франка и В. В. Зеньковского мы вначале рассмотрим общие особенности христианского религиозно-философского персонализма, затем сравним взгляды мыслителей на эволюцию и вытекающее из них отношение к социально-утопическим теориям, а также на феномен соборности, на место и роль Церкви в общественно-историческом процессе и на эсхатологическую перспективу человечества.

Спасение человека как «трансисторическая» цель в христианском персонализме

В своей работе «Смысл жизни», написанной для русской эмигрантской молодежи, С. Л. Франк ставит, пожалуй, главный для всякого человека, вне зависимости от его социального положения, философский вопрос: «Можно ли обновить общую жизнь, не зная для себя самого, для чего ты вообще живешь и какой вечный, объективный смысл имеет жизнь в ее целом?» [\[5, с. 16\]](#). Будучи, как и В. В. Зеньковский, ярким представителем религиозно-философского персонализма, мыслитель при анализе общественных реалий всегда исходил из предпосылки о взаимообусловленности общественного и личностного. Важнейшей особенностью всякой личности является ее способность к творческой деятельности, невозможной без наличия у нее свободы, ведь творчество есть не что иное, как реализация во внешней для человека общественно-природной среде его внутренних побуждений, представлений, желаний, реализация, приводящая к преображению этой среды, к привнесению в нее нового, ранее не бывшего. Личность призвана к творческому усвоению и переработке непосредственно данного ей «материала», и именно на осуществлении этого призыва и основывается социально-исторический процесс. Значимо здесь то, что, с одной стороны, личности в процессе своей творческой деятельности образуют то, что мы называем обществом, с другой же – невозможно помыслить формирование личности вне общества, обеспечивающего условия для ее становления, т.е. преемственного восприятия личностью социокультурной традиции, обуславливающего ее осмысленное включение в «общую жизнь», обновление которой, действительно, невозможно без ясного осознания личностью смысла собственной жизни.

По меткому замечанию Г. В. Флоровского: «...история в существе своем есть история людей в их творческом взаимообщении и взаимодействии» [\[6, с. 11\]](#). В. В. Зеньковский выражает полную идейную солидарность с ним, утверждая, что: «Исторический процесс есть процесс прежде всего стихийной кристаллизации в человечестве в целом и в отдельных народах различных творческих явлений» [\[7, с. 217\]](#). Обращает на себя внимание характеристика кристаллизации творческих феноменов как «стихийного» процесса. Казалось бы, какое значение может иметь необходимое для целенаправленного общественного развития уяснение человеком смысла собственной жизни, если исторический процесс, суть которого состоит в интеграции личностных творческих усилий, в конечном итоге стихиен? Философ разъясняет возникающее затруднение, и тем самым, как представляется, обосновывает важнейшее положение для персонализма именно религиозного. Он пишет: взятая чисто эмпирически философия истории есть, конечно, простая смесь фактов, не связанных друг с другом, и в этом проявляется «безразличие» исторического потока к совершающемуся в нем, однако отсюда следует то, что история «не существует сама по себе и сама для себя, ее "смысл" где-то извне» [\[7, с. 222-223\]](#), и он приоткрывается нам в «Священной истории», дающей ориентиры для осмысления земной истории через Промысел. С точки зрения

христианства, смысл своеобразного содержания исторического процесса заключается в том, что единое перед Богом человечество «движется к спасению» [\[7, с. 218\]](#). Полное соответствие этой важнейшей для христианского персонализма идее «Священной истории», направляющей ход истории событийной, пусть и не вполне нами осознаваемо, мы находим в написанной несколько позже работе М. Элиаде «Священное и мирское». Румынский философ, критикуя сложившийся как продукт разложения христианского учения и основанный на утопической идее общественного прогресса «историцизм», придающий решающее значение самому по себе историческому событию, противопоставляет ему христианскую историософию, в отличие от «историцистской» философии истории выливающуюся «не в какую-то философию, а в теологию истории, так как вмешательство Бога в Историю, и особенно Воплощение Иисуса Христа в историческую личность, имеет трансисторическую цель: *Спасение человека»* [\[8, с. 306\]](#).

Однако перед историософией, осмысливающей исторический процесс исходя из наличия в нем моментов богоявленности («теофании»), встает трудноразрешимая проблема: каким образом можно в истории совместить придающие ей смысл действия Бога и свободу человека, без утверждения которой невозможен религиозно-философский персонализм? Если человеческое творчество не более чем стихийный процесс кристаллизации отдельных творческих усилий, пусть и направляемый Промыслом, то влияет ли, вообще, личность на ход истории? Есть ли в последней хотя бы частица человеческого целеполагания и, соответственно, целереализации, осуществляющей обществом? Следует отметить, что проблема эта совсем не нова для христианского богословия, и к ее разрешению веками прилагали свои усилия не самые худшие умы человечества, нередко подпадая при этом под фаталистические «искушения». Однозначного ответа на инициируемые этой проблемой вопросы нет, и не может быть, поскольку здесь мы имеем дело с антиномией, которая предполагает возможность вполне обоснованного выбора противоположных ответов – в зависимости от «ракурсов» рассмотрения проблемы.

Общепризнанным в решении проблемы соотношения в событийной истории человеческой свободы и божественной необходимости нужно считать указание на неправомерность смешения категорий исторического времени, в котором действует человек, и вечности, в которой Бог действительно предвидит будущее, даже конечное состояние человечества, но такое, каким оно станет вследствие свободной, творческой активности неисчислимого множества личностей. По справедливому замечанию В. С. Соловьева, сделанному им в статье «Первый шаг к положительной эстетике», конкретное и реальное представление об окончательном состоянии человечества для нас недоступно, поскольку «самое понятие *абсолютно окончательного состояния* как *заключения временного процесса* содержит в себе логические трудности, едва ли устранимые». Однако такое представление, в общем-то, и не нужно, ведь для того, чтобы личность вполне сознательно и осмысленно участвовала в общественно-историческом процессе, достаточно того, чтобы у нее было выработано общее понятие о его направлении, «о той, говоря математически, предельной величине, к которой несомненно и непрерывно приближаются *переменные величины человеческого прогресса*»; при этом философ оптимистично констатировал: «...равнодействующая истории идет от людоедства к человеколюбию, от бесправия к справедливости и от враждебного разобщения частных групп к всеобщей солидарности» [\[9, с. 550-551\]](#).

Мы видим, что христианская персоналистическая историософия как раз и дает идеальное представление о «предельной величине», выражющейся в эсхатологии «Священной истории» как преображение мира, преодоление его греховного состояния,

следовательно, как спасение человека, на что согласно указывали и В. В. Зеньковский, и М. Элиаде. Но ведь можно и не знать о приводимых В. С. Соловьевым весомых логических аргументах, или же не обратить на них внимание, и тогда пытаться усилиями собственного разума определить конечные цели истории – так и возникали все социальные утопии, а некоторые из них находили своих фанатичных поклонников, начинающих изменять мир по сугубо человеческим планам. С. Л. Франк, принципиально отвергавший утопизм как антипод христианского реализма, понимал его как «разновидность ереси, путь искажения истины и мира» [\[10, с. 14\]](#), и остроумно писал об «утопическом своеволии»: «Ересь утопизма можно... ближайшим образом определить как искажение христианской идеи спасения мира через замысел осуществить это спасение принудительной силой закона» [\[11, с. 79\]](#). Философу пришлось пережить суровые испытания, связанные с непосредственным опытом жизни в условиях практической реализации социальных утопий, однако, по верному наблюдению Ф. Буббайера, при всем своем недоверии к социально-утопическим проектам и при отсутствии у него иллюзий относительно состояния мира Франк, во-первых, «снова и снова напоминает о том, насколько важно хранить безоговорочную преданность добру», и, во-вторых, что весьма примечательно, он не теряет убежденности в том, «что перестраивать мир на подлинно христианских основаниях... должны прежде всего миряне» [\[12, с. 236\]](#). Тем самым он, с одной стороны, непримиримо осуждает «утопическое своеволие», с другой же, видит источник благотворных и необходимых для мира перемен не столько в Церкви, сколько, опять же, в носителях разума, склонных к заблуждениям, правда, Франк уточняет при этом, что функция мирян должна быть пророческой, основанной на Божественном откровении.

Знаменательно, что все утопические учения презентируют себя как исключительно человеколюбивые, однако если выпадает исторический шанс для их реализации, заканчивают повсеместным «расчеловечиванием человека». Попробуем разобраться, почему так происходит? Согласимся с В. С. Соловьевым в том, что «равнодействующая» истории, действительно, идет «от людоедства к человеколюбию». Обусловлено ли это сознательным сложением творческих усилий всех личностей, участвующих в историческом процессе, или все же прав был В. В. Зеньковский, настаивавший на стихийности кристаллизации отдельных личностных усилий? Л. А. Тихомиров, также придерживавшийся персоналистских убеждений, писал, что деятельность совокупности приблизительно равносильных людей складывается «как некоторая равнодействующая этого множества составляющих сил», вследствие чего социальная среда неизбежно становится «очень, в среднем, низкой сравнительно с стремлениями лучших ее людей. И это обстоятельство совершенно неизбежное, на веки неизбежное». Вызвано оно тем, что: «В обществе нет единой личности, которая бы сливалась в себе, в качестве отдельных частей, психологические силы всех особей, давая им идеальный порядок соотношений» [\[13, с. 68\]](#). Каким бы талантливым ни был автор очередной утопии, он, вследствие великого многообразия личностных проявлений в обществе, будет всегда выражать лишь интересы определенной группы, но никак не всего человечества, вследствие чего окончательная реализация социальных утопий становится просто невозможной: начальная теория будет обязательно корректироваться практикой социальной жизни, искажаясь при этом и постепенно себя дискредитируя. Значит, действительный источник исторической «равнодействующей», если он, конечно, есть, следует искать не в самой эмпирической действительности, а за ее пределами, в метафизической области – примерно такой логикой, как представляется, и руководствовались представители религиозно-философского персонализма.

Специфика понимания эволюции С. Л. Франком и В. В. Зеньковским

Однако, невзирая на общие идейные корни и мировоззренческие установки персоналистических историософских концепций, их концептуализация происходила различными путями, порождая зачастую непримиримые противоречия, и философско-историческое творчество С. Л. Франка и В. В. Зеньковского становится хорошим показательным примером этого. Расхождения мыслителей начинаются уже в понимании ими сущности эволюционного процесса как такового. По Франку, эволюция «есть не движение по прямой линии в некую, ранее еще не имевшуюся даль, а как бы развертывание в порядке временном того, что в плане вечности уже исконно есть» [\[3, с. 243\]](#). Такое понимание эволюции несколько отличается и от традиционно-христианских богословских воззрений, и от представлений Зеньковского, в которых то, что мы называем эволюцией, есть постепенное осуществление в тварном мире «божественного плана», к нему относящегося (прорицательство) – плана, который есть в мыслях Бога, и в этом, казалось бы, нет противоречия с рассуждениями Франка. Противоречие возникает по поводу, если можно так выразиться, методологии реализации этого плана: у Франка «бессубъектная», не персонифицированная абсолютная реальность «творит сама себя» [\[3, с. 243\]](#), хотя достаточно трудно представить, каким же образом безличностный Абсолют может ставить цели и достигать их. Здесь явно просматривается пантеистическая тенденция, а синергийность творческого процесса, непременно предполагающая сознательное участие человека в претворении божественного плана, или не учитывается вовсе, или, по крайней мере, выносится за скобки, особенно когда речь идет об эволюции природы.

Между тем, для традиционно-христианского мировоззрения свойственна убежденность в том, что человеку даны возможности не только изменять собственное сознание (на что указывает греческий термин «метанойя», недостаточно семантически полно переводимый как покаяние), но и трансформировать свою внутреннюю природу, воздействуя тем самым и на внешнюю природную среду. В. В. Зеньковский, например, по этой причине разводил понятия природы человека и его личности, утверждая, что тип человека проявляется именно в его природе, а не в личности. Происходит это «в силу решительной, уходящей корнями в метафизическую сферу неповторимости, единственности, незаменимости личности, как таковой». Природа человека есть типично эмпирическое его выражение, обусловливающее индивидуальность. Хотя личность и ее природа и не существуют друг без друга, однако и отождествлять их неправомерно; личность свободна в отношении к своей природе, представляя собой внутреннее ядро в человеке, потенциально содержащее возможность изменения его природы (типа). Биологическая наследственность и социальные традиции при этом, разумеется, влияют на тип человека, однако и мы сами «более или менее “делаем” себя – природа меняется, когда личность ищет ее изменения» [\[14, с. 178\]](#).

Следует отметить, что С. Л. Франк совсем не приемлет прочно утвердившегося понимания эволюции как поступательного движения «от низшего к высшему», он обосновывает мысль, в соответствии с которой: «В противоположность логически несостоятельной установке обычного “эволюционизма” надо помнить, что из низшего, как такового, никак не может вытекать высшее и что, следовательно, надо не высшую форму объяснить из низшей, а, напротив, низшее понимать как зачаточное и смутное состояние высшего» [\[15, с. 641\]](#). Это, конечно, не изредка встречающийся в естественнонаучном дискурсе «инволюционизм», переворачивающий «с ног на голову» традиционные эволюционистские представления, скорее, речь здесь идет о применении,

если возможно так сказать, «энтелехизма» к теории эволюции: высшие формы не даны изначально в эмпирической реальности, однако они все же присутствуют как «план» для всех развивающихся предметов в реальности абсолютной. Бессубъектный характер этой реальности не допускает трактовку множества энтелехий в качестве элементов целокупности «мыслей Бога о мире», согласно же В. В. Зеньковскому, жизнь мира следует понимать как «сочетание творческих усилий “снизу” с тем, что руководит этой жизнью свыше. ...достаточно вдуматься в общую картину живого бытия, чтобы почувствовать с неотразимой силой некое направляющее начало в эволюции мира» [\[7, с. 253\]](#). Это направляющее начало у него личностно и активно, причем оно ожидает такой же личностной активности и со стороны людей, вследствие чего эволюция приобретает у философа вполне осмысленный характер, причем не только в абсолютном аспекте, но и с точки зрения человеческой относительности и ограниченности. Если историософия Зеньковского с полным правом может быть охарактеризована как теистический эсхатологизм, то историософия Франка, невзирая на самоотчуждение философа от традиционного понимания эволюционизма, все же может быть обозначена термином «пантеистический эволюционизм», в котором эсхатология также присутствует, но цель не только дана в ней «искони», она, что важно, априори заключаясь во множестве энтелехий, имманентна миру, для описания «развертывания» которого мыслитель предпочитает использовать категорию эманации, «истечения», происходящего в соответствии с априорной и вполне определенной заданностью, внося при этом существенные изменения в традиционную для христианского богословия историософскую последовательность «творение – грехопадение – Боговоплощение/искупление – преображение».

Соборность: социальная категория или атрибут церковной жизни?

Для историософии С. Л. Франка важным является понятие соборности, при этом он решительно «секуляризирует» его: если у А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, как и у большинства русских метафизиков, семантическая связь между соборностью и церковной жизнью в той или иной мере сохраняется, то в случае Франка можно говорить о почти полном «обмирщении» смысла данного понятия. Так, соборность он характеризует как «мы-мировоззрение», представляющее собой «органическое единство человеческого сообщества» [\[16, с. 179-180\]](#). Вместе с тем, философ указывает на то, что подлинная соборность осуществима «только в религиозном жизнепонимании и религиозной воле, так как единство универсализма и индивидуализма, требуемое таким мировоззрением, основано на последних глубинах духовного бытия и на их живом постижении» [\[16, с. 160\]](#). Однако индивидуалистические акценты собственной философской системы не позволяют Франку мыслить возможность осуществления соборного «единства в многообразии» только в Церкви; он настойчиво и во многом справедливо повторяет, что «наиболее адекватное определение христианской веры состоит в том, что она есть религия личности» [\[15, с. 576\]](#), но при этом не придает основополагающего значения Церкви в функционировании этой, по его словам, глубоко персоналистической и антропологической религии. Более того, можно утверждать, что если для В. В. Зеньковского экклесиология является одной из важнейших онтогносеологических, антропологических и историософских тем, то С. Л. Франк ее почти игнорирует, хотя, конечно, и не избегает вовсе, что было бы немыслимо для христианского философа.

Утверждая, что общепринятая терминология, выделяющая такие понятия как церковь «видимая» и «невидимая», довольно смузя, С. Л. Франк предпочитает говорить о

церкви «эмпирически-реальной» и церкви «сущностно-мистической», причем природа первой церкви определяется иными, зачастую противоположными признаками, нежели природа второй: «Она не всеобъемлюща, а ограничена..., она не обладает сущностным, неразделимым и неразрушимым единством..., не свята, а, напротив, как все чисто эмпирически-земное, обременена греховностью» [\[15, с. 699-701\]](#). Это, согласимся, в корне отличается от догматических, святоотеческих и канонических представлений о Церкви, от того понимания, правомерность которого аргументировало множество русских метафизиков. Когда христианин излагает Символ своего исповедания, он, в том числе, говорит и о вере в «едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь» [\[17, с. 6\]](#), под которой имеет в виду не только «сущностно-мистическую» Церковь, но и «эмпирически-реальную», реализующую в мире, погруженном в греховность, идеалы единства и святости. На это указывает В. В. Зеньковский, вводя в свой дискурс понятие «общей исторической проекции Церкви», подразумевая под ней живую и единственную силу, исходящую от мистического организма Церкви, но при этом воплощающуюся в «ткани истории» в качестве определяющего для нее начала, которое можно назвать «духом» той или иной исторической Церкви. Он пишет, что если мы действительно хотим осмыслить действие Церкви в истории, то должны, прежде всего, «уловить самый дух той или иной исторической Церкви, уловить и уяснить те общие исторические начала, которыми и проявилась, в которых воплотилась мистическая полнота Церкви. Мистическое Тело Христово, созидаемое в истории, мистический организм Церкви един и целостен, но исторические формы отдельных Церквей многообразны и несходны прежде всего и больше всего в своем "духе"» [\[18, с. 88\]](#). Соборность как единство в многообразии частных проявлений для Зеньковского – не общее свойство социальных организмов, а неотъемлемый атрибут Церкви, как «невидимой», так и «видимой», это – проявляющаяся в истории ее «кафоличность» (целостность, вселенскость). В утверждении этого тезиса философ весьма категоричен, ведь для него вне исторической Церкви (включая и дохристианскую Церковь) личность совсем не может реализоваться, поскольку: «... личность вне прямой связи с Христом, с Церковью пуста», а в свободе человека заключена некая тайна, «которая разгадывается только через жизнь в Церкви» [\[19, с. 437\]](#). В контексте же размышлений Франка «эмпирически-реальная» церковь предстает лишь как структура, эффективно способствующая восприятию личностью благодати и сохраняющая выработанный веками опыт такого восприятия. Акцент здесь переносится на «личное откровение» Абсолюта человеку, поэтому значение профетической деятельности неимоверно возрастает, становится определяющим в истории человечества. Обращаясь к характерному для традиционного христианства принципу всеобщего священства, согласно которому в литургии священодействуют все ее участники, мыслитель утверждает, что он «включает в себя и принцип всеобщего пророчества», ведь «каждому человеку Бог говорит нечто новое, что еще не было сказано другим»; поэтому душа, живущая одним общепризнанным, «положительным откровением», и «глухая к зову Божию, обращенному к ней лично, была бы уже непокорна Богу, уже не исполняла бы служения, к которому она призвана» [\[15, с. 698\]](#).

Таким образом, у С. Л. Франка соборное единство из неотъемлемой характеристики жизни Церкви превращается в общую категорию социальной философии, обусловливающую «жизненное содержание самой личности. Оно не есть для нее внешняя среда, предметно-воспринимаемая и стоящая в отношении внешнего взаимодействия с личностью. Оно не есть объект отвлеченно-предметного познания и утилитарно-практического отношения, а как бы духовное питание, которым внутренне живет личность, ее богатство, ее личное достояние» [\[20, с. 61\]](#); и если действие

соборности умаляется, то это воспринимается личностью как обеднение ее самой, как некоторое «лишление». Заметим, что такое понимание соборности диктуется онтогносеологическими представлениями философа, в соответствии с которыми: «Бытие есть всеединство, в котором все частное есть и мыслимо именно через свою связь с чем-либо другим – в конечном счете с иным» [21, с. 218]. Личность – лишь часть целостности, и ее необходимо мыслить в онтологической связи со всей абсолютной реальностью. Соборность и есть такая связь, «духовное питание», посредством его восприятия возможно возвышение личности к Абсолюту, приобретение ею знания, которое тоже «по существу соборно, его может иметь только человечество как коллективное целое, и каждый отдельный человек есть соучастник этого коллективного знания» [15, с. 542].

Как справедливо замечает Н. В. Мотрошилова, С. Л. Франк одним из оснований при определении общественного бытия делает тот «факт», что «общество реально и живо, то есть бытийствует лишь потому, что живы, действуют и взаимодействуют отдельные индивиды», однако он при этом решительно отвергает теоретический индивидуализм, опирающийся исключительно на этот факт и пренебрегающий другими аспектами социальной онтологии: «Ибо есть и другой факт: социальная реальность (а создана и оживлена она, конечно, конкретными живыми людьми) бытийствует также и в многочисленных внеиндивидуальных, сверхиндивидуальных формах» [22, с. 366-367]. Поэтому для философа соборность имеет особый смысл, она понимается им как «онтологическая, внутренняя сущность общения людей, не совпадающая с внешней, эмпирической картиной социальной жизни» [22, с. 358].

Согласно С. Л. Франку, соборность укоренена в самой абсолютной реальности, потому она и становится фундаментом общественной жизни; «духовное питание» личности осуществляется, стало быть, не только в Церкви или через Церковь, оно доступно ей как собственное онтологическое основание. Такой взгляд, не характерный для традиционно-христианских представлений, резко отрицался В. В. Зеньковским, непосредственно связывавшим соборность с Церковью и полагавшим, что, развитие «потенциальности соборности» всецело зависит от реализации человеческой свободы: «Соборность, заключенная в Церкви, есть живая полнота множества и конкретное его единство, – все может спастись через Церковь, т.е. найти свое место в вечности. Но это спасение через Церковь невозможно без свободного обращения к ней: нет соборности, если нет свободы..., – но нет и свободы, если мы окончательно отделены друг от друга...» [23, с. 178]. Свобода, писал он, не могла бы возникнуть в порядке эволюции, она является действительным даром Бога, «она непроизводна и безусловна, – но она становится реальной силой в нас лишь в единении с Божеством» [24, с. 279]. С точки зрения Зеньковского, соборность, конечно, актуализируется постепенно в социальной жизни, но лишь в той мере, в какой общество связывает себя с Церковью, точнее, в какой мере оно становится Церковью, воцерковляется.

Эсхатологическая перспектива

Компаративный анализ историософских построений С. Л. Франка и В. В. Зеньковского был бы не полон без проведения сравнения их эсхатологических представлений, ведь эсхатология является центральным элементом философско-исторической системы, концептуализирующим отношение ее автора к историческому целеполаганию, обусловливаемому, прежде всего, тем или иным видением цели – предельной точки природного и социального развития, «эсхатона» (в переводе с греческого – «последней вещи»). Это отношение непосредственно определяет смысловое содержание всех прочих

элементов системы, от него зависят как подбор методов достижения искомой цели, выработка стратегии и тактики направляемого и осознанного социально-исторического развития, так и формирование соответствующей системы ценностей, действительно необходимых человеку и обществу для движения в нужном направлении.

Казалось бы, эсхатологические взгляды С. Л. Франка и В. В. Зеньковского не должны сильно отличаться друг от друга, ведь они были обусловлены общим для мыслителей христианским мировоззрением, однако при детализации этих взглядов обнаруживается сильное влияние на них существенно различающихся онтогносеологических представлений, что предопределило значительные расхождения. Так, в полном согласии с традиционным пониманием «эсхатона», С.Л. Франк пишет: «Христианское сознание справедливо предполагает, что эта конечная победа (добра над злом – Я.Ч.) будет скорее неожиданной и внезапной, следуя за кажущимся поражением Божьих сил в разнудзании сил зла и хаоса». Но далее он уточняет, что такое предположение верно в аспекте временности мира, в плане же «метафизическом эта конечная цель вселенского бытия должна мыслиться сверхвременно сущей, – что на нашем человеческом языке, подчиненном категории времени, выражимо лишь в той форме, что эта победа уже совершилась в метафизических глубинах бытия и лишь должна принести плоды, открыться в плане эмпирическом» [\[3, с. 431-432\]](#). В этом рассуждении еще нет ничего, противоречащего традиции, и, видимо, здесь с Франком согласился бы и Зеньковский, полагавший, что: «В метафизическом изменении мироздания, которое наступило с Боговоплощением, уже есть начало "новой земли"» [\[7, с. 275\]](#). Действительно, для вечности Абсолюта «эсхатон» есть уже свершившееся явление, более того, и эмпирическая природа человечества, согласно христианской доктрине, была преображена уже тем, что была воспринята и впоследствии вознесена к вечности вочеловечившимся Богом, и тем самым для каждого человека был открыт свободный путь к обожению по благодати.

Однако С. Л. Франк, мысля конечную цель бытия сверхвременно сущей, вследствие характерной для философа «имманентизации трансцендентного» представляет ее постепенное осуществление (как мы выяснили ранее, осуществление не в эволюционном смысле, а, если возможно так выразиться, в «энтелехийном») в эмпирическом мире в качестве длительного и трагического творческого процесса, в котором соучаствуют Бог и человек, при этом, согласно его точке зрения, нам можно быть уверенными только в одном – конечная победа добра обеспечена, но как и когда это произойдет, для человечества является неразрешимой загадкой: «В эсхатологической перспективе из дифференцируемого единства Бога с творением перед лицом злодеяний мировой истории можно вывести тревожное следствие: хотя окончательная победа Бога надо всеми противодействующими силами осуществляется лишь "после долгой и тяжкой борьбы, исполненной драматических перипетий", сам Бог-Творец все же идет этим "тяжким, страдальческим путем" вплоть до своего окончательного триумфа» [\[25, с. 206\]](#), соучаствуя мировому бытию в его совершенствовании. Характерно, что Франк негативно относился к буквальному пониманию доктрины о Божьем суде, он предпочитал говорить о том, что: «... человек сам себя судит и осуждает, Бог же озабочен только его спасением. Или, что то же самое, приговор Бога-судьи произносится внутри самой человеческой души через голос его собственной совести, но от этого неумолимого приговора человек может еще апеллировать к Богу милости и спасения, и эта высшая, последняя инстанция отвечает на этот призыв прощением, любовью и спасением» [\[15, с. 581-582\]](#). Тем самым кульминационный момент христианской эсхатологии, Страшный Суд, им вовсе отвергся, более того, сам «эсхатон», согласно Франку, может мыслиться не

осуществившимся вследствие неудачи творчества Бога и перенесенным в другую точку вселенной.

Таким образом, можно утверждать, что в эсхатологии С. Л. Франка речь идет не о прямом участии Бога в преображении мира и достижении конечной цели истории, а только о Его не умаляющем свободу человека соучастии в этом процессе. Человечество, полагает философ, должно вполне самостоятельно, хотя и не без помощи благодати, «дорасти до неба», а это возможно только тогда, когда оно «с самого начала, через глубины духовно-исторической почвы» укоренено в этом небе [\[26, с. 136\]](#). К таким выводам может привести, конечно, только отрицание догмата о первородном грехе человечества и специфическое понимание догмата о сотворении мира, граничащее с его неприятием, на что неоднократно и справедливо с христианской точки зрения указывал В. В. Зеньковский. Для последнего в истории определяющую роль играют не только свобода человека и помощь Бога в форме благодати, но и чудо как непосредственное вмешательство трансцендентного Абсолюта в ход мировых событий; он расширяет понятие благодати, через «токи» которой выражается прямое участие (а не соучастие) Бога в жизни мира, утверждая, что оно «по своей широте обнимает как то благодатное воздействие Бога, которое сообщает миру жизнь, определяет творческую мощь твари, так и те особые, т.е. вне "порядка", установленного от века Господом, действия, которые обнимаются понятием чуда» [\[7, с. 269-270\]](#). Зеньковский, полностью принимая догмат о первородном грехе, рассматривает его в качестве внесенной в тварный мир «трагической дисгармонии», «которая вошла в мир в актах свободы сначала в ангельском, а потом и человеческом мире» и должна быть устранена при конце истории: только тогда «придет иное уже бытие ("новое небо и новая земля")...» [\[7, с. 301\]](#). Без трагического испытания, претерпеваемого миром и человеком, «свобода не была бы свободой» [\[7, с. 302\]](#), и, что важно, преодолеть последствия грехопадения не в силах самого человечества, для этого требуется прямое вмешательство Бога в историю, в которой не только приумножается зло, но и возрастает добро, как отмечается в евангельской притче о Сеятеле и Его жатве.

Заключение

Таким образом, несмотря на наличие у С. Л. Франка и В. В. Зеньковского существенных разногласий по поводу понимания ими проблемы теодицеи, для обоих философов тема преодоления зла в мире является основополагающей для их философско-исторических построений, объединенных духом христианского персонализма. Эсхатологическая перспектива русских метафизиков обусловливается финальной целью, под которой ими понимается спасение человека и преображение мира, однако если Франк процесс достижения этой цели рассматривает в аспекте эволюционного «энтелехизма», предполагающего наличие цели в потенции уже в начале процесса исторического развития, то Зеньковский склонен понимать этот процесс как сочетание творческих усилий «снизу» с руководящей, направляющей силой «свыше».

Важнейшим отличием историософских концепций С. Л. Франка и В. В. Зеньковского является понимание ими роли Церкви в метафизической («Священной») и эмпирической истории. Во-первых, Франк отказывается признавать единство и святость «эмпирически-реальной» церкви, тем самым решительно отделяя ее от церкви «сущностно-мистической»; Зеньковский же прочно связывает историческую и мистическую Церкви, считая первую «общей проекцией» второй. Во-вторых, Франк «секуляризирует» понятие соборности, делая его преимущественно социальным, более того, утверждает об укорененности соборности в самой абсолютной реальности; Зеньковский, напротив,

склонен применять это понятие только в контексте церковной жизни. И, наконец, в-третьих, Франк наделяет историческую церковь, прежде всего, функцией охранения традиций, а ее таинства понимает как эффективное средство получения благодатной помощи от Бога, особо выделяя при этом роль «пророков», основывающуюся на лично получаемых откровениях; Зеньковский же не мыслит пути к спасению человечества вне эмпирической, земной Церкви, нерасторжимо связанной в единство с Церковью Небесной.

При сопоставлении эсхатологических воззрений С. Л. Франка и В. В. Зеньковского выясняется, что первый философ мыслит конечную цель бытия как сверхвременно сущую, энтеохийно осуществляющуюся в эмпирическом мире в длительном и трагическом творческом процессе, в котором соучаствуют Бог и человек, причем перипетии этого процесса мы не знаем, однако можем быть уверенными в одном – в окончательной победе добра над злом; второй же верит в наступление «конца истории» только после парусии, второго пришествия Христа, после непосредственного вмешательства Бога в ход земных событий, в результате которого будет устранена «трагическая дисгармония», внесенная в мир первородным грехом.

Итак, несмотря на очевидные сходства, обусловленные общим христианским мировоззрением философов, в их историософских построениях выявляются существенные расхождения, вызванные различием свойственных им онтогносеологических взглядов. В этом ярко отображается важный принцип построения всякой философской системы, согласно которому все ее части должны быть взаимообусловлены, вместе составляя органическое целое.

Библиография

1. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // Предмет знания. Душа человека. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 633-990.
2. Зеньковский В. В. Учение С. Л. Франка о человеке // Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 1. М.: Русский путь, 2008. С. 185-194.
3. Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // С нами Бог: сборник трудов. М.: АСТ, 2003. С. 133-438.
4. Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х томах. Т. 2. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 544 с.
5. Франк С. Л. Смысл жизни. М.: АСТ, 2004. 157 с.
6. Флоровский Г., прот. Свидетельство Истины. Сборник статей. СПб.: Духовное наследие, 2017. 484 с.
7. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М.: Канон+, 1997. 560 с.
8. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
9. Соловьев В. С. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 822 с.
10. Дорохина Д. М. Политический аспект онтологии С. Л. Франка : автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. 27 с.
11. Франк С.Л. Ересь утопизма // Русское мировоззрение: сборник трудов. СПб.: Наука, 1996. С. 72-86.
12. Буббайер Ф. Сравнительный анализ воззрений Семена Франка и Фрэнка Бухмана // Идейное наследие С.Л. Франка в контексте современной культуры / Под ред. Вл. Поруса. М.: ББИ, 2009. С. 229-247.
13. Тихомиров Л. А. Христианство и политика. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Апир», 1999.

616 с.

14. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. 368 с.
15. Франк С. Л. С нами Бог. Три размышления // С нами Бог: сборник трудов. М.: АСТ, 2003. С. 439-744.
16. Франк С. Л. Русское мировоззрение // Русское мировоззрение: сборник трудов. СПб.: Наука, 1996. С. 161-195.
17. Православный молитвослов и Псалтирь. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. 256 с.
18. Зеньковский В. В. Православие и русская культура // Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. М.: Русский путь, 2008. С. 87-126.
19. Зеньковский В. В. Наша эпоха // Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. М.: Русский путь, 2008. С. 402-449.
20. Франк С. Л. Духовные основы общества: Сочинения. М.: Республика, 1992. 511 с.
21. Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.
22. Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). М.: Республика, Культурная революция, 2007. 477 с.
23. Зеньковский В. В. Свобода и соборность // Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. М.: Русский путь, 2008. С. 161-183.
24. Зеньковский В. В. Об образе Божием в человеке // Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. М.: Русский путь, 2008. С. 262-284.
25. Элен П. Семен Л. Франк: Философ христианского гуманизма. М.: Идея-Пресс, 2012. 304 с.
26. Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Русское мировоззрение: сборник трудов. СПб.: Наука, 1996. С. 119-136.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена творчеству С.Л. Франка и В.В. Зеньковского, но, к сожалению, точнее определить предмет статьи невозможно. Сам автор в явном виде не говорит ни о предмете, ни о задачах исследования, при этом вынесенная в название формулировка «онтогносеологические основания историософских воззрений» является крайне неопределенной. В чём заключаются «онтогносеологические основания», и как именно они влияют на становление «историософских воззрений» мыслителей? Хотя номинально в тексте имеется введение, но оно не выполняет своих функций, автор сразу же выдвигает положение о «влиянии» упомянутых элементов учений российских философов как о чём-то само собой разумеющемся. Следует сказать, что несмотря на наличие подзаголовков рецензируемый материал представляет собой неструктурированный текст, поскольку какого-то сюжета в изложении обнаружить невозможно, и, кажется, ничего не изменится, если произвольно выбранные фрагменты поменять местами. Ещё более существенным недостатком является неопределенность, возникающая в связи с тем, что автор то рассматривает двух мыслителей как единое целое, пытаясь сказать о них нечто как о представителях единой линии мысли, выделяющейся на фоне русской религиозной философии, то вдруг начинает описывать приступающие в их учениях различия. Единственным способом преодоления указанных недостатков является ясная формулировка предмета и задач исследования, только в

в этом случае автор смог бы расположить собранный им материал таким образом, чтобы увидеть естественно складывающуюся сюжетную линию. Но каким должен оказаться сюжет статьи, зависит только от решения самого автора, на основании же представленного материала трудно понять, что именно он стремился сказать (к сожалению, заключение также написано крайне невнятно, трудно понять, какие именно результаты были получены). Возможно, автору следовало бы постараться выделить во введении основные оценки, которые уже давались по затрагиваемым им вопросам другими исследователями, и это помогло бы ему понять, как следует «организовать» собранный им материал. Следует отметить, что автор цитирует довольно много источников (правда, только отечественных и переводных), но делает это «хаотически», читатель на основании приводимых цитат и замечаний не сможет понять, как именно оцениваются изучаемые мыслители в отечественной, тем более, зарубежной литературе. Замечания по стилистике также возникают в процессе прочтения, но они отступают на задний план перед недостатками, касающимися организации, структурности текста. На основании сказанного приходится констатировать, что в представленном виде рецензируемая работа не может быть опубликована в научном журнале, автор собрал значительный материал, но этот материал должен быть основательно продуман, обобщён и структурирован, только в этом случае он может стать научной статьёй. Рекомендую отправить рецензируемый материал на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Сравнительный анализ философско-исторических воззрений С.Л. Франка и В.В. Зеньковского» выступают взгляды на историю, человека и Церковь С. Л. Франка и В. В. Зеньковского. В самом начале статья автор высказывает тезис о том, что на формирование этих взглядов оказали существенное влияние «онтогносеологические представления» философов. Под этим, не совсем удачным термином, автор имеет в виду "особенности интерпретации философами христианских концептов творения и грехопадения".

Методология исследования, используемая в исследовании самим автором, определяется как компаративистская, однако, справедливее было бы назвать ее сравнительно-описательной, поскольку основное внимание в статье уделяется выяснению нюансов христианско-персоналистических установок русских философов, чьи позиции достаточно близки. Автор не использует исторический подход к рассмотрению мировоззренческих позиций Франка и Зеньковского, эволюцию их взглядов или социально-исторический контекст их формирования. Он уверен, что понимание и толкования философских идей названных философов может быть проведено исходя из расхождения «онтогносеологических взглядов», поскольку важнейшим принципом понимания всякой философской системы, является взаимообусловленность ее частей, которые «вместе составляя органическое целое».

Актуальность исследования не очевидна. Автор не поясняет ни свой интерес к теме сравнения историософских построений Франка и Зенковского, ни причины, по которым, сегодняшнему читателю могут быть интересны особенности понимания философами вековой давности вопросов религиозной интерпретации истории.

Научная новизна так же не очевидна, тем более что автор не вписывает свое исследование в опыт изучения философского наследия Франка и Зенковского. Из всего немалого корпуса исследований, посвященных изучению истории русской философии,

русской религиозной философии, философии русского Всеединства, автор упоминает лишь исследование Мотрошиловой Н. В., что очевидно не достаточно.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области истории философии, в нем делается акцент на репродукции взглядов исследуемых персоналий и минимизировано прямое цитирование.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. Строение статьи осуществляется по принципу рондо. Автор начинает с высказывания гипотезы о зависимости понимания истории Франком и Зенковским от «онтогносеологических установок» и этим же заканчивает. Существенного приращения теоретической мысли в тексте статьи нет. Зато есть достаточно подробное разворачивание этого тезиса через сопоставление размышлений философов о спасение человека как «трансисторической» цели истории, трактовки соборность как социальной категории или атрибута церковной жизни, видение эсхатологической перспективы. Источником расхождений философов, автор видит в том, что Франк склоняется больше к индивидуальной трактовке христианства, тогда как Зеньковский придерживается традиционно христианской позиции. При этом, нельзя согласиться с автором статьи утверждающим, что Франк ошибочно трактует зло, как элемент мировой онтологии, а Зеньковский прав, признавая его результатом человеческого грехопадения, поскольку проблема зла не имеет однозначного решения ни догматически, ни теоретически.

Библиография статьи включает 26 наименований работ, главным образом самих анализируемых авторов.

Апелляция к оппонентам в статье отсутствует, что представляется серьезным недостатком.

Возможно, статья будет интересна исследователям творчества Франка и Зеньковского, историкам русской философии.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Чечеткина И.И. — Связь математики и логики в структуре аксиоматизированных и формализованных теорий // Философская мысль. – 2023. – № 12. – С. 109 - 120. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.69100 EDN: ITGSHN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69100

Связь математики и логики в структуре аксиоматизированных и формализованных теорий

Чечеткина Ирина Игоревна

кандидат химических наук

доцент, кафедра философии и истории науки, Казанский национальный исследовательский технологический университет

420097, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Достоевского, 74 А, оф. 1

✉ iralena@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия науки"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.12.69100

EDN:

ITGSHN

Дата направления статьи в редакцию:

24-11-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Целью исследования является изучение связи логики и математики в структуре аксиоматизированных и формализованных научных теориях. Объектом исследования является экспликация этой связи и ее объяснение. Предметом исследования выступают синтаксические и семантические взгляды на структуру научных теорий, связь логики и математики в них детально не изучалась. В синтаксическом взгляде структура теории понимается как лингвистический конструкт, построенный из различных логических предложений теоретического уровня, предложений соответствия и предложений наблюдения. Структура теории не учитывает многообразие модельных представлений теории, порождающих множество языковых конструктов. Семантический взгляд преодолевает этот недостаток, и в нем структура теории представлена как иерархия моделей: от аксиом до моделей теоретического уровня, моделей эксперимента

и моделей данных. Структура теории, связь логики и математики изучались с помощью сравнительного анализа, методов интерпретативного анализа и реконструкции научных теорий. Методы позволили эксплицировать в структуре теории математические понятия и соотнести их с логикой и естественным языком. Сравнительный анализ показал, что в синтаксическом взгляде связь логики и математики заключается в том, что математические понятия физики интерпретируются в языке логики предикатов первого порядка с равенством. Связь между математическими понятиями обеспечивает аксиоматический метод, служащий средством формализации понятий. Математика сводится к логике. В семантическом подходе для выявления связи математики и логики понадобилась реконструкция структуры нерелятивистской квантовой механики. С помощью теоретико-множественного предиката Суппеса были определены ее аксиомы, установлена связь между математическими структурами, постулатами теории, аксиомами, и наблюдаемыми величинами. Логика и математика связаны друг с другом так, что метаматематика или лингвистика есть часть математики. Математика включает в себя теорию множеств и теорию моделей, то есть математическую логику. Проблемной остается связь математических формализмов с явлениями, и с естественным языком, этот недостаток есть и в синтаксическом подходе. Новизна заключается в том, что исследование вносит вклад в методологию и логику науки, в объяснение связи логики и математики в научной теории, что было проиллюстрировано на разных примерах из различных областей физики.

Ключевые слова:

методология науки, синтаксический взгляд, семантический взгляд, математика, логика, аксиоматический метод, формализация, структура теории, теоретико-множественный предикат, модель

Введение: аксиоматический метод, его актуальность, история, и перспективы в естествознании.

Большинство ученых и инженеров, работающих в фундаментальных и прикладных естественных науках, в технологиях, используют в основном неформализованные и неаксиоматизированные математические модели и теории. Под неформализованными моделями и теориями будем понимать такие, которые не связываются с теорией множеств, пространством состояний или теорией моделей.

Таковы, например, эвристические модели в биологии (модель двойной спирали ДНК Уотсона и Крика), знаково-символические модели структурной химии, аналоговые модели в микрофизике (модель строения атома Резерфорда), математические модели и частные теории физико-химических процессов в области кинетики и катализа, термодинамики, описывающих с помощью системы дифференциальных уравнений состояние процесса в любой момент времени, симуляционные модели в компьютерных науках [11]. Все эти модели требуют инсайта и логики построения модели (аналогия, упрощение, использование приближений), поиска математических аналогов естественнонаучного объекта, способов изучения знаковых закономерностей параметров модели. Неформализованные и неаксиоматизированные модели и теории могут быть противоречивыми, описывать одну и ту же реальность с помощью различных представлений (модель строения атома Бора), их противоречивость обнаруживается тогда, когда выявляются их явные противоречивые положения, что приводит к

дальнейшему детальному анализу их математических и логических структур [\[2\]](#).

Для лучшего понимания физической реальности и сути ее законов необходимо прийти к аксиоматизированной и формализованной версии теории. Аксиомы позволяют не только систематизировать теоретическое знание и осуществлять формальную рутинную проверку доказательств, но и прийти к новым законам, лучше понять и установить их связь с физической реальностью. Такова роль аксиом в познании. Аксиоматизация позволяет избавиться от путаницы в происхождении понятий и описания ими явлений, заменить интуитивные или полуэмпирические понятия научной теории на строгие математические, покончить с мысленными экспериментами.

Первоначально физика занималась аксиоматизацией конкретных неформальных теорий, что означало эксплицитное изложение примитивных понятий и аксиом. Примером может служить механика Ньютона, где логика применялась интуитивно и аксиомы имели содержательный характер.

В физике к аксиоматическому методу был близок Ньютон. Он полагал, что из явлений природы можно вывести два – три общих начала и после этого изложить, каким образом действия вещей вытекают из этих начал [\[3\]](#). Хотя Ньютон и называет свои законы движения аксиомами, но они выводятся у него из собственных опытов или опытов Галилея, при этом метода выведения этих законов он не представляет.

Согласно Ньютону, суть науки состоит в установлении причинно-следственных связей, которые выражаются в фундаментальном законе («начале»). Законы (три закона движения и закон гравитации) – это математические формулы, которые он называет аксиомами, из которых выводятся простые следствия, служащих для решения частных задач механики и объяснения феноменологического третьего закона Кеплера.

Однако, развитые в математическом плане теории физики XIX в., такие как термодинамика и электродинамика, требовали логического обоснования своего знания, что означало формализацию физической теории и эксплицитного изложения лежащего в ее основе логического аппарата. Требовалось совершенствование логического аппарата и создание надежных логических языков.

В начале XX в. Гильберт выдвинул проект перестройки оснований классической математики, его внимание было направлено на проблему непротиворечивости математики. Для этого Гильберт предложил решить ее с помощью формализации всех ее теорий и сведения их последовательно к теории множеств. Он хотел создать аксиоматическую систему, которая служила бы фундаментом всех математических теорий. Гильберт осознал, что аксиоматизация требует хорошо разработанных символических формальных систем, с помощью которых можно было бы формализовать математические теории и доказательства. Смысл программы был в том, что можно было пренебречь смысловыми значениями математических выражений, заменяя их на символы или строки алгебраических символов. В итоге математические теории должны были замениться на формальные системы, а доказательства – на последовательности формул [\[4, pp. 464 – 480\]](#). Так математические теории приобретали логическую структуру, и вскоре математика открыла путь редукции к логике (Рассел, Уайтхед, Витгенштейн, логический эмпиризм).

Проект Гильберта был нацелен также на использование формального аксиоматического метода в математическом естествознании, там он должен был стать методом всех теоретических исследований.

Программа Гильберта оказала влияние на построение системы аксиом теории множеств (Цермело, фон Нейман, Френкель) и установления ее непротиворечивости. Для этого потребовалось более глубокое изучение системы аксиом, что повлекло за собой анализ структуры научного высказывания, истинности, выразительности, доказуемости, изучение математических моделей. Вместе с открытием формальных языков и их систем все эти новые представления привели к созданию математической логики [\[5\]](#).

Математическая логика открывала новые перспективы для естествознания. Теории естественных наук представляли как аксиоматически формализованные системы. Вопрос состоял в соотнесении естественного языка теории, на котором описывались эмпирические факты, с их математическими и логическим структурами. Этот вопрос обсуждается в синтаксических и семантических концепциях науки в связи с проблемой реконструкции научных теорий до сих пор.

Синтаксический взгляд: пример из газовой молекулярно-кинетической теории.

Синтаксический взгляд (Венский кружок, логический эмпиризм) на предметную область науки состоит в том, что ее язык, включающий, например, физические понятия и естественный язык, можно с помощью аксиоматического метода выразить как набор предложений в символическом логическом языке для данной предметной области [\[6\]](#). Синтаксическая трактовка естественных наук требовала их формального аксиоматического построения по рецепту Гильберта и сведения математики к символической логике.

Теория представляла собой частично интерпретированную аксиоматизированную систему, ее язык разделялся на теоретический язык, язык соответствия, и язык наблюдения. Теоретические предложения – это, например, законы термодинамики, которые составляются из теоретических понятий (температура, давление, объем), сюда же входит исчисление принятой аксиоматической системы, например, алгебра. Предложения соответствия связывали предложения теории с предложениями наблюдения, последние задавали семантику предложениям теории.

Так, язык молекулярно-кинетической теории для газов включал в себя предложения наблюдения, следовавшие из частного закона Бойля, $PV = \text{const}$. Этот закон был основан на экспериментах с реальным газом, для измерения объема выделившегося газа применялся стеклянный куб с заданными геометрическими характеристиками – длиной, шириной и высотой. Предложения наблюдения фиксировали объем куба, давление и температуру газа, например, давление газа было таким-то, в лаборатории для измерения объема газа применялся стеклянный куб. Эмпирическое содержание понятий объема как геометрической характеристики и давления как силы, давящей на газ, что фиксировалось в предложениях соответствия, которые, в свою очередь, задавали смысл идеальным понятиям давления, температуры и объема в аксиоматизированном уравнении состояния идеального газа $PV = nRT$ [\[7\]](#). Подобные предложения описывал Карнап и считал, что они все описываются логическими терминами [\[8\]](#). Математические понятия в физических законах, а также связь между ними в предложениях выражалась на языке логики предикатов первого порядка с равенством. Аксиомы логики связывались с формализованными предложениями научной теории, и методом дедукции из них выводились частные понятия (следствия) – аналитические суждения, которые затем соотносились с предложениями наблюдения. Математика сводилась к логике.

Таким образом, научная теория понималась как синтаксически сформулированный набор теоретических предложений (аксиом, теорем и законов) вместе с их интерпретацией с помощью соответствующих предложений.

Дальнейший анализ логико-методологических проблем конкретных научных теорий сторонниками семантического подхода (ван Фраасен, Суппес) выявил недостатки синтаксического подхода. Его упрекали за разрыв между теоретическим описанием и эмпирическими высказываниями, ведущий к отождествлению множества теоретических высказываний с множеством эмпирически проверяемых следствий, чем больше аксиом и постулатов вводилось, тем больше требовалось эмпирически проверяемых следствий. Критика велась также за признание только единственного языка формализации и аксиоматизации, которым выступала логика предикатов первого порядка с равенством, а теория, использующая эту логику, объявлялась эталоном научности.

Тем не менее, синтаксический подход имеет непреходящее значение для философии науки, поскольку это была попытка нахождения элементарных основ научного знания, в качестве которых выступили аналитические суждения, и сведения к ним сложных теоретических описаний. В качестве методов анализа научного знания выступали формально-логические методы с использованием символических языков и аксиоматического метода, который с помощью системы аксиом обеспечивал связь между формализованными понятиями и высказываниями теории. Отметим, что интерес к синтаксическому подходу не угасает до сих пор, например, работы Фридмана, где он предпринимает попытку аксиоматизировать специальную теорию относительности [\[9\]](#), или его реконструкция работ Карнапа [\[10\]](#).

Семантический взгляд.

Семантический взгляд (Суппес, ван Фраасен) на реконструкцию структуры научной теории был связан с тем, что в середине XX в. большинство логиков и математиков признали, что существует альтернативный путь аксиоматизации теории – построение теоретико-множественного предиката в отличие от логических эмпиристов, которые использовали символическую алгебру в логике, сохраняя аксиоматическую архитектуру теории в стиле Гильберта.

Предложение Суппеса состояло в том, чтобы применить к эмпирическим наукам теоретико-множественный предикат, представить его как формулу языка теории множеств, специфического в каждой науке. Есть различия в подходах Суппеса и ван Фраасена. Суппес фокусируется на описании математических структур, удовлетворяющих теоретико-множественному предикату, а ван Фраасен сосредотачивается на самих моделях, пытаясь свести к минимуму роль аксиом теории. Оба они согласны в том, что реконструкция структуры теории означает представление ее как класса моделей [\[11, р. 64\]](#).

Понятие модели было заимствовано из логики Тарского, она представляет собой логическую конструкцию, выраженную на языке математики. Модель строится разными способами, в том числе с помощью теоретико-множественного предиката Суппеса.

Суппес считает, что главным инструментом для философии науки является математика, а не метаматематика логических эмпиристов [\[12\]](#). Построение теоретико-множественного предиката означает включение в теорию множеств как всего математического аппарата естественнонаучной теории, так и логики. Допустим, общая теория относительности зависит от геометрии Римана, дифференциального исчисления, тензорного исчисления,

действительных чисел. Все эти теории не нужно теперь ступенчато формализовывать и пошагово аксиоматизировать (так поступали раньше логические эмпиристы), теории задаются теоретико-множественными ресурсами. Пусть U – это математическая структура, которую можно построить из базовых множеств, тогда предикат P состоит из двух частей, первая составляет U из базовых множеств, а вторая представляет собой объединение аксиом математической структуры. Обозначим $A_1, \dots, A_{\|U\|}$ наборами U , тогда мы можем записать предикат P как $P(U; A_1, \dots, A_{\|U\|})$. Все виды структур, соответствующие A , являются предикатом P по своему определению. Окончательно предикат Суппеса записывается в виде формулы $P(x) \leftrightarrow \exists x_1 \exists x_2 \dots \exists x_{\|U\|} P(x_1; x_2, \dots, x_{\|U\|})$ [13, 120 – 126 р.]

Предикат Суппеса и нерелятивистская квантовая механика.

Что же представляет собой структура физической теории, построенной с помощью предиката Суппеса? Постараемся ответить на этот вопрос. В качестве примера можно описать предикат Суппеса для нерелятивистской квантовой механики с использованием теории множеств Цермело – Френкеля (ZF) без аксиомы выбора. Краузе [14] сформулировал теоретико-множественный предикат и выделил пять аксиом для этой области знания. Наша стратегия будет такой: сначала выявим аксиомы, а потом займемся их интерпретацией и покажем, как происходит «перевод» математических структур физики (представлений о Гильбертовом пространстве) на язык неклассической логики, использующей теорию множеств. Дальше выделим этапы построения научной теории.

С точки зрения Краузе, математическая формула для нерелятивистской квантовой механики в теории множеств будет такой:

$$QMNR = \langle S, \{H_i\}, \{A_{ij}\}, \{T_{ik}\} \rangle \quad i \in I, j \in J, k \in K \quad (1)$$

В этой формуле обозначим нерелятивистскую квантовую механику как $QMNR$. S есть множество физических систем, $\{H_i\}$ – совокупность гильбертовых пространств, $\{A_{ij}\}$ – совокупность эрмитовых операторов в пространстве H_i , и $\{T_{ik}\}$ – совокупность унитарных операторов в H_i , $\{T_{ik}\} \subset \{A_{ij}\}$.

Теперь сформулируем аксиомы (1 – 5) для этой формулы:

(1). Для каждой физической системы $s \in S$. Это означает, что гильбертово пространство для данной физической системы связывается с совокупностью гильбертовых пространств: $H_s \in \{H_i\}$. Векторы $|\Psi\rangle$ этого пространства представляют состояния физической системы. Векторы состояний должны быть нормализованы, т.е. умножены на комплексные числа, все нормализованные векторы должны представлять одно и тоже состояние квантово-механической системы. Так, $k|\Psi\rangle$ (для любого комплексного числа k) представляет то же состояние, что и $|\Psi\rangle$. Когда есть система, состоящая из нескольких элементов S , то она связывается с тензорным произведением гильбертовых пространств составляющих элементов системы. Если кардинал подмножества систем равен n (назовем их $s_1, \dots, s_{\|S\|}$), то гильбертово пространство H равно $H = H_{s_1} \otimes \dots \otimes H_{s_{\|S\|}}$. Типичный вектор этого пространства записывается как $|\Psi\rangle = |\Psi_1\rangle \otimes \dots \otimes |\Psi_n\rangle$, или просто $|\Psi\rangle = |\Psi_1\rangle \dots |\Psi_n\rangle$. Последняя формула представляет собой аксиому.

(2). Пусть $|\Psi(t)\rangle$ представляет состояние квантово-механической системы в момент времени t . Для каждого $|\Psi\rangle$ нужно связать унитарный оператор T_s таким образом, чтобы для любого момента времени t выполнялось:

$$|\Psi(t)\rangle = T_s(t).|\Psi(0)\rangle, \text{ где } |\Psi(0)\rangle \quad (2)$$

Это уравнение представляет собой унитарную эволюцию во времени вектора состояния, которое называется уравнением Шредингера, являющимся аксиомой.

(3). Эрмитову оператору A соответствуют скаляры a_i , что записывается с помощью формулы:

$$A|\Psi_i\rangle = a_i |\Psi_i\rangle \quad (3)$$

Формула является аксиомой. Предполагается, что эрмитовы операторы представляют наблюдаемые физические величины, которые могут быть измерены в физической системе в определенном состоянии.

(4). Известно, что любой эрмитов оператор A диагонализуем, что означает, что мы можем найти базис $\{|a_i\rangle\}$ для рассматриваемого гильбертова пространства, образованного инженерными векторами A . Так, для любого состояния $|\Psi_i\rangle$, мы можем написать:

$$|\Psi_i\rangle = \sum c_i |a_i\rangle \quad (4),$$

где $\sum c_i = \langle a_i | \Psi \rangle$ – коэффициенты Фурье. Таким образом, $|c_i|^2 = P_i$ представляет вероятность того, что измерение A получит значение a_i . Этот постулат известен как правило Борна, он также является аксиомой.

(5). Уравнение Дирака (эквивалентное записи уравнению Шредингера) представляет собой аксиому.

Построение нерелятивистской квантовой механики QMN R с помощью предиката Суппеса.

Построение теории с точки зрения семантического взгляда сводится к следующим процедурам:

1 . Формируется математическая структура, в данном случае в качестве формулы нерелятивистской квантовой механики $QMN R$ выступает теоретико-множественный предикат Суппеса, представляющий собой множества физических систем, гильбертовых пространств, эрмитовых и унитарных операторов. Эта математическая формула подлежит дальнейшей аксиоматизации (в логическом смысле).

2. Ищется язык математической структуры, с помощью которого формулируются аксиомы логики, дающие символические представления. Таким языком выступает теория множеств Цермело – Френкеля без аксиомы выбора.

3 . Формулируется пять аксиом. Они представляют собой постулаты нерелятивистской квантовой механики, в данном случае – это математические формулы гильбертова пространства, вектора состояния, его эволюции во времени в записи Шредингера или Дирака, эрмитовых операторов. Теперь математические формулы нужно «перевести» на язык логики теории множеств ZF , например, вектор состояния квантово-механической системы, для описания которого используется математический аппарат гильбертова пространства, в теории множеств записывается в символьной форме как $|\Psi_1\rangle \dots |\Psi_n\rangle$.

4 . Аксиомы логики выступают как описания математических моделей или теоретико-множественного предиката. Отметим, что многие логические понятия имеют интерпретацию не только в математике (формальную), но и в физической теории (содержательную). Так, векторы $|\Psi_i\rangle$ гильбертова пространства обозначают все, что мы знаем о состоянии физической системы (например, квантовые числа электрона), а

эрмитовы операторы связаны с наблюдаемыми величинами.

5 . Математические структуры нерелятивистской квантовой механики (математические представления о гильбертовом пространстве) становятся моделями аксиом, а сама теория становится семейством моделей. Структура теории предстает как иерархия моделей.

Изучение математических структур, которые могут быть моделями (в логическом смысле) научных теорий, можно рассматривать с нескольких точек зрения. Теоретические структуры могут описываться в терминах пространств состояний (Ллойд, ван Фраасен, Вайсберг [\[15\]](#), понимаются как реляционные системы [\[16\]](#), или рассматриваются как теоретико-множественные предикаты (Суппес и Снайд [\[17\]](#). Наиболее общей версией является третья [\[18\]](#).

Семантический подход Суппеса понимает конкретную теорию как класс моделей (теоретико-множественных структур в логике), так, как они даны в некоторой теории множеств, удовлетворяющих аксиомам теории и служащих для идентификации теории.

Структура нерелятивистской квантовой механики QMNR в семантическом взгляде.

Структура теории может рассматриваться как иерархия моделей [\[19\]](#). В ней выделяются в ней различные уровни аксиоматизации: от самых высоких до самых низких – аксиомы, модели теории, затем модели эксперимента и модели данных. Дадим интерпретацию структурным уровням теории:

1. Аксиомы теории. Они определяют структуру научной теории, с одной стороны, связаны с ее постулатами, а с другой определяют теоретико-множественные предикаты и его модели. Выбор аксиомы связан с интуицией, об этом говорит да Коста: интеллектуальное знание всегда требует интуиции, поясняет: у математиков нет четкого «видения» ни трансфинитных кардиналов, ни совокупности действительных чисел, а есть только интуиция системы отношений, которая неявно определяют эти понятия посредством аксиоматических систем [\[20, р. 54\]](#). Дальше он рассуждает в стиле конструктивизма, считая, что эта интуиция имеет конструктивную природу, все формальные представления начинаются с интуиции, но дальше они выходят за пределы интуитивного ядра и начинают усложняться, приводя к построению все более сложных концептов, и тогда нашим «автопилотом» становится аксиоматический метод.

2 . Модели теории. Выявление множества моделей теории связано с математической теорией измерения, устанавливающей способ перехода от качественных эмпирических понятий теории к количественным представлениям. Для этого экспериментальные процедуры необходимо аксиоматизировать с помощью специальных разделов алгебры и выдвинуть математическую модель, включающую в себя множество чисел, отношений и операций. Соответствие модели эксперимента численной модели доказывается с помощью теоремы представления. Получается, что между постулатами теории и ее предметной областью лежит целый класс моделей, который игнорировался сторонниками синтаксического подхода. Доказательство теоремы представления для различных классов моделей связано с построением теоретико-множественного предиката [\[21\]](#).

3 . Модели эксперимента и модели данных. Для постановки целей и задач, анализа эксперимента используется теория планирования эксперимента и ее критерии. Для построения моделей данных используются статистические тесты на соответствие и оценку параметров в контексте теоретических моделей. Существуют сложные соответствия

(гомоморфизм, изоморфизм) между моделями эксперимента и моделями теории, теорией измерения и моделями данных. Это соответствие основано на расширение методологии теоремы представления, которая распространяется на всю структуру научной теории, охватывая модели теории, модели эксперимента и модели данных [\[22\]](#). Однако, самым сложным является соотнесение моделей данных с самой реальностью [\[23\]](#). Поэтому представители семантического подхода, такие, как Ледиман и ван Фраасен [\[24\]](#) считают, что один только семантический подход не может решить эту проблему.

Таким образом, для экспликации структуры нерелятивистской квантовой механики были определены ее аксиомы и интерпретированы с помощью неклассической логики. Выделение этапов построения теории позволило лучше понять связь логики и математики между математическими структурами и аксиомами логики, которая заключается в том, что математические структуры становятся моделями аксиом, а сама теория становится семейством моделей. Математика включает в себя неклассическую логику. Дальнейшее рассмотрение структуры теории как иерархии моделей выявляет связь между аксиомами, постулатами теории, ее моделями, моделями эксперимента, и моделями данных. Всю эту иерархическую структуру связывает методология теоремы представления.

Заключение.

В центре внимания был вопрос о том, как базовые структуры логики и математики участвуют в построении научных теорий и как они соотносятся с естественным языком теории. Для этого был сделан сравнительный анализ между синтаксическим и семантическим подходом в философии науки. В фокусе исследования была также структура научного знания, которая понималась по-разному представителями этих подходов. В синтаксическом взгляде структура теории понималась как лингвистический конструкт, а связь логики и математики была в том, что в теоретический уровень познания входили математические описания теоретических понятий и законов, которые выражались на языке логики предикатов первого порядка с равенством. Связь между математическими и логическими понятиями обеспечивал аксиоматический метод, который выступал как инструмент познания, средство формализации математических структур. Математика «переводилась» на язык символической логики. Математика сводилась к логике. Теоретический язык посредством предложений соответствия связывался с предложениями наблюдения, в качестве которых выступали аналитические суждения S есть P , выражавшихся на естественном языке. Такая структура теории была слишком простой и не учитывала многообразие модельных представлений теории, порождавших множество языковых конструктов.

Этот недостаток пытается преодолеть семантический взгляд. Он выдвигает два подхода для понимания структуры теории: пространство состояний и теорию моделей, последняя была развита с помощью теоретико-множественного предиката Суппеса, который держится в фокусе настоящего исследования для иллюстрации связи логики, математики и естественного языка. Для этой цели была проведена реконструкция нерелятивистской волновой механики и было показано как происходит построение научной теории и была выделена ее структура.

Предикат Суппеса предполагает еще большее использование формальных языков для описания математических структур теории, обычно для формализации математических структур используются ресурсы теории множеств как множеств абстрактных объектов (отношений или функций). Логика и математика связаны друг с другом так, что

метаматематика или лингвистика есть часть математики. Математика включает в себя теорию множеств и теорию моделей, то есть математическую логику. Теоретико-множественный предикат есть единая порождающая математическая система, в которой математические структуры связываются с аксиомами логики. Аксиомы логики играют в познании двоякую роль: во-первых, они выступают как описания математических моделей, а во-вторых, они описывают постулаты теории, в качестве которых используются ее основные законы. Аксиомы выбираются интуитивно, и это дает повод к дальнейшим философским дискуссиям. Как только аксиомы становятся явными, их модели могут быть определены, а они, в свою очередь, могут быть применены к реальным системам, тем самым обеспечивая семантику аксиом. Конкретной системой, удовлетворяющей этим пяти аксиомам, является физическая система нерелятивистской квантовой механики. Структура теории интерпретируется как иерархия моделей. Связь между моделями теории, моделями эксперимента и моделями данных обеспечивает теорема представления. Проблемной остается связь модели с явлениями и выражением их на естественном языке. Этот недостаток есть и в синтаксическом подходе. На наш взгляд, эта проблема в принципе является неразрешимой, поскольку невозможно гибкий и образный естественный язык свести к математическим формализмам и аксиомам.

Библиография

1. Weisberg, M. *Simulation and Similarity: Using Models to Understand the World* (Oxford BStudies in Philosophy of Science). Oxford: Oxford University Press. 2013. 224 p.
2. Tanona, S. (2002) Idealization and formalism in Bohr's approach to quantum theory // *Philosophy of Science*. 2004. Vol. 71. No 5. P. 683–695. DOI <https://doi.org/10.1086/425233>
3. Newton, I. *Opticks, or, a treatise of the reflections, refractions, inflections colours of light*. Alexandria: Library of Alexandria. 2020. 414 p.
4. Hilbert, D. *From Frege to Gödel: A Source Book in the Mathematical Logic*. Harvard: Harvard University Press. 1967. 664 p.
5. Беклемишев, Л. Д. Математика и логика / Л. Д. Беклемишев // Математическая составляющая / под ред. Н. Н. Андреева и [др.]. М.: Математические этюды. 2019. С. 242-261.
6. Hempel, C. *The Theoretician's Dilemma*. Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1958. No 2, P. 37–98.
7. Reichenbach, H. *Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press. 1938. 410 p.
8. Carnap, R. *On Protocol Sentences* // *Nous*. 1987. Vol 21. No 4, P. 457–470.
9. Friedman, M. *Foundations of Space-Time Theories: Relativistic Physics and Philosophy of Science*, Princeton: Princeton University Press. 1983. 385 p.
10. Friedman, M. *Carnap on Theoretical Terms: Structuralism without Metaphysics* // *Synthese*. 2011. No 2. P. 249–263.
11. Van Fraassen, B. *The scientific image*. New York: Oxford University Press. 1980. 235 p.
12. Suppes, P. *What is a Scientific Theory?* In *Philosophy of Science Today*, New York: Basic Books. 1967. P. 55–67.
13. Suppes, P. *Introduction to Logic*. New York: Courier Corporation. 2012. 336 p.
14. Krause, D., Arenhart, J. R. B. *The Logical Foundations of Scientific Theories: Languages, Structures, and Models*, New York and London: Routledge. 2017. 162 p.
15. Van Fraassen, B. *Theory Construction and Experiment: An Empiricist View* // *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 1980. No

2. P. 663–678. DOI: 10.1086.
16. Suppe, F. Understanding Scientific Theories: An Assessment of Developments, 1969–1998 // Philosophy of Science. 2000. Vol. 67. No 3. 115 p.p. DOI 10.1086/392812.
17. Sneed, J. The logical structure of mathematical physics. London: Reidel, 1979, 320 p.p.
18. Da Costa, N., French, S. Science and Partial Truth: A Unitary Approach to Models and Scientific Reasoning. Oxford: Oxford University Press. 2003. 272 p.
19. Giere, R. An Agent-based Conception of Models and Scientific Representation // Synthese. 2010, Vol. 172. No 2. P. 269–281. DOI 10.1007/s11229-009-9506-z
20. Da Costa, N. Ensaio sobre os fundamentos da lógica Editora Hucites: Editora da Universidade de São Paulo, 1980, 255 p.p.
21. Архиреев, Н. Л. Основы теоретико-множественной стратегии формализации и аксиоматизации научного знания // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. Т. 2 , № 12 . С. 26–29.
22. Suppe F. The semantic conception of theories and scientific realism. Chicago: University of Illinois Press. 1989. 475 p.
23. Van Fraassen, B. Scientific Representation: Paradoxes of Perspective. New York: Oxford University Press, 2008. P. 257–258.
24. Ladyman, J., Suárez, M., van Fraassen, B. A Long Journey from Pragmatics to Pragmatics // Metascience. 2011. Vol. 20. No. 3. P. 417–442. DOI: 10.1007/s11016-010-9465-5.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья является исключительно глубоким исследованием проблемы формализации знания, решение которой имеет большое значение для целого ряда научных дисциплин, нуждающихся в достижении строгости в изложении своего содержания. Автор справедливо указывает, что неформализованные модели, используемые в различных науках, не обеспечивают должной ясности и определённости. Дело в том, что между самим содержанием познания и отражающими его схемами в этом случае не устанавливаются однозначные отношения, они «могут быть противоречивыми, описывать одну и ту же реальность с помощью различных представлений», что рано или поздно приводит к обнаружению противоречий между содержанием познания и отражающим его «языком» и, как следствие, к осознанию необходимости их исправления или пересмотра (замены на другие схемы, модели). Поэтому в ходе фиксации и передачи естественнонаучных знаний необходимо стремиться к построению аксиоматизированных и формализованных вариантов отражения содержания научных теорий: «Аксиомы позволяют не только систематизировать теоретическое знание и осуществлять формальную рутинную проверку доказательств, но и прийти к новым законам, лучше понять и установить их связь с физической реальностью. Такова роль аксиом в познании. Аксиоматизация позволяет избавиться от путаницы в происхождении понятий и описания ими явлений, заменить интуитивные или полуэмпирические понятия научной теории на строгие математические, покончить с мысленными экспериментами». (Формализация научных теорий, чём автор не упоминает, помимо повышения степени строгости изложения также экономит время и силу следующих поколений исследователей.) Конечно, невозможно

спорить с тем, что движение по этому пути крайне желательно, но, признаем, автор недостаточно ясно (для широкого читателя, специалистам в области логики и методологии науки это хорошо известно) оттеняет противоположное положение: на ранних этапах познания той или иной специфической предметности достижение подобного идеала вообще невозможно, да и в последующем указанная цель остаётся именно «идеалом», ориентиром, но не требованием, реализация которого рассматривалась бы в качестве условия признания научного характера той или иной совокупности знаний (полученных, например, экспериментальным путём). Естественный язык всегда богаче и сложнее, чем возводимые на его основе формализованные языки, поэтому и формализация остаётся лишь ориентиром в поиске средств выражения результатов познания. Впрочем, и сам автор признаёт, что проблема формализации научного знания «в принципе является неразрешимой, поскольку невозможно гибкий и образный естественный язык свести к математическим формализмам и аксиомам». Более конкретное содержание статьи связано с обсуждением соотношения и достоинств синтаксических и семантических концепций науки. В этой части автор делает, думается, оправданный вывод о преимуществе семантического подхода в философии науки. На взгляд рецензента, в статье нет существенных недостатков теоретического характера, сделанные замечания не умаляют её достоинств. Конечно, в статье по проблеме формализации можно было бы упомянуть соответствующие проекты, высказанные задолго до Гильберта, например, Декартом или Лейбницем. Кроме того, автор почему-то не упоминает о том, что наряду с логицистским («формалистским») обоснованием математики давно (как минимум, с Канта) обсуждаются и альтернативные подходы (конструктивизм, интуиционизм). Тем не менее, повторим, статья обладает несомненными достоинствами, она может привлечь внимание всех читателей, интересующихся проблемой совершенствования формы изложения научного знания. Рекомендую опубликовать рецензируемую статью в научном журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Комиссаров И.И. — Внешние аналогии в социально-философском познании: перспективы и ограничения подхода // Философская мысль. – 2023. – № 12. – С. 121 - 137. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.69193 EDN: IWECVZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69193

Внешние аналогии в социально-философском познании: перспективы и ограничения подхода

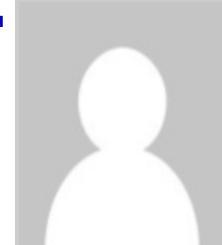
Комиссаров Иван Игоревич

кандидат философских наук

доцент кафедры философии, Российский университет транспорта

127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9 стр. 9

✉ ivekomiss@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.12.69193

EDN:

IWECVZ

Дата направления статьи в редакцию:

01-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются общественные модели, построенные с помощью внешних аналогий. Внешние социальные аналогии предполагают обращение к объекту, который изучается в рамках внешней по отношению к социальному знанию науке (биология, физика, психология и др.). В частности, анализу подвергаются биологические (органические), биомеханические, а также психологические и психоаналитические их разновидности. Биологические аналогии представлены моделями Г. Спенсера и Ю. И. Семенова. Среди биомеханических моделей рассматриваются концепции Т. Гоббса, Ж. О. де Ламетри, Э. Дюркгейма, Н. И. Кареева и А. Фулье. Внешние психологические и психоаналитические аналогии исследуются в работах Г. Тарда, З. Фрейда, Э. Фромма, Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Особое внимание уделяется критическим замечаниям в отношении указанных концепций, что определяет

ограниченность рассматриваемого метода. В работе используется метод классификации существующих социально-философских моделей; критерием выступает тип внешних аналогий, который используется при построении указанных концепций. В результате, после проведения систематизации моделей, построенных с использованием внешних аналогий, были обозначены перспективы и ограничения рассматриваемого метода. А именно, эффективность применения внешних аналогий в социально-философских исследованиях объективно зависит от того, насколько данная «внешняя» наука сама способна справляться с задачей истинного отражения реальности. Другая сторона проблемы находится в злоупотреблении самими аналогиями: конструирование излишней терминологии, умозрительность параллелизмов, неправомерное использование специальных научных терминов, что в итоге приводит к трудностям понимания самой социально-философской концепции. Вместе с тем, обозначены следующие перспективы рассматриваемого метода: появление нового научного знания или революция в рамках существующей науки может привести к использованию их достижений или объектов в качестве источников внешних аналогий для построения новой социально-философской модели общества. Кроме того, существующие внешние социальные аналогии могут быть использованы повторно и в других областях знания.

Ключевые слова:

внешние аналогии, общественная модель, социальный организм, человек-растение, механическая солидарность, органическая солидарность, социальный психоанализ, здоровое общество, шизоидное самоотчуждение, шизофренигенное общественное производство

Введение

В работе основное внимание уделяется моделям общества, при построении которых их авторами были задействованы внешние аналогии. Под последними понимаются такие аналогии, которые проводятся между объектами изучения социальной философии (прежде всего, общества) и объектами, которые исследуются в других («внешних») науках, не имеющих прямого отношения к обществознанию. Настоящая работа также является логическим продолжением предшествующей [1] и представляет собой основу для последующей диссертации. Общим связующим звеном для двух публикаций выступает классификация общественных моделей, построенных с помощью внешних и внутренних аналогий. В рамках текущего исследования будет сделан акцент на таких аналогиях, которым не было уделено внимание в предыдущей работе – это внешние биологические (органические), биомеханические, психологические и психоаналитические их разновидности. Именно они помогут нам выявить критические аспекты в задействовании мышления по аналогии при создании различных моделей общества.

Ранее мы уже обращали внимание на аналогию как на тип умозаключения, который по определению носит вероятностный характер [1]. Если между разными объектами (или группами объектов) установить подобие касательно каких-либо общих свойств, параметров, отношений, то вовсе необязательно эти объекты будут подобны в отношении других свойств, параметров, отношений. Однако, на основании исследований, посвященных внешним аналогиям, нетрудно убедиться, что они повсеместно используются в социальной философии, в том числе современной [2, 3]. Например, Юрий

Иванович Семенов в своих работах опирается на понятие социально-исторического организма, также используя производные от него и иные термины, отсылающие к биологии [4, 5]. Вместе с тем, еще немецким социологом Максом Вебером были высказаны опасения в отношении применения органических понятий в социальных науках: их значение может быть сильно преувеличено, что в итоге может навредить самому проводимому исследованию [6, с. 14-15]. Сверх того, может возникнуть угроза редукционизма – полного сведения всего многообразия социальной реальности к проявлениям физического, биологического мира, вследствие чего обществознание утрачивает свою специфику и оказывается не нужным [2, с. 76]. В рамках текущей работы нам хотелось бы как раз более подробно осветить именно критическую сторону вопроса, определив ряд объективных ограничений рассматриваемого метода, и в то же время наметить возможные перспективы использования внешних аналогий в будущих исследованиях.

Биологические (органические) аналогии

Биология является одним из крупнейших источников внешних аналогий для построения общественных моделей. Идея, согласно которой общество обладает структурой сходной со строением живого существа, существовала на протяжении столетий, по меньшей мере еще со времен Древней Греции. Впоследствии она вновь обрела популярность в XIX веке вместе с развитием биологической науки. В частности, французский позитивист Огюст Конт одним из первых ввел в употребление понятие «социальный организм» («*l'organisme social*») [7], однако дальше этой аналогии не пошел: для него было важным лишь отметить, что общество обладает такой же целостностью, какая наблюдается у представителей биологических видов [5, с. 60]. Кроме того, имя Канта тесно связывается со становлением социологии – эмпирической науки об обществе. В его представлениях о том, каким должна быть эта молодая наука, четко прослеживается идея, согласно которой эмпирические естественные науки должны выступать образцом для социально-гуманитарного знания. Не случайно Конт сначала именовал социологию как «социальную физику», которая подразделялась на «социальную статику» и «социальную динамику» [7].

В свою очередь, Герберт Спенсер, выдающийся английский ученый-энциклопедист и социальный философ, осуществил подробное сопоставление между развитием общественного организма и эволюцией биологических видов. Он разработал всеохватывающее учение об эволюции (эволюционизм), которая охватывает не только мир живой природы, но и неживую материю, а также человека и общество. Можно сказать, что Спенсер осуществил экспансию биологии в другие исследовательские сферы подобно тому, как ранее механицисты стремились объяснить любые явления с помощью механики.

Итак, в своем очерке «Социальный организм» [8] Спенсер начинает общественную эволюцию с аналогии между несколькими стоящими на ранней стадии социально-экономического развития семьями охотников-собирателей (например, бушменов) и клеточными формами жизни: составляющие оба типа образования могут существовать отдельно друг от друга или объединяться в группы, в которых отсутствует какая-либо серьезная организация или субординация между частями [8, с. 277-279].

Следующая стадия общественной эволюции предполагает более крупное объединение людей с уже продвинутой социальной организацией, при которой различаются два

общественных слоя: управляющие, включенные в совет вождей, и управляемые – остальные члены общества, охотники и воины. Такому обществу Спенсер находит аналогию с маленьким беспозвоночным кишечнополостным животным – гидрой, которая развивается из двух зародышевых листков – внешней эктодермы и внутренней энтодермы. Как можно заметить, этим двум зародышевым листкам соответствуют два отмеченных социальных слоя управляющих и управляемых: физиологическое разделение труда параллельно общественному. Однако эта дифференциация настолько несущественна, что подобно тому, как гидру можно вывернуть наизнанку без негативных последствий для организма (внешний слой станет внутренним, и наоборот), так и совет вождей может быть низвергнут и заменен другими лицами из числа простых охотников и воинов.

Кроме того, гидры, как и племена с примитивной организацией, размножаются почкованием: возникают точные копии, которые после отделения от родительского общественного или биологического организма могут вести независимое существование. Но, может быть реализован и иной сценарий: другие гидроидные (класс беспозвоночных животных, куда помимо одиночных гидр входят колониальные организмы, чей жизненный цикл включает медузу и полип) формируют колонии, которые составляются из многочисленных копий исходного, родительского организма. Аналогичным образом племена, не способные переселиться на отдаленную незанятую местность, остаются на территории, прилегающей к «родительскому» племени, в результате чего формируется более крупное социальное объединение: союз племен объединяется в нацию [\[8, с. 279–285\]](#).

Дальнейшая эволюция общественного организма связывается с развитием позвоночных животных из зародыша, обладающим тремя зародышевыми листками (с добавлением мезодермы, или среднего слоя клеток, к уже упомянутым выше двум). Энтодерма, из которой формируются пищеварительная и дыхательная системы, соответствует социальный класс, ответственный за производство материальных благ и занятый, преимущественно, в сельском хозяйстве. Кровеносная система, которая развивается из мезодермы, аналогична среднему классу, занятому в сфере товарного обмена и способствующему распределению товаров между различными частями социального организма [\[8, с. 284–286\]](#). Спенсер был настолько скрупулезен в подборе аналогий, что даже денежной массе указал на соответствие с красными кровяными тельцами (эритроцитами), участвующими в обмене веществ [\[8, с. 293\]](#). Наконец, эктодерма, из которой формируются кожный покров и нервная система, уподобляется армии, которая защищает социальный организм от внешнего мира, внешней агрессии, и государственному аппарату, который управляет, координирует все общество. В ходе эволюционного развития разделение труда углубляется как в общественном, так и в биологическом тела: возникают сложные системы органов, которые продолжают прогрессивное изменение. Как современник и подданный королевы Виктории, Спенсер считал наиболее продвинутым общественным организмом Великобританию – государство, выработавшее особый орган государственной власти, Парламент Соединенного Королевства, которому соответствует головной мозг, наделенный сознанием (функцией представления) [\[8, с. 303–305\]](#).

Модель социального организма была очень интересной и влиятельной идеей, которая завоевала интеллектуальный мир Европы XIX века, включая, помимо Англии, также и Францию [\[9\]](#), Германию [\[10\]](#), Россию [\[11\]](#). Заметный отпечаток она оставила на цивилизационном подходе к обществу (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер и др.), в рамках

которого использование биологических аналогий носит уже более общий, метафорический характер, а исследователи уже не имеют цели проводить детальное сравнение между обществом и живыми существами, как это в свое время делал Спенсер [2, с. 70–71].

Стоит заметить, что уподобление общества организму актуально и в современной социально-философской мысли: в пример можно привести концепцию социально-исторических организмов (сокращенно – социоров) Юрия Ивановича Семенова в рамках его глобально-стадиального подхода. Под социором понимается какое-либо отдельное, относительно самостоятельное общество, которое однажды появляется на свет, проходит сквозь этапы своего исторического развития и имеет возможность навсегда исчезнуть со страниц мировой истории. Социально-исторические организмы относительно способа проведения границ между ними подразделяются на два типа: демосоциальные организмы (демосоциоры) – более ранние типы обществ, границы которых привязаны к людскому составу, и геосоциальные организмы (геосоциоры): их границы определяются занимаемой территорией. Социоры также могут образовывать целую систему социоисторических организмов (или социорную систему), под которой могут пониматься: крупные объединения цивилизационного типа (общество Западной Европы, общество Латинской Америки); «гнездовые системы», или политически раздробленные, но с точки зрения языка и культуры единые общества (шумерские города-государства, удельные княжества на Руси); «ультрасоциоры» – общества типа колониальных империй, состоявших из господствующего социора-метрополии, или «нуклеосоциора», и зависимых от него, вассальных социоров, или «инфрасоциоров» (Британская империя) [4, с. 21–35].

Как можно заметить, Семенов использует много неологизмов, на что также обращают внимание критики его концепции, называя такое изобретение терминов излишним и затрудняющим ее понимание. В частности, А.В. Самохин утверждает, что понятие социально-исторического организма по сути равнозначно этносу [12], а А.Н. Тарасов говорит о «демосоциорах» и «геосоциорах» как о терминах, которые неоправданно замещают: в первом случае привычные нам племена и союзы племен, которые и так изначально понимаются как не привязанные к территории этнические группы людей, а во втором случае – страны, государства, которые, напротив, имеют такую привязку [13].

Биомеханические аналогии: синтез живого и неживого

Может показаться на первый взгляд, что биологические и механические модели общества не совместимы, однако интеграция двух идей имела место в действительности, более того, возможно привести различные точки зрения на этот счет. Так, синтез органических и механических аналогий прослеживается еще у Томаса Гоббса. В знаменитом «Левиафане» мы обнаруживаем аналогии, которые проводились между государством и искусственным механическим человеком, то есть самим Левиафаном. Это рукотворное, искусственное человекообразное существо обладает верховной властью (или суверенитетом) в качестве искусственной души, придающей движение всему политическому телу, в котором должностные лица судебной и исполнительной власти являются искусственными суставами, их поощрение и наказание представляют собой нервы, благосостояние и богатство общества есть его физическая сила, советники – это память и т. д. Комбинированная модель Гоббса в реальности основывается на механистической картине мира, в которой органические тела являются такими же механизмами, как и любые другие механические изделия. Как следствие, роль механических аналогий у него доминирует над значением биологических

параллелизмов. Государство является искусственным продуктом сознательной деятельности человека, который таким образом имитирует сам себя как творение Бога. В свою очередь, Бог находится к природе в том же отношении, в каком часовщик находится по отношению к механическим часам [\[14, с. ix-x\]](#).

Другой интересный пример использования биологических аналогий под «покровительством» механистической картины мира представляет собой описание Ламетри человека в качестве растения [\[15\]](#). Согласно французскому материалисту, корневая система растений соответствует желудочно-кишечному тракту, листья исполняют ту же функцию, что и легкие, оба организма обладают разветвленной системой сосудов, репродуктивными органами и т. д. Однако, как и в случае Гоббса, представления Ламетри о растительном и животном организмах основываются на чисто механистическом подходе, в рамках которого все живые существа рассматриваются в качестве более или менее сложных машин. Таким образом, перед нами фактически еще одна манифестация механической модели, чем попытка представить в корне отличную точку зрения. В защиту механицизма (каким бы он ни был устаревшим с точки зрения современности) можно добавить, что данная идея все же представляет определенную оригинальность, поскольку общество и человек, который и так является представителем живой природы, здесь моделируются по аналогии с объектами иного, чуждого, неорганического мира.

Французский социолог Эмиль Дюркгейм широко известен благодаря определению механического и органического типов солидарности, которые характеризуют примитивные первобытные и продвинутые цивилизованные общества соответственно [\[16\]](#). Механическая солидарность относится к обществу, образованному из однородных социальных молекул, наделенных общим коллективным сознанием, которое подавляет индивидуальность каждого его элемента. Эта центростремительная сила, связующая людей между собой, иллюстрируется по аналогии с когезией [\[16, с. 101–102\]](#), под которой понимается «сцепление молекул внутри материала под действием сил притяжения» [\[17, с. 14\]](#). Как можно заметить, механическая связь Дюркгейма отсылает не к искусственному механизму, а к однородному химическому соединению, что вынуждает нас классифицировать его модель первобытных обществ как элементарную (химическую). Первобытное общество здесь уподобляется капле воды, которая сформирована под воздействием упомянутой когезии. Обозначение французским социологом такой солидарности как механической представляет собой дань традиции, ведущей к механицизму Нового времени; и под таким обозначением уже фактически скрываются понятия «неорганический», «неживой», «искусственный», а не «свойственный какому-либо механизму».

В противоположность сказанному, органическая солидарность, которая отсылает к взаимосвязанности органов внутри биологических тел, основывается на общественной взаимозависимости, возникающей вследствие общественного разделения труда. Общество органической солидарности состоит из индивидуализированных личностей, личные интересы (эго) которых подобно центробежной силе толкают их прочь от коллектива, общественного сознания. В то же время такое разобщенное общество не распадается, поскольку его части точно так же, как отдельные органы, выполняющие специализированные функции, не способны существовать самостоятельно, становясь не менее зависимыми друг по отношению к другу, чем люди, находившиеся под давлением искусственной, механической солидарности [\[16, с. 101–102, 150\]](#).

Можно сказать, что Дюркгейм в рамках своей модели примиряет не только неорганический и органический подходы к обществу, но и представления об однородности или разнородности, входящих в общество элементов, что, например, было по отдельности выражено в общественных моделях Кетле и Кэри соответственно [11]. Идеи французского социолога более продвинуты, поскольку включают представление об общественной эволюции [16, с. 119, 132], предполагающей прогрессивное движение от однородного общества механической солидарности, в котором люди едва различимы в отношении трудовой деятельности, к экономически разнородному обществу, целостность которого держится на органической связи. Однако Дюркгейм, конечно, не был первым, кто предложил эволюционную модель: его предшественник Спенсер также описывал эволюционное развитие общества, только делал это с помощью чисто биологических аналогий. Как мы могли заметить, у английского эволюциониста общество движется от однородных «клеточных» форм к гетерогенной структуре с развитыми системами органов, возникшей вследствие «физиологического разделения труда».

В социальной философии существует иной подход к объединению представлений об «общественном механизме» и «общественном организме». В частности, наш соотечественник Николай Иванович Кареев описывал общество в комбинированном образе, который одновременно имеет черты как механизма, так и организма. Как и машина, общество не имеет цели в себе, а служит другим людям, которые, однако, находятся не снаружи, а внутри этой общественной машины, как клеточки в организме. В то же время люди, как частички общества, в противоположность тому, как плотно органические клетки прилегают друг к другу внутри органа, не сливаются в целое, что подобно природным «механизмам» (как планеты в Солнечной системе). Вместе с тем люди – это живые существа, обладающие сознанием и волей, а не объекты неживой природы. Кареев заключает, что общество – это сущность, которая гораздо сложнее, чем просто организм или чем просто механизм, поэтому заслуживает такого обозначения как «продукт над-механического и над-органического развития» [18, с. 276-277].

Кареев также поддерживает идею общественной эволюции, которая движется в сторону установления «критического общества» – главной цели общественного развития. Критические общества способны ставить под сомнение свой образ жизни, оставляя в стороне отжившие идеалы и естественные предрассудки, которые могут замедлять или препятствовать общественному развитию, что обнаруживается в архаичных, первобытных (или, как выразился Кареев, чисто механических или чисто органических) формах социального устройства. Таким образом, общественная эволюция связывается у Кареева с движением от естественного биологического организма (или механизма) к обществу, становящемуся все более и более искусственным продуктом сознательной человеческой деятельности или своего рода произведением искусства [18, с. 277, 337, 350, 365].

В завершении обзора биомеханических моделей общества укажем также и на сходный с Кареевым подход, который поддерживал французский мыслитель Альфред Фульье [19]. Его описание обществ людей также одновременно объединяет две, казалось бы, противоположных и несовместимых концепции: модель естественного организма и модель добровольного общественного договора (последняя отсылает к механистической модели Гоббса). Цель общественной эволюции, согласно Фульье, состоит в превращении социума в «договорный организм», который одновременно аккумулирует как естественные, так и искусственные черты [19, с. 394].

Психологические и психоаналитические аналогии

Заключая классификацию общественных моделей, построенных с помощью внешних аналогий, обратим внимание на социально-психологические и психоаналитические теории, которые снабжают социальную философию множеством как содержательных и многозначительных, так и двусмысленных интерпретаций.

Французский социолог Габриэль Тард в своей «Социальной логике» обозначил переход от биологии к психологии в отношении источника заимствования внешних общественных аналогий. Согласно социальному мыслителю, общество представляет собой не организм, а исключительно один специфический его орган – мозг: отдельные индивиды подобно нервным клеткам составляют коллективный мозг социума [\[20, с. 156\]](#). Общественная душа имеет две отличительные черты: способность к религиозной мысли, которая со временем должна эволюционировать в науку, и способность к политической деятельности, которая налагает права и обязанности на людей и заставляет их подчиняться закону независимо от их мнения о нем. Обе социальные активности, согласно Тарду, находят соответствие в способностях человеческой психики к суждению (ум) и воле (желание) [\[20, с. 112–117\]](#).

Далее, французский социолог проводил более развернутые параллелизмы: индивидуальную душу характеризуют логические пары категорий: Материя-Сила и Пространство-Время, Удовольствие и Страдание, тогда как социальную душу – Божество и Язык, Добро и Зло. Причем первые пары категорий (от индивида и общества) раскрывают способности к суждению и религии, вторые пары – способности к воле (желанию) и политике [\[20, с. 117–118\]](#). Глядя на эти аналогии, трудно отделаться от мысли, что они, по меньшей мере, спорны, поскольку представления о добре и зле пронизывают любую религию, которая, в свою очередь, на протяжении всей человеческой истории играла важную роль в регулировании общественных отношений, устанавливая нормы поведения (в форме всевозможных правил, табу, обычаев, традиций, запретов и др.), нередко при этом тесно переплетаясь с политикой.

Что касается Зигмунда Фрейда, основатель психоанализа сконцентрировался на параллелизме между структурой и развитием психики отдельного человека, с одной стороны, и устройством, происхождением, развитием цивилизованного общества, с другой. Фрейд разработал структурную модель психики, включающую «Оно», «Я» и «Сверх-Я» (или «Ид», «Эго» и «Супер-Эго»). Предшествуя двум другим частям личности, структура Оно имеется у каждого человека с рождения, содержит инстинктивные влечения к жизни и смерти и действует согласно принципу удовольствия. Однако, в ходе взаимодействия, конфронтации с окружающим миром ребенок для того, чтобы выжить, вынужден научиться управлять своими влечениями, вследствие чего развивается структура Я, которая действует в соответствии с принципом реальности и является посредником между природными инстинктами Оно и необходимостью выживания в окружающем мире. Наконец, последней формируется структура Сверх-Я, которая аккумулирует воспринятые извне родительские, социокультурные установки о том, что такое хорошо и плохо. Сверх-Я способно наказывать Я чувством вины за неподобающее поведение, таким образом формируя еще один источник, с которым Я вынуждено справляться. Если Я не в состоянии противостоять давлению, которое оказывают на него две указанные выше структуры личности, а также внешний мир, то возникают психические расстройства, неврозы, из-за которых может произойти серьезное искажение восприятия реальности у человека [\[21\]](#).

Аналогичным образом, примитивные, нецивилизованные группы людей (Фрейд также

дает им обозначение «первобытная орда» [\[22, с. 164\]](#)) на заре зарождения человеческой культуры находились под сильным влиянием Эроса и Танатоса, терзаясь либидинозными и агрессивными влечениями. Однако, из-за необходимости выживания во внешнем агрессивном мире они вынуждены ограничивать эти инстинкты, в результате чего вводятся многочисленные законы, религиозные обычаи и табу. Первые запреты – на инцест и на убийство тотемного животного – появляются после преодоления постулируемого Фрейдом эдипова комплекса (понятие, которое относится к индивидуальному психическому развитию), возникшего у группы братьев и вызвавшего у них сильное чувство вины после того, как те убили своего жесткого репрессивного отца [\[22, с. 164-167\]](#). «Можно утверждать, что у общества также развивается Сверх-Я, под влиянием которого происходит культурное развитие» [\[23, с. 88\]](#). Данная структура базируется также и на впечатлениях, оставленных великими лидерами, которые впоследствии возводятся в ранг общественного идеала, которому всем следует подражать.

Переход от детства в зрелый возраст для личности связывается с травмирующими событиями, наиболее интенсивные из которых могут приводить к острым невротическим расстройствам. Взрослея, человечество тоже испытывает подобные психические боли роста: согласно Фрейду, «религия сравнима с детским неврозом» и «человечество преодолеет эту невротическую стадию так же, как многие дети перерастают свои подобные неврозы» [\[24, с. 53\]](#). Однако, ограничения, связанные с законами, обычаями и традициями, недостижимые общественные идеалы и подобные неврозам религиозные иллюзии налагают столь тяжкое бремя на общество, что в нем люди становятся все более невротичными и неудовлетворенными. Фрейд считал, что такое общество нуждается в серьезной социально-аналитической терапии, а эти и другие общественные патологии еще требуют более тщательного изучения [\[23, с. 91\]](#).

Можно сказать, что американский социальный психолог немецкого происхождения Эрих Фромм реализовал пожелания Фрейда, опубликовав работу «Здоровое общество» [\[25\]](#). Как и человека, которого можно описывать в психологических терминах психического здоровья, вменяемой или невменяемой личности, общество как целое так же можно охарактеризовать с точки зрения его ментального здоровья и зрелости или нездоровья и инфантильности. Согласно Фромму, здоровое общество развивает творческий труд, любовь к ближнему, критическое мышление, чувство собственного достоинства. Напротив, нездоровое общество повторяет взаимной враждебности, недоверию, превращает человека в автомат, лишенный чувства собственного достоинства и служащий инструментом эксплуатации в руках других людей [\[25, с. 70\]](#).

Кроме того, каждое общество обладает определенным социальным характером, в соответствии с которым человеческая энергия аккумулируется и направляется для поддержания жизнедеятельности всего целого [\[25, с. 76-77\]](#). Современное Фромму западное общество (50-е гг. XX века) диагностируется им как преимущественно патологическое и страдающее психическими расстройствами. Социальный психоаналитик конкретизирует диагноз, проводя аналогии между общественной эволюцией и психическим развитием личности: общественная патология Западной цивилизации приобретает форму шизоидного самоотчуждения, которое проявляется в регрессировании к более ранним стадиям человеческой истории. Деградировавшее общество сродни взрослому, который ведет себя как ребенок и как таковой признан страдающим тяжелым психическим заболеванием, вероятно, шизофренией [\[25, с. 38-39\]](#).

[68–69, 210, 352](#). Фромм не только ставит диагноз, но и намечает курс лечения описываемого социального недуга, включающий те же действия, которые должен выполнить пациент для исцеления от индивидуальных невротических расстройств. Это принятие страдания, которое говорит о психической дезинтеграции личности и вызывается конфликтом с подлинной человеческой природой; осознание того, какие именно части личности были вытеснены и подавлены; совершение упорных действий, направленных на изменение мировоззрения, системы ценностей и текущего положения с целью преодоления страдания, реинтеграции вытесненных частей и обретения в итоге целостной психически здоровой личности [\[25, с. 266–267\]](#).

Французский философ Жиль Делез и французский психоаналитик Феликс Гваттари продолжили психоаналитические исследования социальных патологий. Их совместный двухтомник с говорящим названием «Капитализм и шизофрения» [\[26, 27\]](#) изобилует различными внешними аналогиями, не только связанными с психологией: по меньшей мере, можно различить понятийные заимствования из биологии, физики, математики и, без сомнения, из психоанализа. Здесь следует заметить, что постмодернистский подход к слиянию терминологии от различных областей знания широко критикуется. Например, ученые-физики Аллан Сокал и Жан Брикмон [\[28\]](#) утверждают, что упомянутые французские мыслители в своих различных работах используют терминологию, взятую, например, из теоремы Геделя, теории Кантора о трансфинитных числах, геометрии Римана, квантовой механики и др., однако это скорее говорит о поверхностной эрудиции авторов, чем об их последовательном мультидисциплинарном подходе, а для специалиста их высказывания кажутся либо бессмысленными двусмысленностями, либо банальными утверждениями [\[28, с. 154–168\]](#).

Тем не менее, если мы попытаемся деконструировать более-менее понятную модель общества, очерченную в «Капитализме и шизофрении», то в первую очередь должны отметить, что, согласно французским мыслителям, капиталистическое общество является полностью шизофреническим: «шизофрения пронизывает все капиталистическое поле, от одного конца к другому» [\[26, с. 246\]](#). Люди и, по всей видимости, все формы жизни, которые составляют это психически больное общество, описываются понятиями «производящая машина», «желающая машина», «шизофреническая машина» [\[26, с. 2\]](#). Общество «шизофреногенного общественного производства» вынуждает семью осуществлять трансформацию социального отчуждения в психическое [\[26, с. 360–361\]](#), тогда как денежные потоки, проходящие сквозь это капиталистическое общественное бытие, являются «совершенно шизофреническими реальностями» [\[26, с. 246\]](#).

Совместная работа Делеза и Гваттари напоминает «плавильный котел», где едва совместимые аналогии переплетаются в дискурс-ризому [\[27, с. 3–25\]](#), которому, по нашему мнению, можно подобрать внешнюю психологическую аналогию с шизофазией (расстройство речи, при котором наблюдается правильное построение бессмысленных по содержанию фраз). Возвращаясь к вопросу о том, что такое общество (или «*socius*» в особой терминологии авторов), мы встречаемся с уже знакомыми понятиями общественного организма [\[26, с. 342\]](#), равно как общественной машины [\[26, с. 32–33\]](#); кроме того, этот «*socius*» страдает от шизофреногенных социальных механизмов [\[26, с. 360\]](#) и принужден капиталистической машиной стать телом без органов [\[26, с. 33\]](#). Не только объекты социальной философии и истории подверглись шизофренизации [\[26, с. 53\]](#), но также некоторые области естественных наук: «молекулярная биология сама

шизофренична – как и микрофизика» [\[26, с. 289\]](#).

Хотя Фромм и французские интеллектуалы в отношении ясности изложения обладают заметно отличающимися стилями, они тем не менее имеют ряд общих социально-философских идей. Речь идет об отчуждении и роботизации членов общества, равно как и о тотальной общественной шизофренизации, которая предполагает аналогию между нездоровым капиталистическим обществом и человеком больным шизофренией. Однако следует признать, что Фромм был более сдержаным в своей критике и надеялся на исцеление от социальной шизофрении, тотальной роботизации [\[25, с. 353–355\]](#), тогда как Делез и Гваттари постулировали шизофренизацию, машинизацию людей и общества как свершившийся, неотвратимый факт: «Везде – машины, состоящие из машин для приема пищи, говорящих машин, дыхательных машин, многочисленных машин-органов наподобие машины по производству молока, которая показывает, чем в действительности является женская грудь» [\[26, с. 1\]](#).

Заключение

Наконец, мы можем закончить обзор социально-философских моделей, построенных с задействованием мышления по аналогии. На основании двух работ была проведена систематизация аналоговых моделей, большая часть которых была представлена концепциями, где ведущую роль играли внешние аналогии: нами были отмечены механистические, элементарные (химические), геологические, биологические, биомеханические, психологические и психоаналитические аналогии. В предыдущей статье также были рассмотрены модели, построенные на основе внутренних аналогий [\[1\]](#). Как можно заметить, использование различных сопоставлений и параллелизмов широко распространено в области социальной философии: скорее, будет непросто найти общественную модель, которая была бы полностью лишена хоть каких-то аналогий. Тем не менее, на основании обзора концепций, рассмотренных в данной статье, нам представляется важным поговорить как об очевидных недостатках, так и достоинствах и перспективах исследуемого способа мышления.

Во-первых, стоит отметить, что едва ли не любая «внешняя» по отношению к обществознанию, социальной философии наука может послужить ценным источником аналогий, используемых для описания и интерпретации общества; причем, это касается как естественнонаучного, так и гуманитарного знания. Более того, логичным нам представляется предположение, что в случае появления какой-либо новой отрасли науки или осуществлении научной революции в рамках какой-либо уже существующей области знания велика вероятность, что результаты этих научных достижений будут использованы для построения новой, соответствующей этому знанию аналоговой модели общества.

Во-вторых, нельзя игнорировать явную зависимость социальных моделей, построенных с использованием внешних аналогий, от способности этой внешней, «донорской» области знанияенным образом отражать реальность. Это означает, что при неудачном сценарии социальный философ может изначально выбрать неправильную аналогию, даже не подозревая о ее ложности, что может обнаружиться не сразу, а лишь в ходе поступательного развития научного знания на протяжении десятилетий или даже столетий. Яркий тому пример – механистические представления, сообразно которым законы механики способны исчерпывающе описывать любые явления окружающего мира: как природные, так и социальные. Однако исследования в области электромагнетизма, последующее становление теории относительности и квантовой

механики разрушило универсальность законов классической механики и, как следствие, указанный всеобъемлющий механистический тезис.

Аналогичная ситуация обстоит с рядом биологических отсылок Ламетри и Спенсера, которые с позиций современного знания в области биологии признаются устаревшими или неподтвержденными. В частности, Спенсер являлся сторонником ламаркизма – представления (которое противоречит эволюционной теории Чарльза Дарвина и не находит широкого подтверждения) о наследственности физических признаков, которые приобретает родительский организм в ходе своей жизни путем использования или неиспользования каких-либо органов [\[29, 30\]](#). Так, у жирафа длинная шея, потому что он на протяжении жизней поколений целенаправленно упражнялся ее вытягивать и доставать листья с верхушек деревьев. Аналогичным образом Спенсер представлял развитие общественных органов: например, большой спрос на шерстяные товары приводит к увеличению производства шерсти (функциональной активности), развитию шерстяной промышленности, «подпитываемую» прибылью [\[8, с. 289–291\]](#).

Что касается психоанализа, то здесь имеют место дебаты о самом научном статусе и реальной эффективности этой психологической теории. Несмотря на то, что идеи Фрейда и его последователей оказали ощутимое влияние на психологию и психиатрию, а также на философию XX века, их научность постоянно ставилась под сомнение. Представитель философии науки Карл Поппер, выдвинувший принцип принципиальной опровергаемости научного знания, как раз приводил психоанализ Фрейда как пример псевдонауки, которая не в состоянии удовлетворить указанному критерию: нельзя представить себе поведение человека, которое бы противоречило психоанализу; или любое поведение человека психоаналитик всегда способен истолковать как подтверждающее его теорию (равно как астролог всегда способен найти отговорки, объясняющие расхождение между астрологическими предсказаниями и реальными событиями в жизни людей). По итогу Поппер приравнивает психоанализ к гомеровской мифологии [\[31, с. 48–51\]](#).

Существуют и более детальные исследования, в которых критикуются центральные понятия психоанализа. Среди прочих можно привести работу Джоэла Капферсмida «Существует ли эдипов комплекс?», где автор на основании глубокого анализа множества источников приходит к следующим выводам: «(а) нет убедительных данных, подтверждающих позицию, согласно которой обезьяны или ранний человек жили в среде первобытных орд; (б) даже если общество первобытных орд когда-то существовало, нет убедительных доказательств того, что сыновья собирались вместе, убили своего отца и заключили соглашение, запрещающее инцест; (с) даже если сыновья сделали все вышесказанное, неизвестно, каким образом эти события могли передаваться из поколения в поколение; и (д) даже если такие события могли каким-то образом передаваться из поколения в поколение, методы, используемые в психоанализе, настолько сильно подвержены влиянию предвзятости психоаналитика и внушения, что нельзя быть уверенным в достоверности содержания таких следов памяти» [\[32, с. 546\]](#).

В-третьих, существует проблема неправомерного использования или злоупотребления самими аналогиями в социально-философских работах. В отличие от предыдущего замечания здесь проблема кроется не во внешней области знания, а в самой применяемой автором методологии для осмысления и интерпретации общества. Выше мы уже отмечали критику в отношении сопоставлений Семенова, Тарда, а также Жиля и Делеза. В первом случае аналогии могут свидетельствовать об излишнем словотворчестве автора, при котором замещается уже общепринятая терминология. В

другом – может быть использовано привычное словоупотребление, но аналогии в целом представляются умозрительными, хотя и более-менее доступными для понимания. В третьем – использование терминов из различных областей науки больше затрудняет наше понимание авторского представления об обществе, чем облегчает его, при этом применение узкоспециализированной терминологии самими специалистами ставится под сомнение. Можно также сказать, что наличие серьезных вопросов в отношении постмодернистских работ говорит о невозможности в условиях современной науки (когда даже представителям смежных областей знания бывает трудно понять друг друга) достигнуть идеала энциклопедизма – построение всеобъемлющей картины мира (по типу всеобщего механицизма), впитывающей в себя и объединяющей совершенно разнородные области знания.

Наконец, в-четвертых, отмечаем, что рассмотренные в работе аналогии (и здесь мы имеем в виду даже те из них, которые вызывают критические замечания) имеют перспективу быть повторно использованы в других исследовательских сферах, где они, возможно, смогут сыграть не менее значимую роль. Например, аналогия между мозгом и обществом Тарда может работать и в обратном ключе в рамках исследований, посвященных сознанию человека. Так, американский философ Нед Блок предложил мысленный эксперимент «Китайская нация», в котором люди, взятые в большом количестве (это может быть миллиард китайцев), симулируют работу мозга: отдельный человек подобен нейрону и связывается с другими людьми-нейронами посредством рации [33, 34]. Как можно заметить, в данном случае объекты изучения общественных наук являются источником внешних аналогий для философии сознания.

Библиография

1. Комиссаров И.И. Внешние и внутренние аналогии в социально-философском познании в контексте проблемы гомогенности-гетерогенности обществ // Философская мысль. 2023. № 11. С. 65–77.
2. Комиссаров И.И. Внешние аналогии в социально-философском моделировании: разносторонность подхода // Философия и общество. 2019. № 2 (91). С. 62–78.
3. Нехамкин В.А. Внешние аналоговые модели в социальном познании: причины возникновения, типология, перспективы использования // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 21–30.
4. Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). Москва: Современные тетради, 2003.
5. Семенов Ю.И. Проблема социальной реальности // Философия и общество. 2015. № 3–4 (77). С. 51–75.
6. Weber M. Economy and society: an outline of interpretive sociology. Berkley, Los Angeles, and London: University of California Press, 1978.
7. Comte A. Cours de philosophie positive. T. 4. La Philosophie sociale et les conclusions générales. Paris: Bachelier, 1839.
8. Spencer H. The social organism // Spencer H. Essays: scientific, political, & speculative. Vol. 1. London: Williams and Norgate, 1891. Pp. 265–307.
9. Worms R. Organisme et société. Paris: Giard & Brière, 1896.
10. Schäffle A. Bau und Leben des sozialen Körpers. B. 1. Tübingen: Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung, 1875.
11. Лилиенфельд-Тоаль П.Ф. Мысли о социальной науке будущего: Человеческое общество как реальный организм. Москва: Либроком, 2012.

12. Самохин А.В. Книга Ю.И. Семенова «Философия истории» и критика глобально-стадиальной концепции // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2013. № 4. С. 90–100.
13. Тарасов А.Н. Опять тупик: Ю.И. Семенов. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России // Пушкин. 2009. № 4. С. 121–125.
14. Hobbes Th. The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury. Vol. III. Leviathan, or the matter, form, and power of a commonwealth ecclesiastical and civil. London: John Bohn, 1839.
15. La Mettrie J.O. de. Man as plant // La Mettrie J.O. de. Machine man and other writings. Cambridge University Press, 1996. Pp. 75–88.
16. Durkheim É. The Division of Labor in Society. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
17. ГОСТ 28780—90. Клеи полимерные. Термины и определения. Москва: Госстандарт, 1991.
18. Караев Н.И. Основные вопросы философии истории. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1897.
19. Fouillée A. La science sociale contemporaine. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1885.
20. Тард Г. Социальная логика. Санкт-Петербург: Социально-психологический центр, 1996.
21. Freud S. The ego and the id. New York & London: Norton & Company, 1989.
22. Freud S. Totem and Taboo. London & New York: Routledge, 2001.
23. Freud S. Civilization and its discontent. New York: Norton & Company Inc., 1962.
24. Freud S. The future of an illusion. New York: Norton & Company Inc., 1961.
25. Fromm E. The Sane Society. London and New York: Routledge, 1991.
26. Deleuze G., & Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000.
27. Deleuze G., & Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005.
28. Sokal A., & Bricmont J. Fashionable nonsense: Postmodern intellectuals' abuse of science. New York: Picador, 1999.
29. Bowler P.J. Herbert Spencer and Lamarckism // Herbert Spencer: Legacies. London and New York: Routledge, 2015. Pp. 203–221.
30. Offer J. Herbert Spencer, Sociological Theory, and the Professions // Frontiers in Sociology. 2019. Vol. 4. No. 77. doi: 10.3389/fsoc.2019.00077
31. Popper K. Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. London and New York: Routledge, 2002.
32. Kupfersmid J. Does the Oedipus complex exist? // Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training. 1995. Vol. 32. No. 4. Pp. 535–547.
33. Block N. Troubles with Functionalism // Minnesota Studies in Philosophy of Science. Vol. IX. Perception and Cognition Issues in the Foundation of Psychology. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1978. Pp. 261–325.
34. Иванов Д.В. Аргумент от отсутствия квалиа // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 139–149.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исключительно интересной проблеме оправданности использования «внешних аналогий» в процессе социального познания. Внимание к этой теме связано с хорошо известной трудностью определения метода познания в социально-гуманитарных науках, и их история свидетельствует о том, что мыслители часто обращались к использованию «внешних аналогий», чтобы если не решить «проблему метода» социально-гуманитарного познания, то, как минимум, избавить себя от необходимости продумывания её глубинных оснований, обращаясь к решению тех или иных задач содержательного характера в этой области. К сожалению, автор статьи не указывает на эту особую трудность определения специфики метода социального познания как на причину поиска мыслителями «внешних аналогий», однако, он совершенно справедливо отмечает, что подобные «ситуативные» решения связаны с определёнными опасностями. Думается, главная опасность должна быть названа совершенно открыто, – это редукционизм, поскольку, прибегая к «внешним аналогиям», исследователи волей-неволей избавляют себя от труда постижения специфики общества как предмета познания и особенностей организации его исследования в научной практике. Большую часть текста составляет описание избранных автором моделей представления содержания социального познания с помощью «внешних аналогий». При этом всё же обзор примеров использования мыслителями «внешних аналогий» остаётся неполным. Так, на память сразу же приходят имена Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, обильно использовавших как раз «органические» аналогии. Впрочем, автор, возможно, и не стремился к такой «полноте», в конце концов, задача подобного исследования и не может сводиться к составлению некоего «универсального перечня» примеров использования «внешних аналогий». Скорее, автора статьи можно было бы упрекнуть в том, что изложение у него строится в форме описания тех или иных «частных случаев», тогда как определению общих условий использования «анalogий» и их классификации уделяется явно недостаточное внимание. Почему аналогии именно данных видов он рассматривает? Чем обусловлен этот выбор? Ещё более существенным недостатком статьи представляется то, что автор никак не характеризует саму логическую природу аналогий. Дело ведь не только в том, что одна аналогия может быть менее удачной, чем другая, а в том, что само использование аналогий в процессе исследования уже вызывает известные трудности логико-методологического характера. Или, например, почему автор не упоминает о различии «анalogии свойств» и «анalogии отношений», что могло бы способствовать определению степени достоверности и корректности описываемого им метода исследования социальной реальности? Можно сделать также некоторые замечания относительно стиля и оформления текста. Непонятно, зачем автор ссылается на иноязычные источники в тех случаях, когда имеются переводы упоминаемых им работ. Довольно много в тексте и стилистических погрешностей, например, уже в первом предложении (и далее) автор явно неудачно использует выражение «общественные модели»: «в работе основное внимание уделяется общественным моделям...», в этом случае предпочтительнее говорить о «моделях общественной жизни». То там, то тут появляются лишние слова или реплики, например: «отечественный исследователь Юрий Иванович Семенов...», – зачем «отечественный исследователь», читатель понимает, что он «отечественный». Вместо «нам бы хотелось» следует писать «нам хотелось бы», вместо «в пример можно привести...» следует писать просто «например», и т.п. Если ставится задача привлечь внимание читателя именно к терминам, то их следует брать в кавычки: «...говорит о демосоционах и геосоционах как о терминах, которые...». Встречаются пунктуационные ошибки: «в первом случае, привычные нам...», – зачем запятая? И всё же в статье присутствует интересное содержание, затрагиваемая автором проблема специфики

метода социально-гуманитарного познания крайне важна для социальных наук, поэтому следует заключить, что после исправления отмеченных недостатков статья может иметь хорошие перспективы для публикации в научном журнале. Рекомендую отправить её на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Внешние аналогии в социально-философском познании: перспективы и ограничения подхода» выступают социально-философские модели, построенные с помощью внешних биологических, биомеханических, психологических и психоаналитических аналогий.

Методология исследования состоит в сравнительном анализе социально-философских теорий с позиции использования в них различных типов внешних аналогий.

Актуальность исследования заключается раскрытии возможностей и ограничений, которые накладывает на социально-философский анализ использования метода аналогии.

Научная новизна заключается в классификации типов внешних аналогий, применяемых в истории социально-философской мысли, их анализе и критических замечаниях.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. Части статьи соответствуют типам внешних аналогий, выделяемых автором по отношению к социально-философским теориям. Автор начинает с анализа биологических (органических) аналогий, рассматривая размышления Огюста Канта о «социальном организме», Герберта Спенсера, сопоставляющего развитие общественного организма и эволюцию биологических видов, концепцию социально-исторических организмов (социоров) Юрия Ивановича Семенова. На примере последнего, автор проводит критический разбор данного мыслительного подхода, соглашаясь с оппонентами Семенова А.В. Самохиным и А.Н. Тарасовым, указывающими на «умножение общностей без необходимости» и введением новой терминологии, не обладающей эвристическим потенциалом, поскольку авторский термин «социор» по сути равнозначен этносу, а «демосоциор» и «геосоциор» племени и государству.

Далее автор обращается к анализу биомеханических аналогий, таких как аналогии Томаса Гоббса между государством и искусственным механическим человеком, Ламетри между человеком и растением, Эмиля Дюркгейма, различающего механический и органический типы солидарности, Кареева, говорящего о обществе как «продукте над-механического и над-органического развития», Альфреда Фулье.

Психологические и психоаналитические аналогии автор рассматривает на примере концепций Габриэля Тарда, уподобляющего общество мозгу, а отдельных индивидов нервным клеткам, Зигмунда Фрейда и Эриха Фромма, характеризующих обществу в целом с позиции психологических состояний личности, например, шизоидного самоотчуждения Западной цивилизации, проявляющегося в регрессировании к более ранним стадиям человеческой истории. Подробно останавливаясь на подходе к интерпретации общества Жилем Делезом и Феликсом Гваттари, автор указывает на сочетании в нем различных внешних аналогий из области биологии, физики, математики, психоанализа. В тоже время, автор указывает на обоснованность критики

этих авторов физиками Аланом Сокалом и Жаном Брикмоном, утверждающими, что своими отсылками к теореме Геделя, теории Кантора, геометрии Римана, квантовой механики и др., Делез и Гваттари демонстрируют не действительный мультидисциплинарный подход, а поверхностную эрудицию, делающую их тексты смешными для ученых-естественников и непонятными для гуманитариев.

В заключении автор предостерегает исследователей от излишнего увлечения аналогиями при исследовании социальных процессов поскольку это может привести к сведениям всего многообразия социальной реальности к проявлениям физического, биологического мира, вследствие чего обществознание утрачивает свою специфику и оказывается не нужным.

Библиография статьи включает 34 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам присутствует на протяжении всего текста.

Статья не перегружена специальной лексикой, что позволяет познакомится с ней широкому кругу читателей. Выводы статьи будут интересны как для современных социальных философов и специалистов в области философии науки, так и для читателей-неспециалистов, интересующихся проблемами познания.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Марцева А.В. — Дискурс телесности и "аргументы" тела в творчестве Ф.М. Достоевского // Философская мысль. — 2023. — № 12. — С. 138 - 150. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.69238 EDN: JECFAU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69238

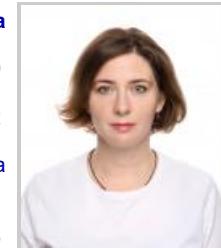
Дискурс телесности и "аргументы" тела в творчестве Ф.М. Достоевского**Марцева Анна Владимировна**

ORCID: 0000-0002-6461-8139

кандидат философских наук

доцент, кафедра истории философии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

[✉ martseva@mail.ru](mailto:martseva@mail.ru)[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.12.69238

EDN:

JECFAU

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Предметом исследования выступает дискурс тела и телесности в творчестве Ф.М. Достоевского на примере четырех романов из «великого пятикнижия» писателя («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»). Краткий историографический обзор обнаруживает традицию элиминации дискурса тела и телесности в философском достоевсковедении с момента его возникновения, позволяющую исследователям с большей легкостью концептуализировать содержание романов. В этой связи автор статьи обращает внимание на необоснованность этой традиции и необходимость реабилитации телесности как важной составляющей философско-антропологических идей Достоевского. Автор анализирует основные направления дискурса тела и телесности в творчестве писателя: 1) дискуссию с

материалистической философской антропологией и 2) рефлексию над христианской святоотеческой антропологической традицией, которые в произведениях раскрываются в различных соотношениях. Для достижения поставленной цели был определен культурно-исторический, биографический и мировоззренческий контексты творчества Достоевского. Благодаря герменевтическому анализу текстов четырех романов в первом приближении реконструированы общие контуры понимания тела и телесности. В результате исследования выделены три модуса телесности, лежащие в основе проблематизации тела и телесности в романах Достоевского: сциентистский модус, модус инаковости (тело как Другой) и религиозный модус (с опорой на антропологическую традицию восточной патристики). В отличие от одночастной схемы человека в материалистических концепциях, Достоевский разворачивает дихотомическую (как вариант – трихотомическую) схему, в которую включает телесность в ее максимально неформализуемых манифестациях. Подчеркивается, что тело для Достоевского одновременно универсально ("обычное тело") и уникально ("чье-то тело"), что, с одной стороны, усложняет концептуализацию телесности, а с другой – усиливает ее значимость в произведениях писателя. Результаты исследования могут быть использованы для развития новых нередукционистских интерпретаций творчества Достоевского.

Ключевые слова:

Достоевский, тело, телесность, философия Достоевского, русская философия, святоотеческие источники, красота, болезнь, смерть, философское открытие Достоевского

Введение

Творчество Ф.М. Достоевского обречено на постоянное «переоткрытие» и реконцептуализацию, поскольку его читатель-исследователь, за полтора века существенно изменившийся и порой почти неузнаваемый, не всегда может в полной мере воспользоваться герменевтическими открытиями и наработками своих предшественников. Современный читатель в некоторых моментах по-прежнему остается наедине с творчеством писателя, тщетно отыскивая у самых проницательных достоевсковедов прошлых эпох ответы на волнующие его вопросы. Не потому, что проницательность исследователей была в шорах их субъективных интересов или возможностей, а по причине неполного совпадения списка этих вопросов. Одним из таких «несовпавших», ускользнувших пунктов является тело и телесность в творчестве Достоевского.

Было бы преувеличением приписать Достоевскому завершенную концепцию тела и телесности. Тем не менее, рефлексия над телесностью выступает не только значимой, но и перманентной линией в его творчестве. В своем фундаментальном, масштабном исследовании человека Достоевский просто не мог игнорировать телесность как минимум в силу личных, религиозных и культурно-исторических обстоятельств, о которых речь пойдет ниже. Однако с удивительной настойчивостью классические достоевсковедческие работы не только игнорируют, а зачастую прямо отрицают существование или серьезную значимость этой рефлексии над телесностью в наследии писателя. Психологический подход к творчеству Достоевского дополняется философским, литературоведческим, лингвистическим и даже богословским, однако неизменной остается мысль о том, что Достоевский фокусируется на душевном и

духовном в человеке^[1], мало интересуясь его телесностью. К примеру, Р. Лаут достаточно категорично формулирует свой вариант проблематизации произведений Достоевского: «Все его (Достоевского. - А. М.) внимание направлено на душу и происходящие в ней процессы. Проблема духа и тела, соотношение психологических и физиологических моментов его почти не интересовали» [1. С. 27].

Показательно, что этот шаг – сосредоточение на анализе психического и интеллектуального моментах бытия героев Достоевского – был окончательно легитимизирован именно в процессе «философского открытия» Достоевского. В какой-то мере именно благодаря переносу центра тяжести на не-телесное удалось уйти от восприятия его произведений как летописи болезней, отклонений, свойственных исключительно маргинальным личностям, и перейти к философскому содержанию через поиск новых субъектов и новых структурных единиц его произведений^[2]. Переход к философскому содержанию требовал разрыва с указанной традицией сведения творчества Достоевского к жанру «приключения в кунсткамере», в рамках которого герои мыслились как нетипические люди, наделенные особенными (редкими, диковинными, девиантными) качествами, а также подразумевал применение новых стратегий и методов работы с текстом, не только изменяющих оптику исследователя, но и предполагающих деконструкцию, вплоть до редукции текстов Достоевского до концептуальных схем, превращающих его романы в интеллектуальный шифр, который нужно разгадать исследователю, найдя подсказки и отбросив все лишнее^[3]. Как бы далеко ни заходили исследователи в своих дерзновенных попытках «взломать» Достоевского, именно вопрос о физическом, бытовом, телесном, пространственном существовании человека был классифицирован как третьюстепенный, т.е. фактически малозначимый. Уже в 1894 г. В.В. Розанов в «Легенде о Великом инквизиторе» выводит формулу творчества Достоевского, в которой писатель мыслится как «прежде всего психолог», который «не изображает нам быт... но только душу человеческую с ее неуловимыми изгибами и переходами» [4. С. 17–18], буквально инициируя целый ряд последующих спиритуалистических интерпретаций «пятикнижия». А в 1901 г. С.Н. Булгаков в своей публичной лекции «Иван Карамазов как философский тип» пока еще осторожно, через параллели с Фаустом, но вполне ясно раскрывает незначимость внешних обстоятельств (физических параметров, места, профессии и т.д.) при анализе одного из главных героев романа: «Иван – дух; он весь отвлеченная проблема, он не имеет внешности» [5. С. 20]. Два десятилетия спустя Н.А. Бердяев в «Мироизвергании Достоевского» утверждает формулу особого реализма писателя, в котором нет места природе, вещам, быту: «Существует только дух человеческий, и только он интересен, он исследуется» [6. С. 337]. По мысли Бердяева, все герои Достоевского существуют в рамках особого мира; это экспериментальная лаборатория, в которой человек последовательно лишается всех внешних детерминаций (и «объективаций»), в идеале стремясь к выяснению своей подлинной сущности. Христианская антропология Достоевского в интерпретации Бердяева – это исследование субъекта-духа в его отношениях с Богом, дьяволом и другими такими же субъектами: иной заботы, «дела», интереса у Достоевского нет^[4], так что и Бердяев с полным осознанием правоты выносит проблему телесности за скобки.

Нужно отметить, что даже психоаналитическая линия достоевсковедения, еще со времен «аутотерапевтической» трактовки З. Фрейдом творчества Достоевского как попытки преодолеть собственный невроз, акцентирующей связь между произведениями и болезнью писателя, хотя и намеренно останавливается на соматологии «припадков» и прочих телесных манифестациях невроза, однако проблему телесности как таковой в

текстах своего заочного «пациента» не исследовал [\[5\]](#).

Можно продолжать и дальше достаточно длинный список авторитетных высказываний в пользу несущественности вопроса о теле и телесности у Достоевского. Сумма их складывается в определенную традицию, в рамках которой телесность в художественном космосе Достоевского исследовательской волей лишается «права голоса», рассматриваясь либо какrudимент личностного присутствия автора в тексте, либо как вспомогательный или даже декоративный элемент. С моей точки зрения, этот вопрос о телесности нуждается в полномасштабной реабилитации.

Для достижения указанной цели предполагается проследить два основных направления дискурса тела и телесности в четырех романах [\[6\]](#) из «пяти книжия» Достоевского: 1) дискуссию писателя с материалистической философской антропологией и 2) рефлексию над христианской святоотеческой антропологической традицией. Сами эти направления не являются исчерпывающими, однако на этом примере можно продемонстрировать, что Достоевский не мог в силу жизненных обстоятельств [\[7\]](#), культурно-исторического контекста и – самое главное – мировоззрения сделать вопрос о теле малозначимым.

Полисемантичность телесности в русской культуре второй половины XIX в.

Естественнонаучные прорывы XIX в. и развитие философского-антропологических учений, в т. ч. материалистического толка, закономерно выносят на первый план вопрос о человеческом теле. Если в 90-е гг. XVIII в. радищевские строки о сущностном сходстве «вещественной телесности» человека с «другими тварями» наряду с призывом к поиску коренных отличий его от всех иных живых существ имеют характер отвлеченных рассуждений [\[10\]](#), подкрепленных некоторой долей научных интуиций, то уже к середине XIX в. эта «вещественность» конкретизируется благодаря открытиям в области человеческой физиологии, микробиологии и проч. и почти во всех случаях становится предметом специальных философских дискуссий в духе сциентизма [\[8\]](#). Наиболее репрезентативна с этой точки зрения антропология Н.Г. Чернышевского, с предельной простотой (границающей, по мнению Т. Массарика и В.В. Зеньковского, с вульгарным материализмом [12. С. 316]) пытавшегося обосновать антропологический принцип в философии как именно укорененность в естественнонаучном знании о человеке: «Основанием для той части философии, которая рассматривает вопросы о человеке, точно так же служат естественные науки, как и для другой части, рассматривающей вопросы о внешней природе. Принципом философского взгляда на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия» [13. С. 185].

Кроме того, сам характер этих естественнонаучных открытий (от физиологических основ высшей нервной деятельности, фагоцитоза до рентгеновских лучей) мыслится как обращенный к человеку, призванный в перспективе изменить одну из основ его жизни – телесную уязвимость, взяв ее под контроль. Так, например, развитие инструментальных методов исследования [\[9\]](#) – это не только возможность изучить болезнь «изнутри» живого человека, это еще и перспектива победы над болезнью, болью и даже (в радикальном варианте) смертью. В определенном смысле это отношение можно назвать «соматической утопией», в которой телесность человека мыслится как потенциально покоренная и контролируемая.

Однако большая часть этих научных открытий в исследуемый период не повлияла на культуру повседневности и практически не изменила восприятие телесности. Тело, невзирая на научные прорывы, по-прежнему обнаруживало свою инаковость по отношению к человеческим планам, желаниям и целям. Человек, вооруженный или не вооруженный пониманием своего физиологического устройства и «механики» нервных импульсов, равно страдал от боли, старел и умирал. Кроме того, развитие неинвазивной инструментальной диагностики, о которой уже шла речь выше, означала лишь то, что болезнь могла быть диагностирована, но в подавляющем большинстве случаев это мало способствовало излечению. Тело раскрывалось человеку как «непослушное», своевольное, как некий Другой, с которым по-настоящему нельзя договориться, а порой как враг, который ждет удобного момента, чтобы нанести свой удар. С этим *modus'ом* телесности вне всяких сомнений сталкивается Достоевский едва ли не сильнее, чем многие его современники. Смерть родителей, первой жены, смерть любимого брата, трехмесячной дочки Сони и двухгодовалого сына Алеша от внезапной болезни [\[10\]](#), тревожное ожидание собственных новых припадков и трудное восстановление после них, совершенная беспомощность медицины в отношении легочного кровотечения, которое писателю оставалось только принять со смирением, — все это можно раскрывать как определенная диктатура тела, законы которого не могут быть отменены разумом: ни индивидуальным, ни научным, ни философским.

И, наконец, наиболее важным с точки зрения целей данного исследования является представление о теле, укорененное в антропологической традиции восточной патристики, с которой Достоевский был знаком (не как исследователь, а скорее как «соучастник») опосредованно, через сочинения Нила Сорского, Тихона Задонского, Паисия Величковского, и непосредственно, поскольку благодаря активной переводческой и издательской деятельности Оптиной Пустыни в XIX в. публикуется аскетическая святоотеческая литература [\[11\]](#).

Тело как божественный дар и тело, пораженное грехом, одухотворенное и страстное, — амбивалентность телесности имеет отражение в святоотеческих творениях. Тело как вещественность, материальность есть то, что противится духу и живет по своим законам. Иоанн Лествичник, говоря о плотской брани как необходимом условии духовного восхождения, описывает плоть как хитрого и лукавого врага: «...враждуй против твоей плоти непрестанно. Ибо плоть сия есть друг неблагодарный и льстивый: чем более мы ей угождаем, тем более она нам вредит» [\[17\]](#). Вместе с тем, тело само по себе является божественным творением, а потому не может быть дурным. Как отмечает О.В. Чистякова, уже в ранней христианской литературе можно выявить «фундаментальную идею восточной патристики об одухотворении не только внутреннего мира человека, но и его тела, что далее привело к появлению антропологического феномена одухотворенной личности с его последующей аргументацией в средневековой византийской философии» [\[18. С. 651\]](#). И упомянутый Иоанн Лествичник не мыслит монашеский подвиг как уничтожение тела, но именно как покорение и подчинение его духовному началу, результатом чего должно стать преображение тленного — в нетленное.

Эта же тонкая грань между позитивной и негативной коннотациями телесности обнаруживается и в русском монашестве. В православной аскетической мысли «плотское мудрование», которое по сути представляет из себя нарушение иерархического порядка, когда плоть как необузданный молодой конь не допускает к себе наездника и управляет сама собой. Необузданный конь опасен и непредсказуем, прирученный же послушен, кроток и полезен, поэтому даже падшая телесность не мыслится как дурная сама по себе. Например, Тихон Задонский, весьма почитаемый Достоевским, в своем творении

«Плоть и дух» [12] рассматривает «закон плотский» как влечение к греху и в конечном счете — смерти [20] в противоположность «закону духовному», однако при всей ригористичности этого противопоставления и у него тело не тождественно этому плотскому закону: преодолеть этот закон означает не преодолеть, а напротив, освободить тело. Это «напряжение» двойственности телесности намеренно не разрешалось рационально-дискурсивным образом, отсылая к метафизической глубине и апофатичности Божественного замысла о человеке.

Мистерия тела в творчестве Достоевского

Представленные *modus*'ы понимания тела и телесности, безусловно, не являются исчерпывающими; эта комбинация продиктована только их значимостью в творчестве Достоевского и более ничем. Кроме того, можно утверждать, что их значимость обратно пропорциональна порядку их перечисления, то есть религиозный *modus* является фундаментальным, *modus* инаковости — мировоззренчески значимым, сциентистский *modus* — контекстуально важным. В произведениях Достоевского они никогда не находятся в равновесии, поэтому телесность человека Достоевским не просто проблематизируется (что в конечном итоге давало бы возможность искать решение), а раскрывается как мистерия. Не только в духе, через размышления и поступки героев, раскрывается та самая борьба Бога и дьявола, но и в многообразных образах телесности.

Телесная красота. Пожалуй, герменевтика красоты, в т.ч. телесной, в творчестве Достоевского является наиболее исследованным и популярным вопросом, а набор приводимых цитат и их интерпретаций можно назвать каноническим. Монолог Мити Карамазова о неопределенности и противоречивости красоты не без оснований приводится как ключевой: «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределенная, и определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки... Иной высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» [21. С. 100].

Достоевский намеренно подчеркивает удивительную силу физической красоты. Именно это ее измерение в отрыве от духовно-душевной жизни исследуется Достоевским специально. Интересен эксперимент, предпринятый в романе «Идиот»: князь Мышкин видит сперва только изображение Настасьи Филипповны — крупноформатную фотографию. Редкая красота ее, по замыслу писателя, видна на портрете и поражает князя Мышкина. Достоевский тщательно описывает, даже протоколирует ее внешность: «На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна...» [22. С. 27]. Князь угадывает страдание на ее лице, однако не может определить, добра она или нет. Между тем, именно это и является для него главным: «Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!» [Там же. С. 32]. Другими словами, Настасья Филипповна красива независимо от того, добра или нет, красива практически в каждом своем действии. Но в чем смысл этой красоты, о чем эта красота свидетельствует, — в романе нет определенного ответа, поскольку внутренний конфликт героини столь сложен и глубок, что она может быть и добра, и не добра. Это красота, которую невозможно использовать как лестницу к горнему миру, это

скорее лабиринт. Но сила ее от этого ничуть не меньше. Достоевский использует этот прием и в других романах: красота, не сдерживаемая добром, неуправляемая красота (вовсе не обязательно именно направляемая злой волей) становится катализатором страшных разрушительных сдвигов в человеке, сталкивающимся с ней, и вслед за тем – в мире^[13], поскольку телесная красота почти неотвратима^[14].

Пример другой поразительной, но парадоксальной красоты – это Ставрогин. И здесь Достоевский тщательно фиксирует его внешний облик: «...волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярок и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, казалось бы, писаный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску; впрочем, многое говорили, между прочим и о чрезвычайной телесной его силе». Здесь Достоевский развивает тему трагического зияния между телом и духом, которое как будто удваивает человека. Совершенная телесная красота Ставрогина представлена здесь как маска или знак, который ничего не означает. По крайней мере, она не означает того разрушительного и страшного процесса, который охватывает Ставрогина и приводит к гибели.

Однако Достоевский ломает эту выстраивающуюся линию герметичной в-себе-телесности, не сообщающей о духовно-душевном в человеке и даже не знающей об этой стороне. Возмутительное и отталкивающее телесное безобразие Федора Карамазова представляет собой «персонификацию» его грехов; при этом Достоевский с подчеркнутым схематизмом соединяет телесные проявления с низменными качествами натуры героя: «Физиономия его представляла к тому времени что-то резко свидетельствовавшее о характеристике и сущности всей прожитой им жизни»^[21]. Мешки под глазами свидетельствуют о пьянстве и чревоугодии, большой мясистый кадык-кошель – о стяжательстве и жадности, пухлый плотоядный рот – о сладострастии и т.д. Т.е. в данном случае мы имеем дело с «говорящим» телом: тление телесное полностью соответствует тлению духовному.

Телесные болезни. Телесное здоровье и незддоровье в пространстве художественного мира Достоевского также с большим трудом укладываются в рациональные схемы. Страдающие герои, в т.ч. тяжко страдающие от болезней тела, из своего страдания могут делать шаги и в сторону добра, и в сторону зла. Нужно отметить, что палитра болезненных героев у Достоевского очень разнообразна; лидирующее положение среди них занимают чахоточные больные^[15]. И дело здесь не только в неизлечимости туберкулеза для медицины XIX в. и ужасающей распространенности этой болезни, но и в ее яркой, манифестативной симптоматике. Романический чахоточный больной вынужден столкнуться с классическими симптомами^[16], которые (особенно «кровохарканье») так специфичны, что и сам больной, и окружающие смотрят на него как на обреченную телесность, которой в скором времени суждено умереть. Вызов, брошенный этой болезнью, исключает стандартный алгоритм «болезнь – лечение – выздоровление» и в то же время не может игнорироваться. В результате в романах Достоевского типичная болезнь «обычного» тела превращается в загадку с непредсказуемой развязкой.

Однако наиболее значимой в сюжетном и концептуальном планах является другая неизлечимая болезнь – князя Мышкина. «Припадки» Мышкина не могут быть побеждены медицинскими средствами (по сути, все, что ему остается – это режим и дисциплина), жизнь его полна ограничений («заточенность в болезни»): он не может жениться, не может регулярно трудиться, не может положиться на самого себя. Болезнь заставляет его ежесекундно трезветь и помнить о своей неотмирности; это несляние с миром никак

не помогает Мышкину контролировать болезнь, но именно в этом смирении Мышкин больше своей физической немощи. Телесная немощь только на уровне повседневных практик выводит героя из мира, но он возвращается обратно уже на новых основаниях. Ненадежное тело Мышкина делает его героем, который обретает необычайную силу [\[17\]](#).

Телесная болезнь, как видно уже из примеров с чахоточными героями, у Достоевского вовсе не обязательно сочетается с духовной силой или нравственной чистотой. Например, Лиза Хохлакова, также страдающая от страшной болезни (паралича), несмотря на юный возраст, — весьма противоречивый персонаж. То, что в ней присутствует инфернальность, выведено Достоевским на первый план. «Бесёнок» Лиза разворачивает перед своими визави страшные картины «беспорядка», который на самом деле больше похож на адскую безду [\[18\]](#), чем свойственную подросткам деконструкцию ценностей и смыслов. Однако Достоевский напоминает: Лиза еще ребенок (в романе ей всего 14 лет), униженный и растоптанный своим параличом. В ее абсурдных садистских фантазиях выражен тот же бунт Ивана Карамазова против мироустройства, против зависимости от своей плоти и против божественного замысла.

Таким образом, и Мышкин, и Лиза узники больного тела, но если первый смиряется и таким путем обретает свою силу (пусть и на какое-то время), то вторая, напротив, стремится к выходу из заточения через бунт.

Смерть тела. И, наконец, главный «аргумент» тела — его смерть. Абсурдность и неотвратимость физической смерти есть тот вызов, на который не могут ответить научно-оптимистические теории человека. Мертвое тело в романах Достоевского так же неотвратимо и нерационализируемо, как и красота. С максимальной силой эта идея выражена в двух эпизодах —созерцании князем Мышкиным картины Ганса Гольбейна-мл. «Мертвый Христос» и смерти старца Зосимы.

В эпизоде с картиной, на которой изображен Христос со всеми типичными признаками начинающегося телесного тления, Мышкин ужасается. «Да от этой картины у иного и вера пропасть может!» [\[22. С. 181\]](#), — восклицает князь. От какой именно картины и у кого этот «иной»? Князь очень точно воспроизводит главный аргумент смерти: ее необратимость. Физический распад тела в его естественном варианте, без той отстраненности, которая свойственна современным фунеральным практикам, совершенно и страшно свидетельствует о конце материального существования. И нету физической силы, которая может обратить этот процесс вспять. Как могли удержаться от полного отчаяния ученики, увидевшие мертвого Учителя? Как может надеяться на бессмертие человек, видевший смерть? В основе этого эпизода, как уже неоднократно было показано в исследованиях [\[19\]](#), лежит евангельский эпизод о воскрешении Лазаря. Лазарь Четверодневный заболел, умер и четыре дня провел во гробе. Смерть его была несомненна, и сестра его свидетельствовала, что он уже «смердит» (Ин. 11:39). В святоотеческих толкованиях этого стиха обычно делается акцент на ужасающую и нестерпимую картину тления. Христос скорбит и плачет, поскольку любит Лазаря и его сестер. Этот момент заслуживает особенного внимания: Христос знает, что воскресит Лазаря, но не может не скорбеть [\[20\]](#). Человеческое естество не может не откликнуться на смерть скорбью. И Христос плачет перед мертвым телом друга.

Однако в диалоге между Мышкиным и Рогожиным возникает вопрос о том, как человек можно вынести смерть во всей ее телесной очевидности, если нет веры в будущее воскресение, когда даже для Христа, не просто верившего, а з纳вшего о скором воскрешении Лазаря, она была труднопереносима.

Второй эпизод – со смертью старца Зосимы – очень близок к первому и также связан с евангельским чудом воскрешения Лазаря. Старец Зосима, в святости которого не сомневались уже при его жизни ни монахи, ни миряне, после кончины обнаружил свою человеческую естественную телесность. Запах телесного разложения (в романе он буквально «провонял») шокирует духовных чад старца. Если старец имеет такое же тело, как и любой другой человек (а не нетленные благоухающие мозги), и если он также натурально умер, то на каком основании обычный человек должен надеяться на воскресение?

Заключение

Приведенные примеры, возможно, не являются самыми репрезентативными и совершенно точно не исчерпывающими. В романах Достоевского человек, обладающий телесностью, узаконен вместе с этой телесностью. Тело – не просто обстоятельства жизни духа, которые можно вынести за скобки. Достоевский не стандартизирует телесность, напротив, в телесности есть нечто уникальное и таинственное. В материалистической антропологии Чернышевского речь как правило идет об «обыкновенном» теле, которое будет вести себя предсказуемо в одних и тех же внешних и внутренних условиях. Телесная механика Чернышевского не совсем проста, но универсальна. Именно поэтому его «антропологический принцип» в литературном преломлении совершенно не предполагает интереса к разности тел и особенностям их проявлений. У Достоевского же, напротив, мы видим чрезвычайное внимание к описанию телесных феноменов. Внешность, эпикриз, запах и цвет человеческого тела – все это занимает важное место в романах. Тело имеет свой «плотский закон». Как закон он неумолим и трагичен, неся на себе печать грехопадения: «земля еси и в землю отыдеши» (Быт. 3:19). И именно невероятная сила и многоликость этого «телесного закона» и проявлена в романах Достоевского: обессиливание плоти уничтожает смысл всякой брани. Аргументам человеческого тела Достоевский отводит одно из центральных мест в своих романах. И в этом он превосходит всех физиологов-материалистов своего времени, поскольку, разворачивая феноменологическое описание телесности на страницах своих произведений, Достоевский оспаривает существование обычного и послушного человеческого тела. Он мыслит тело как нечто универсальное и уникальное одновременно. В этой связи дальнейшие достоевковедческие штудии, предполагающие серьезное изучение рефлексии писателя над телом и телесностью, требуют усложнения методологии исследования и противостоят господствующим до сих пор редукционистским тенденциям.

[\[1\]](#) Здесь возможны модификации в зависимости от избранной исследователем методологии. Например, Р. Лаут дает очень разветвленную структуру личности, стремясь к систематизации творчества Достоевского. Однако в моей статье не ставится задача систематической реконструкции антропологии Достоевского, и вопрос о большей релевантности дихотомической или трихотомической концепции человека выходит за пределы наличного интереса (в любом случае душевно-духовное здесь выступает как именно не-телесное).

[\[2\]](#) В наиболее последовательном варианте – у М.М. Бахтина (См.: «Проблемы творчества Достоевского» (1929), «Проблемы поэтики Достоевского» (1963) [\[2\]](#))

[\[3\]](#) Одним из наиболее логически завершенных вариантов интерпретации творчества Достоевского такого рода является небольшая работа Я. Голосовкера «Достоевский и Кант» [\[3\]](#).

[\[4\]](#) Интересно, что эту мысль Бердяева об «героях-бездельниках» через сто лет воспроизвел митрополит Иларион (Алфеев) в своей популярной книге «Евангелие Достоевского», выпущенной к юбилею писателя [\[7\]](#).

[\[5\]](#) Собственно говоря, сам З. Фрейд и не претендовал на роль исследователя произведений Достоевского, в профессиональном плане они его интересовали только как высказывание одаренного невротика и яркий пример подтверждения интуиций о невротической природе культуры и творчества. См., например: Фрейд З. Достоевский и отцеубийство [\[8\]](#).

[\[6\]](#) «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»

[\[7\]](#) Особая актуальность биографических данных в современном достоевсковедении подчеркнута итальянским славистом М.К. Гидини: «Кропотливая работа по реконструкции материалов из архивов и других источников, чтобы пролить свет на периоды биографии Достоевского, еще остающиеся в тени, пожалуй, является одним из наиболее интересных аспектов сегодняшнего достоевсковедения, особенно когда эта работа направлена на интерпретацию конкретных биографических данных, на выделение внутренней структуры экзистенциального пути писателя, на наблюдение за формами его художественных образов» [9. С. 13].

[\[8\]](#) Характерной в данном случае является дискуссия вокруг «Рефлексов головного мозга» И.М. Сеченова [\[11\]](#).

[\[9\]](#) О влиянии инструментальной диагностики на восприятие человеческого тела см. [\[14\]](#).

[\[10\]](#) Особую трагичность этим потерям придает внезапность болезни дочери и болезни сына, а также бессилие врачей, что подчеркивает в своих воспоминаниях А.Г. Достоевская [15. С. 230—231, 373].

[\[11\]](#) Об особенностях рецепции евангельских текстов в творчестве Достоевского написано достаточно много. Однако фундаментальных работ, посвященных исследованию святоотеческих источников, наоборот, очень мало. В их числе необходимо упомянуть труды Симонетты Сальвестрони [\[16\]](#).

[\[12\]](#) Представляет из себя лаконичный цитатник из Библии и Иоанна Златоуста с комментариями святителя Тихона. См.: [\[19\]](#).

[\[13\]](#) Ср. роль Грушеньки в развертывании трагической основы сюжета «Братьев Карамазовых».

[\[14\]](#) Здесь, конечно, нужно иметь в виду большую чувствительность человека XIX в. к человеческой телесной красоте, потому что до эпохи промышленного и поточного формирования желаемого телесного образа (beauty-индустрии) подлинная красота, а не просто привлекательность, воспринималась как нерукотворное чудо. Это вовсе не противоречит тому, что декоративная косметика, одежда, парикмахерское искусство во все эпохи выступали еще и как средства преодоления естественного несовершенства. Однако до XX в. ни пластическая хирургия (носившая преимущественно лечебно-восстановительный характер), ни косметика, ни какие-либо еще техники не были способны создать телесное совершенство.

[\[15\]](#) Нужно отметить, что у Достоевского перечень чахоточных больных огромен. Если рассуждать статистически, то в действительности только часть из них имела бы туберкулез, остальные скорее всего страдали от других заболеваний со сходной симптоматикой, однако ни для произведений Достоевского, ни для нас это не имеет особого значения.

[\[16\]](#) Например, эти симптомы при первой же встрече перечисляет Раскольникову Мармеладов, говоря о своей больной жене Катерине Ивановне.

[\[17\]](#) В этом образе, безусловно, отсылка к словам Ап. Павла: «...ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12:9).

[\[18\]](#) Наибольшей остроты достигает этот бунт в фантазии про распятого мальчика и ананасный компот.

[\[19\]](#) См., напр.: [\[16\]](#).

[\[20\]](#) Иоанн Златоуст так объясняет этот стих: «Он приходит ко гробу и опять удерживает скорбь. Но для чего евангелист тщательно и не раз замечает, что Он плакал и что Он удерживал скорбь? Для того, чтобы ты знал, что Он истинно облечен был нашим естеством». (Толкование на Евангелие от Иоанна 11:33). <https://azbyka.ru/biblia/in/?Jn.11:33>

Библиография

1. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М.: Республика, 1996. 447 с.
2. Бахтин М.М. Избранное. Том 2. Поэтика Достоевского. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 512 с.
3. Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант // Голосовкер Я.Э. Засекреченный секрет. Философская проза. Томск : Водолей, 1998. 224 с.
4. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 7. М. : Республика, 1996. С. 7-135.
5. Булгаков С.Н. Иван Карамазов как философский тип // Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М. : Наука, 1993. С. 15-45.
6. Бердяев Н.А. Мироозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Русская идея. Мироозерцание Достоевского. М. : Издательство «Э», 2016. С. 311-510.
7. Митрополит Иларион (Алфеев). Евангелие Достоевского. М. : Познание, 2022. 232 с.
8. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 285-294.
9. Гидини М.К. Достоевский. Взгляд с Запада // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2021. – Т. 25. – №1. – С. 9-14. doi: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-9-14
10. Радищев А.Н. О человеке, его смертности и бессмертии // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1941. С. 39-142.
11. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И.М., Павлов И.П., Введенский Н.Е. Физиология нервной системы. Избранные труды. Выпуск 1. М. : Государственное издательство медицинской литературы, 1952. С. 143-211.
12. Зеньковский В.В. История русской философии. М. : Академический проект, Раритет,

2001. 880 с.
13. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии. М. : Госполитиздат, 1951. Т. 3. С. 162 – 254.
 14. *Histoire du corps. Vol. 2: De la Révolution à la Grande Guerre. Sous la direction de: Alain Corbin, Jean-Jacques Courtine, Georges Vigarello. Points, 2011.* 480 р.
 15. Достоевская А.Г. Воспоминания. М. : Бослен, 2015. 768 с.
 16. *Salvestroni S. Dostoevskij e la Bibbia. Magnano (Biella), Qiqajon – Comunità di Bose Publ., 2000.* 277 р.
 17. Преподобный авва Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. М. : Даниловский благовестник, 2013. 592 с.
 18. Чистякова О.В. Восточная патристика о противоречивости человека и обожении человечества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 650-661.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.417>
 19. Мельников Д.В. «Плоть и дух» и ранние произведения святителя Тихона Задонского как основа для его сочинения «Об истинном христианстве» // Христианское чтение. 2018. №5. С. 38-50.
 20. Святитель Тихон Задонский. Плоть и дух // Святитель Тихон Задонский. Собрание творений в 5 томах. Т. 1. М. : Изд-во Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2003. С. 639-794.
 21. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Роман в 4 ч. с эпилогом // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 14. Ленинград : Наука, 1976. 511 с.
 22. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 8. Ленинград : Наука, 1973. 511 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи во вступительной части справедливо отмечает, что у современных читателей Ф.М. Достоевского (да и других писателей, конечно же) в процессе чтения могут возникать вопросы, которыми не задавались их предшественники, относя к числу таких вопросов и «телесность». Конечно, это обстоятельство нетрудно объяснить, поскольку изменение собственных представлений читательской аудитории время от времени обнаруживает в классической литературе всё новые и новые смысловые, стилистические и т.д. составляющие, которые не привлекали внимание прежде просто потому, что представлялись понятными или несущественными с точки зрения мировоззренческих установок читателей. Далее во введении автор с привлечением множества источников обосновывает взгляд, согласно которому фиксация внимания на интеллектуально-духовных аспектах творчества Ф.М. Достоевского (в основном, в связи с попытками «философского истолкования» его творчества), с одной стороны, имела положительное значение, поскольку освободила анализ произведений русского литератора от одностороннего отождествления его со средой «подпольного» человека, но с другой – сделала почти невидимой проблематику, связанную с телесностью и соотношением души и тела. В представленной статье автор ставит задачу преодолеть это «упущение» и определяет конкретные задачи изучения поставленной проблемы. В последующем анализе, компактном, но весьма насыщенном концептуально

и ясно описанном, автор проявляет несомненные эрудицию, способность глубокого философского анализа художественных текстов, исследовательскую проницательность. Знакомство со статьёй будет интересно для литературоведов и философов, но также и для широкого круга читателей, поскольку используемые автором приёмы интерпретации произведений Достоевского обладают элементами новаторства, позволяют вернуться к впечатлениям от прочтения произведений писателя и способствуют более глубокому их пониманию. Очень интересно, неформально, написано и заключение. Автор настаивает на том, что индивидуальность человека, которая и определяет его притягательность для окружающих, оказывается следствием не только духовного развития, она «тайным образом» зависит и от телесного облика. Тело не сводится к функции выражения душевных переживаний или исполнения определённых социальных функций, его самостоятельная жизнь как природной основы жизни души переплетается с последней, по-разному влияя на дух и душу человека в разные периоды жизни и в различных обстоятельствах. Рецензент должен признать, что у него не возникло существенных критических замечаний, кое-где, особенно, в начале статьи появляются неудачные выражения («проницательность исследователей была в шорах их субъективных интересов или возможностей» и т.п.), однако они могут быть исправлены в рабочем порядке. Предпринятый автором анализ открывает новые возможности в исследовании творчества Ф.М. Достоевского, в том числе, в направлении сравнительного анализа его представлений о телесности с соответствующими сторонами творчества других русских писателей-классиков. Рекомендую опубликовать статью в научном журнале.

Англоязычные метаданные

Promising approaches to the study of values in the interdisciplinary paradigm

Burukina Olga Alekseyevna

PhD in Philology

Professor, International Business Department, University of Business Innovation and Sustainability (UBIS Global)

20005, USA Washington DC, 1401 H Street Nv

✉ obur@mail.ru

Abstract. The problem of understanding "value" as a philosophical category and phenomenon of culture and the construction of a system of national values is especially relevant at the present stage of the development of Russian culture and mentality in connection with the current axiological crisis that modern Russian society is experiencing and, as a consequence, modern Russian culture.

The article provides an overview of concepts and approaches to the study of values in foreign and Russian philosophy of the XX-XXI centuries. The author traces the evolution of the concept of value over the past 120 years, focusing his research on the current stage of development of axiology and philosophy of culture – from the end of the twentieth century to the present day. The article pays special attention to the complexity of categorical analysis and the difficulty of defining the concept of "value" at the present stage of philosophy development, taking into account eclecticism in understanding and interpreting values in different scientific paradigms: philosophical, cultural, sociological, psychological, etc. The author analyzes the enduring significance of the heritage of outstanding Russian philosophers, as well as the contribution of foreign philosophers. It is suggested that the paradigm of the philosophy of culture, developed by G. Rickert, can become a conceptual and methodological basis for correctly comprehending the concept of value and building a national system of values that can become the basis for the progressive development of all spheres of being in modern society.

From a wide range of studies by Russian and foreign scientists, both modern and related to the masters of philosophy today, the author identifies the most promising approaches to the study of values and the formation of a system of national values that reflect the most significant features of national culture and national mentality and contribute to the sustainable development of each member of society.

Keywords: philosophy of culture, national mentality, national culture, transformation of values, interdisciplinary paradigm, national value system, axiology, philosophy of values, systematic approach, concept of value

References (transliterated)

1. Shokhin, V. (1998). Klassicheskaya filosofiya tsennostei: predistoriya, problemy, rezul'taty // Al'manakh «Al'fa i Omega», №№ 17, 18. El. resurs: <https://www.pravmir.ru/klassicheskaya-filosofiya-tsennostey/> Data obrashcheniya – 21.5.2022. 2.
2. Zhernyakov, A.M. (2008). Ponyatie «tsennost'» v sotsial'no-filosofskom osmyslenii deistvitel'nosti. Dis... kand. filos. nauk: 09.00.11 – sotsial'naya filosofiya. – M.: MGU.
3. Sharapova, N.S. (2015). Ponyatie «gumanisticheskie tsennosti» kak filosofskaya

- problema // V Vysheslavtsevskie chteniya. Tambov: TGU imeni G.R. Derzhavina, 17.06.2015. – El. resurs: https://tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/vseross/17_06_2015_v_vysheslavtsevskie_chteniya/ponyatie-gumanisticheskie-tsennosti-kak-filosofskaya-problema/. Data obrashcheniya – 24.5.2022.
4. Fedorov, N.F. (1906). Filosofiya obshchego dela: Stat'i, mysli i pis'ma Nikolaya Fedorovicha Fedorova, izd. pod red. V.A. Kozhevnikova i N.P. Petersona. T. 1-2. Tom I. – Vertyi: Tip. Semirechen. obl. pravl.
 5. Gorin, A.Yu. (2008). Aksiologiya vseidinstva V.S. Solov'eva i ee vliyanie na razvitiye otechestvennoi dukhovnoi kul'tury. Dis... kand. filos. n.: 24.00.01 – teoriya i istoriya kul'tury. – Saransk: RGPPU.
 6. Zinkovskii, S.A., Zinkovskii, E.A. (2022). Bogoslovskoe ponimanie edinstva Prot. Sergiem Bulgakovym v svete bogosloviya lichnosti // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. – S. 117–140.
 7. Litchfield, K.E. (2007). Svoboda cheloveka v filosofii N.A. Berdyaeva: eticheskie i metafizicheskie aspekty. Dis... kand. filos. n.: 09.00.05 – etika. – SPb: SPbGU.
 8. Muzaferova, N.I. (2018). I.A. Il'in o dukhovno-nravstvennykh tsennostyakh i obrazovaniii lichnosti // Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki. – S. 76–81.
 9. Berdyaev, N.A. (1937). Chelovecheskaya lichnost' i sverkhlichnye tsennosti // Sovremennyya zapiski, XLIII. – Parizh.
 10. Chernokoz, M.F. (2016). Ideya vseobshchego voskresheniya v filosofii N.F. Fedorova // Slovo.ru: Baltiiskii aktsent. – S. 80–86.
 11. Moiseev, V.I. (2002). Logika vseidinstva. – M.: Per Se.
 12. Kuz'mina, T.A. (2008). Ekzistentsial'naya etika N.A. Berdyaeva // Eticheskaya mys', Vypusk 8. – M.: Institut filosofii RAN. – S. 87–127.
 13. Chekmarev, V.V. (2011). Znachenie naslediya S.N. Bulgakova dlya sovremennoego cheloveka // Ekonomika obrazovaniya, №3. – S. 187–191.
 14. Russkii kosmizm kak fenomen mirovoi filosofii. Religioznyi i estestvennonauchnyi kosmizm // Iстория российской философии. El. resurs https://studwood.net/515014/filosofiya/istoriya_rossiyskoy_filosofii: Data obrashcheniya: 16.10.2023.
 15. Kovaleva G.P. Teoantropokosmizm v filosofii N.A. Berdyaeva // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3, Obshchestvennye nauki, №3(69), 2009. – S. 125–137.
 16. Berdyaev, N.A. (1995). Religiya voskresheniya («Filosofiya obshchego dela» N.F. Fedorova) / Grezy o Zemle i nebe. – SPb.
 17. Shevtsova, N.P. (2005). Problema tsennosti v tvorchestve N.A. Berdyaeva i I.A. Il'ina: obshchee i osobennoe. Dis... kand. filos. n.: 24.00.01 – teoriya i istoriya kul'tury. – M.: MGumU.
 18. Zabneva, E.I. (2021). V poiskakh lichnosti (aktual'nost' filosofii N. Berdyaeva) // Filosofiya i kul'tura, №4. – S. 29–33.
 19. Beiser, F.C. (2013). Late German Idealism: Trendelenburg and Lotze, Oxford: Oxford University Press, pp. xi + 333.
 20. Scheler, Max (1992). Translated and edited by Harold J. Bershady. *On Feeling, Knowing, and Valuing. Selected Writings*. Chicago: University of Chicago Press.
 21. Rikkert, G. (1998). Nauki o prirode i nauki o kul'ture. – M.: «Respublika».
 22. Gusserl', E. (2016). Formal'naya aksiologiya. Fragment iz knigi «Lektsii po etike i uchenie o tsennosti» (1908–1914) / per s nem yaz. T. A. Terent'evoi // Epistemy:

- Sbornik nauchnykh statei. Vyp. 11. – Ekaterinburg: Maks-Info. – S. 126–137.
23. Philipse, H. (2002). Questions of method: Heidegger and Bourdieu. *Revue internationale de philosophie*, 220. – S. 275–298. <https://doi.org/10.3917/rip.220.0275>.
24. Khaidegger, M. (1997). Bytie i vremya. Perevod V.V. Bibikhina. – M.: Ad Marginem. – 451 s.
25. Gartman, N. (1995). Filosofsko-istoricheskoe vvedenie / Gartman N. Problema dukhovnogo bytiya. Issledovaniya k obosnovaniyu filosofii istorii i nauk o dukhe. (Perevod A. N. Malinkina) // *Kul'turologiya. XX vek: antologiya / Sost. S. Ya. Levit.* – M. – S. 608–648.
26. Gartman, N. (1958). Estetika. – M.: Inostrannaya literatura.
27. Mirovozzrencheskaya paradigma v filosofii (2018). *Osnovopolozheniya ontognoseologii: [Elektronnyi resurs]: monografiya: / Ruk. avtorskogo koll. i otv. redaktor – prof. M.M. Prokhorov.* – Nizhnii Novgorod: NNGASU. – 269 s.
28. Suetina, N.M. (2008). Tsennost' i tsennostnye orientatsii: kontseptualizatsiya razlichnykh podkhodov // *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*.
29. Tsoroev, S.S. (2011). *Tsennosti v kul'ture obnovlyayushchegosya obshchestva kak filosofsko-kul'turologicheskaya problema*. Dis... kand. filos. nauk: 24.00.01 – teoriya i istoriya kul'tury. – Rostov-na-Donu: Yuzhnyi fed. un-t.
30. Gnevasheva, V.A. (2014). *Ontologicheskoe osnovanie tsennosti v probleme lichnostnogo stanovleniya sovremennoi rossiiskoi molodezhi: Monografiya*. – M. El. resurs: https://www.academia.edu/30597993/Ontologicheskoe_osnovanie_tsennosti_v_probleme_lichnostnogo_stanovleniya_sovremennoi_rossiiskoi_molodezhi. Data obrashcheniya – 26.5.2022.
31. Vospriyatie (2019). *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. El. resurs: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01169f50a869a638698d4d16>. Data obrashcheniya – 27.5.2022.
32. Vasilenko, L.I. (1996). *Kratkii filosofsko-religioznyi slovar'*. – M.: Istina i zhizn'. – 256 s.
33. Losskii, N.O. (1931). *Tsennost' i bytie: Bog i Tsarstvo Bozhie kak osnova tsennostei*. – Parizh: Ymca-Press. El. resurs: http://www.odinblago.ru/cennots_i_bitie/3. Data obrashcheniya – 28.5.2022.
34. Holbrook, M.B. (2006). Consumption Experience, Customer Value, and Subjective Personal Introspection: An Illustrative Photographic Essay, *Journal of Business Research*, Vol. 59, No. 6, pp.714–725.
35. Dembitskii, S.G. (2004). *Formirovaniye sotsial'no orientirovannoj rynochnoj ekonomiki v Rossiiskoi Federatsii*. Dis... d-ra ekon. nauk: 08.00.01 – ekon. teoriya. – M.: Voennyi universitet, 519 s.
36. Fukuyama, F. (2004). *Velikii razryv*. Per. s angl. pod obshch. red. A.V. Aleksandrovoi. – M: Izd-vo: ACT: ZAO NPP «Ermak». – 474 s.
37. Chittick, W. (2007). *The Essential Seyyed Hossein Nasr*. Ed. and Introduced, Bloomington, In: World Wisdom.
38. Jordan, R.W. (1997). The Part Played by Value in the Modification of Open into Attractive Possibilities. In: Hart, J.G., Embree, L. (eds) *Phenomenology of Values and Valuing. Contributions to Phenomenology*, Vol. 28, Springer, Dordrecht.
39. Seni, D.A. (2007). *The Technological Theory of Value: Towards a Framework for Value*

- Management, Value World, Vol. 30 No. 2, pp. 1–15.
40. Rescher, N. (1982). Introduction to Value Theory, Rowman & Littlefield, Totowa.
41. Reber, M.; Duffy, A. & Hay, L. (2019). Axioms of Value. International Conference on Engineering Design, ICED19 5–8 August 2019, Delft, the Netherlands.
42. Koyenikan, I. (2016). Wealth for All: Living a Life of Success at the Edge of Your Ability. Grandeur Touch, LLC, 164 pp.
43. Pevernagie, E. (2022). "The unbreakable code". Retrieved from <https://www.goodreads.com/quotes/tag/values? page=2>. Accessed 29.5.2022

Ontological aspects of the problem of realizability of control of complex systems

Zelenskii Aleksandr Aleksandrovich

PhD in Technical Science

Leading researcher, Scientific and Production Complex "Technological Center"

124498, Russia, Moscow, Zelenograd, Shokin Square, 1, building 7

✉ zelenskyaa@gmail.com

Gribkov Andrei Armovich

Doctor of Technical Science

Senior Researcher, Scientific and Production Complex "Technological Center"

124498, Russia, Moscow, Zelenograd, Shokin Square, 1, building 7

✉ andarmo@yandex.ru

Abstract. The article deals with the management of complex systems. The general definitions of the concepts "control" and "control system" are formulated. It is stated that the control system in its basis is an information system, for which the most important characteristics are performance and rapidity. Definitions are given and differences between these characteristics are revealed. The problem of realizability of control of complex systems is stated, which consists in the necessity of providing sufficient rapidity, at which the whole necessary complex of control operations is placed in the control cycle. The relationship between the control parameters: the complexity of the control object, the duration of the control cycle and the rapidity of the control system is investigated. As a result, a number of significant dependencies are revealed: the duration of the control cycle is approximately inversely proportional to the complexity of the control object; the rapidity of the control system is approximately proportional to the square of the object complexity. It is stated that within the framework of the general theory of systems there are two main options for increasing the stability of a complex system: the option of monocentrism with a central element, or by increasing the number of links in the object. The first option does not allow increasing rapidity. The second variant of stability can be implemented in practice in the form of a decentralized system. The latter option is universally realized in living systems and is promising for the control of technical systems.

Keywords: rapidity, control cycle, decentralization, control object, entropy, complexity, realizability, control system, control, general systems theory

References (transliterated)

1. Viner N. Kibernetika i obshchestvo. M.: «Izdatel'stvo inostrannoj literatury», 1958. 200 s.
2. Shannon K. Raboty po teorii informatsii i kibernetike. M.: «Izdatel'stvo inostrannoj literatury», 1963. 830 s. S. 243-332.
3. Zelenskii A.A., Kuznetsov A.P., Ilyukhin Yu.V., Gribkov A.A. Realizuemost' upravleniya dvizheniem promyshlennykh robotov, stankov s ChPU i mekhanicheskikh sistem. Chast' 1 // Vestnik mashinostroeniya, 2022, № 11. S. 43-51.
4. Uemov A.I. Sistemnyi podkhod i obshchaya teoriya sistem. M.: «Mysl'», 1978. 272 s.
5. Eshbi U.R. Teoretiko-mnozhestvennyi podkhod k mekhanizmu i gomeostazisu / v sborn. «Issledovaniya po obshchei teorii sistem. Sbornik perevodov». M.: «Progress», 1969. 520 s. S. 398-441.
6. Zelenskii A.A., Kuznetsov A.P., Ilyukhin Yu.V., Gribkov A.A. Realizuemost' upravleniya dvizheniem promyshlennykh robotov, stankov s ChPU i mekhanicheskikh sistem. Chast' 2 // Vestnik mashinostroeniya, 2023, № 3. S. 213-220.
7. Averin G.V., Zvyagintseva A.V. O vzaimosvyazi statisticheskoi i informatsionnoi entropii pri opisanii sostoyanii slozhnykh sistem // Nauchnye vedomosti BelGU, Seriya "Matematika. Fizika", 2016, Vypusk 44, № 20 (241). S. 105-116.
8. Dulesov A.S., Semenova M.Yu., Khrustalev V.I. Svoistva entropii tekhnicheskoi sistemy // Fundamental'nye issledovaniya, 2011, № 8 (chast' 3). S. 631-636.
9. Gribkov A.A. Opredelenie vtorichnykh zakonov i svoistv ob'ektov v obshchei teorii sistem. Chast' 1. Metodologicheskii podkhod na osnove klassifikatsii ob'ektov // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke, 2023, tom 12, № 5-6A. S. 17-30.
10. Bogdanov A.A. Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka. M.: «Ekonomika», 1989.
11. Nikanova A.A. O printsipe ingressii v sistemnom mire A.A. Bogdanova, ili net proroka v svoem otechestve // Khronekonomika, 2019, № 7(20). S. 32-40.
12. Hitchins D. Putting Systems to Work. New York: Wiley, 1993. 342 p.
13. Il'yasov B.G., Saitova G.A. Issledovanie mnogosvyaznykh sistem avtomaticheskogo upravleniya slozhnymi dinamicheskimi ob'ektami na osnove paradigm B. N. Petrova // Problemy upravleniya, 2021, vyp. 3. S. 3-15.
14. Rinaldi L., Torquati M., Mencagli G., Danelutto M., Menga T. Accelerating Actor-based Applications with Parallel Patterns // Proceedings of the 27th Euromicro International Conference on Parallel, Distributed and Network-Based Processing, 2019. Pavia, Italy, 13-15 Feb. 2019.
15. Morozov S.M., Kupriyanov M.S. Aktornaya model' postroeniya neiro-nechetkikh sistem // Izv. SPbGETU «LETI», 2022, t. 15, № 5/6. S. 22-31.
16. Kalyaev I., Zaborovskii V. Iskusstvennyi intellekt: ot metafory k tekhnicheskim resheniyam // Control Engineering Rossiya, 2019, № 5 (83), s. 26-3.

Spontaneous-unconscious forms of thought processes: philosophical and psychological aspects of research

Gabdullin Il'dar Rustamovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University

460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, 13, of. 20806

✉ i.gabd@yandex.ru

Orlova Elena Valentinovna

PhD in Philosophy

Department of Philosophy, Culturology and Sociology, Orenburg State University

460022, Russia, Orenburg region, Orenburg, Vishnevaya str., 14, sq. 2

✉ orle-@mail.ru

Abstract. The subject of this study is those aspects of human mental activity that are determined by its inclusion in non-articulated and non-reflexive spheres of mental activity. The purpose of this article is to analyze the psychological and philosophical aspects of studying specific aspects of the formation and functioning of thinking as the highest cognitive ability of a person, namely in that part of this ability that manifests itself in a spontaneously unconscious form. One of the tasks that require resolution and arise in such a context is to raise the question of whether these forms of manifestation of thinking are considered only a consequence of the influence of external factors, or whether it is a necessary element of the process of their formation and functioning. Another task, due to the specifics of the chosen research subject, was the question of choosing a methodological context and prospects for further research. The methodological approaches and methods used in the course of the research involve both the theoretical developments of classical philosophy and psychology, as well as the results of modern philosophical and psychological research, which allows us to apply the so-called method of "systematic eclecticism", which partly allows us to actualize an integrated approach to such a complex field of research as the phenomenon of human consciousness. The relevance of the research is determined by the fact that despite the continuing interest in the problems of the functioning of human thinking, its origin remains insufficiently investigated in terms of its relationship with the unconscious processes of the human psyche. One of the reasons for this situation is the relative differentiation and fragmentation in methodological campaigns. As one of the main conclusions in the attempted study of the mental processes indicated by the chosen topic is the position of the inextricable connection, interdependence of conscious and unconscious acts of the psyche, and the spontaneous-unconscious form of manifestation of thinking is naturally inherent in it. As a particular conclusion based on the results of the conducted research, it is proposed to update the already existing results achieved in cognitive sciences as an interdisciplinary field of research on problems of consciousness and thinking.

Keywords: schematism, categorization, guided thinking, systematic eclecticism, spontaneous withdrawal, the unconscious, Cognitive psychology, cognitive abilities, conscience, mind

References (transliterated)

1. Kognitivnaya nauka. URL:
<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0171caea77531bf144fa0371>. / Data obrashcheniya – 10.10.2023.
2. Merkulov I. P. Epistemologiya (kognitivno-evolyutsionnyi podkhod). T. 2. SPb.: RKhGA,

2006. 416 s.
3. Olport G. Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy. M.: Smysl, 2002. 462 s.
 4. Allport, G. W. (1964). The fruits of eclecticism: Bitter or sweet? *Acta Psychologica*, 23, 27–44. [https://doi.org/10.1016/0001-6918\(64\)90073-3](https://doi.org/10.1016/0001-6918(64)90073-3)
 5. Aranson E., Uilson T., Eikert R. Sotsial'naya psikhologiya. SPb.: PRAIM-EVROZNAK, 2004. 560 s.
 6. Hermann von Helmholtz Treatise on Physiological Optics. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20180320133752/http://poseidon.sunyopt.edu/BackusLab/Helmholtz/> / Data obrashcheniya – 10.10.2023.
 7. Gel'mgol'ts G. O zrenii cheloveka; Noveishie uspekhi teorii zreniya. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2011. – 192 s.
 8. Dayan, P., Hinton, G. E., & Neal, R. (1995). The Helmholtz machine. *Neural Computation*, 7, 889–904. Retrieved from <https://www.sci-hub.ru/10.1162/neco.1995.7.5.889>. / Data obrashcheniya – 10.10.2023.
 9. Newman, L. S., & Uleman, J. S. (1989). Spontaneous trait inference. In J. S. Uleman & J. A. Bargh (Eds.), *Unintended thought* (pp. 155–188). The Guilford Press. Retrieved from <https://psycnet.apa.org/record/1989-98015-005> / Data obrashcheniya – 10.10.2023.
 10. Morozov F. M. Skhemy kak sredstvo opisaniya deyatel'nosti (epistemologicheskii analiz). M.: IF RAN, 2005. 181 s.
 11. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma. Soch.: V 8-mi t. T. 4. M.: ChORO, 1994. S. 373–565
 12. Khaidegger M. Kant i problema metafiziki / Per. s nem., posleslovie O.V. Nikiforov. M.: Logos, 1997. 143 c.
 13. Matskevich V. V. Znak skhema. // Noveishii filosofskii slovar' / Sost. i gl. n. red. Gritsanov A.A. 3-e izd., ispr. Minsk: Knizhnyi Dom, 2003. 1280 s.
 14. Sindrom Korsakova. URL: <https://renaissance-clinics.com/encyclopedia/korsakoff-syndrome> / Data obrashcheniya 10.10.2023.
 15. Mikeshina L. A. Kategorizatsiya // Gumanitarnyi portal: Kontsepty / Tsentr gumanitarnykh tekhnologii, 2002–2022. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6881> / Data obrashcheniya 18.10.2023.
 16. Balashov L. Kategorial'nyi stroi myshleniya. URL: <https://proza.ru/2013/01/20/2044> / Data obrashcheniya 18.10.2023.
 17. Mel'nikov S. A. Vvedenie v filosofiyu Aristotelya. Lektsiya: Metafizika. Uchenie o kategoriyakh. Ponyatie sushchnosti. URL: <https://magisteria.ru/aristotle-intro/ontologiya-aristotelya-kategorii> / Data obrashcheniya 05.11.2023.
 18. Ogurtsov A. P. Kategorii // Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t. / In-t filosofii RAN, Nats. obshch.-nauchn. fond; M.: Mysl', 2010. 634, [2] s.
 19. Bruner Dzh. Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoi informatsii. M.: Direktmedia Publishing, 2008. 782 s.
 20. Vasil'ev V.V. Transtsendental'naya deduktsiya kategorii // Terminy kantovskoi filosofii. URL: <https://www.rodon.org/vvv/htm.#a25>
 21. Kant I. Kritika chistogo razuma. Soch.: V 8-mi t. T. 4. M.: ChORO, 1994. 741 s.

New Transformations of the public Sphere: Contemporary Discussions in Germany

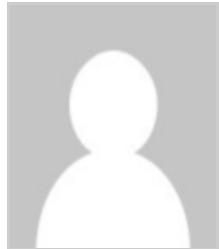
Mikhaylov Igor

PhD in Philosophy

Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12/1, office 414

✉ ia.mikhaylov@gmail.com

Abstract. The article discusses the main stages and approaches to analyzing the problem of publicity using the example of the works of Heidegger, Horkheimer, and Adorno. The reasons for the absence of a positive concept of publicity in German philosophy of the first half of the twentieth century are shown, as well as the connection between a negative attitude towards publicity and the global socio-historical pessimism of that time. The significance of the theory of publicity presented in two studies of Habermas, "Structural Changes of the Public Sphere" (1962) and publications 2021–2022, is analyzed, as well as its connection with the political theory of democracy. Habermas interprets the "public sphere" as a special space for the application of critical discourse, emerging in the era of the emergence of capitalism. If in feudal society "publicity" is identified with the state, then in the 18th–19th centuries a practice of discussions about literature is emerging, gradually expanding to a critical discussion of social processes. With the achievement by the middle of the twentieth century bourgeois society at the stage of "mass democracy" and the intervention of the state, which actively uses manipulative technologies, the rational foundations of the discourse of the public sphere give way to non-rational ones. The area of publicity becomes an area of confrontation and conflict between the interests of various social groups. New structural transformations in the sphere of publicity become noticeable in 2010–2020 and are associated with the emergence of new media, the new role of social networks. One of Habermas' main critical arguments points out that the media structure changed by digitalization may deepen contemporary problems with contemporary Western democracy and result in deepening of its crisis. Habermas' theory is contrasted against the theories of other media theorists (Marshall McLuhan, Niklas Luhmann and others).

Keywords: public sphere, capitalism, media, democracy, Adorno, Horkheimer, Heidegger, Habermas, critical theory, social theory

References (transliterated)

1. Khabermas Yu. Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva. S predloviem k pereizdaniyu 1990 goda / Per. s nem. V.V. Ivanova. M.: Ves' mir, 2016.
2. Khabermas Yu. Novaya strukturnaya transformatsiya publichnoi sfery i deliberativnaya politika / Per. S nem. T. Atnasheva, nauchn. red. T. Vaizer. M.: Novoe literatumoe obozrenie, 2023.
3. Khaidegger M. Bytie i vremya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. M.: ad Marginem, 1997.
4. Cohen H. Kleinere Schriften V. 1913–1915 / Bearb. u. eingel. v. H. Wiedebach // Hermann Cohen. Werke. Bd. 16. Hildesheim; Zürich; New Yorck: Georg Olms, 1997. XXXVI, 671 S.
5. Farías V. Largasse: Heidegger et le nazisme. Lagrasse: Editions Verdier, 1987.
6. Farías V. Heidegger und der Nationalsozialismus / Aus dem Spanischen und Französischen übers. v. K. Laermann, mit einem Vorw. v. J. Habermas. Frankfurt a.M.: S. Fischer, 1987.
7. Féher I.M. Heidegger und Kant – Heidegger und die Demokratie // Europa und die

- Philosophie. Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann, 1993. S. 105-127 (Martin-Heidegger-Gesellschaft. Schriftenreihe. Bd. 2).
8. Freudenthaler R. Habermas, Jürgen: Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik // *Publizistik*. 2023. Bd. 68. S. 389-391.
 9. Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Luchterhand, Neuwied am Rhein 1962 bis 1987 (17. Auflage), ISBN 3-472-61025-5; 1. bis 5. Auflage der Neuauflage, Suhrkamp, Frankfurt am Main 1991 bis 1995.
 10. Habermas J. *Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.
 11. Habermas J. *Postscript to Faktizität und Geltung* // *Philosophy & Social Criticism*. 1994. Vol. 20. No. 4. P. 135-150.
 12. Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit? In: Martin Seeliger, Sebastian Sevignani (Hrsg.): *Leviathan. Sonderband 37. Nomos*, Baden-Baden 2021. S. 470-500.
 13. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen: Niemeyer, 2001. 18. Aufl. XIV, 445 S.
 14. Hölscher L. *Öffentlichkeit // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Red.: W. Conze, unter Mitarbeit v. Chr. Meier. Bd. 4 (1978) Mi-Pre. S. 413-467.
 15. Normative Paradoxien. Verkehrungen des gesellschaftlichen Fortschritts / Hrsg. v. A. Honneth, K.-O. Maiwald, S. Speck, F. Trautmann. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 2022. 405 S.
 16. Horkheimer M. *Gesammelte Schriften*. Bd. 5: "Dialektik der Aufklärung" und Schriften 1940-1950. Frankfurt a.M.: S. Fischer, 1987.
 17. Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2022.
 18. Jaspers K. *Notizen zu Martin Heidegger* / Hrsg. v. H. Saner. München; Zürich: Pieper, 1978.
 19. Kierkegaard S. *Die Schriften über sich selbst*. Düsseldorf; Köln: Diederichs, 1964. XVI, 176 S.
 20. Kohler G. *Öffentlichkeit // Neues Handbuch philosophischer Grundbegriffe*. Begr. v. H. Krings, H.M. Baumgartner u. Chr. Wild ; neu hrsg. v. P. Kolmer, A.G. Wildauer. Bd. 2 (Gerechtigkeit - Praxis). Freiburg. i. Br.; Mu"nchen: Karl Alber, 2011. S. 1663-1675.
 21. Welche Öffentlichkeit brauchen wir? Zur Zukunft des Journalismus und demokratischer Medien. Wiesbaden: Springer VS, 2023.
 22. Lewandowsky M. *Populismus. Eine Einführung*. Wiesbaden: Springer VS, 2022. 196 S.
 23. Löwith K. *Heidegger – Denker in dürftiger Zeit // Löwith K. Sämtliche Schriften*. Stuttgart: J.B. Metzler, 1984. Bd. 8: Heidegger – Denker in dürftiger Zeit. S. 124-163.
 24. Luhmann N. *Die Realität der Massenmedien*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. 2., erw. Aufl.
 25. Mielke B., Wolff Chr. *Gerichtsverfahren und der Strukturwandel der Öffentlichkeit durch digitale Medien // Transparenz*. Proceedings 17. Internationales Rechtsinformatik-Symposion Salzburg (IRIS 2014) / Eds: E. Schweighofer, F. Kummer, W. Hötzendorfer. Wien: Österreichische Computer-Gesellschaft (ÖCG), 2014.
 26. Noelle-Neumann E. *Öffentliche Meinung. Die Entdeckung der Schweigespirale*. Berlin; Frankfurt a. M.: Ullstein, 1996.
 27. Ott H. *Martin Heidegger. Unterwegs zu seiner Biographie*. Frankfurt a.M.: Campus

- Verl., 1988.
28. Ott H. Martin Heidegger. A Political Life. London: Harper Collins, 1993.
 29. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1957. Hf. 1. S. 44–62.
 30. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik: die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München: dtv Verlagsgesellschaft, 1978.

"Social question" in political philosophy of N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov and S.L. Frank: comparative analysis of concepts

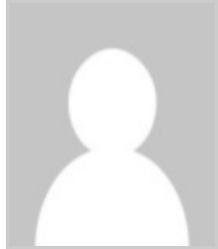
Podolskiy Vadim

PhD in Politics

Researcher, Department of History of Political Philosophy, RAS Institute of Philosophy

12 Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russia

✉ deomniscibili@yandex.ru

Abstract. The difference in organizational forms in social policy is caused by different economic and political reasons and different political and philosophical approaches to social problems. The hierarchy of values defines opinions on the social question and ideas about the appropriate architecture of social policy. The decisions that laid the foundations for social policy in Europe were made in the late 19th and early 20th centuries, and their logic resembles the philosophy of the "Christian socialism" most. The purpose of the article is to identify and compare the attitude of Russian authors who were closest to Christian socialism towards the social question and their approaches to solving it. The key works of the authors on the social question were studied. The comparative historical approach, hermeneutics, discourse analysis, and institutional analysis were used. All authors tend to problematize both the social question and its' solutions, rather than offer their own proposals. All three talk about the importance of human internal development and criticize socialist ideas about environmental determinism and human renewal through mechanical reorganization of the economy. All authors moved from Marxism to its criticism, although Berdyaev's views shifted in his later works to the left, to the most radical position of the three thinkers, to the conviction that capitalism has to be abolished, which he blames for oppression and exploitation. Bulgakov sympathizes with the logic of economic organization in socialism, but considers it possible to change economic relations while maintaining the political system. Frank is convinced that limited social reforms within the framework of a market economy are sufficient to provide social support to those in need. Berdyaev and Bulgakov think that justice is the most important value, while Frank thinks that duty is. Berdyaev and Bulgakov follow the key arguments of Christian socialism, and Frank - those of liberal conservatism.

Keywords: justice, capitalism, social ideal, social question, conservatism, christian socialism, social policy, Frank, Bulgakov, Berdyayev

References (transliterated)

1. Alontseva D.V. Gosudarstvenno-pravovye vzglyady Bulgakova. Moskva: Prospekt, 2019. 144 s.
2. Alyaev G.E. Semen Frank. Sankt-Peterburg: Nauka, 2017. 255 s.

3. Berdyaev N.A. Katekhizis marksizma // Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900-1906 gg.). Moskva: Reabilitatsiya, 2002. S. 99-104.
4. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. Moskva: Nauka, 1990. 224 s.
5. Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva. Moskva: Institut russkoi tsivilizatsii, 2012. 624 s.
6. Berdyaev N.A. Khristianstvo i sotsial'nyi stroi (otvet S.L. Franku) // Put'. 1939. № 60. S. 33-36.
7. Bulgakov S.N. O rynkakh pri kapitalisticheskem proizvodstve: teoreticheskii etyud. Moskva: Tipografiya A.G. Kol'chugina, 1897. 260 s.
8. Bulgakov S.N. O sotsial'nom moralizme (T. Karleil') // Dva grada. Issledovaniya o prirode obshchestvennykh idealov. Sankt-Peterburg: Izdatel'stva Olega Abyshko, 2008. S. 109-147.
9. Bulgakov S.N. Sotsial'noe mirovozzrenie Dzh. Reskina // Voprosy filosofii i psichologii. 1909. V. S. 395-436.
10. Bulgakov S.N. Filosofiya khozyaistva // Sochineniya v 2-kh tomakh. T.1. Moskva: Nauka, 1993. S. 49-297.
11. Bulgakov S.N. Khristianstvo i sotsializm. Moskva: Tipografiya tovarishchestva Ryabushinskikh, 1917. 46 s.
12. Bulgakov S.N. Khristianstvo i sotsial'nyi vopros // Dva grada. Issledovaniya o prirode obshchestvennykh idealov. Sankt-Peterburg: Izdatel'stva Olega Abyshko, 2008. S. 197-219.
13. Demin I.V. Khristianstvo i «sotsial'nyi vopros» v filosofskoi publitsistike N.A. Berdyaeva i S.L. Franka // Solov'evskie issledovaniya. 2021. Vypusk 3(71). S. 135-153.
14. Kulyaskina I.Yu. Problema sotsializma v russkoi religioznoi filosofii kontsa XIX – pervoi poloviny XX v.: N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, S.L. Frank. Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet, 2001. 192 s.
15. Makarova A.F. Aristokraticheskii sotsializm Nikolaya Berdyaeva // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2021. Tom 22. № 2. S. 208-220.
16. Petrunin V.V. O nekotorykh osobennostyakh sotsial'no-politicheskoi filosofii S. L. Franka // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 3 (141). S. 27-32.
17. Frank S.L. Demokratiya na rasput'e // Izbrannye trudy. Moskva: ROSSPEN, 2010. S. 163-168.
18. Frank S.L. Dukhovnye osnovy obshchestva. Moskva: Respublika, 1992. 511 s.
19. Frank S.L. Krushenie kumirov // Izbrannye trudy. Moskva: ROSSPEN, 2010. S. 192-258.
20. Frank S.L. Problema «khristianskogo sotsializma» // Put'. 1939. № 60. S. 18-32.
21. Frank S.L. Teoriya tsennosti Marks'a i ee znachenie. Kriticheskii etyud // Polnoe sobranie sochinenii. Tom 1: 1896-1902. Moskva: Izdatel'stvo PSTGU, 2018. S. 163-428.
22. Khorie Kh. Byl li «sotsializm» idealom svyashchennika Sergiya Bulgakova v pervom desyatiletii KhKh veka? // Vestnik PSTGU 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2016. Vyp. 2 (64). S. 57-72.
23. Shumskoi A.V. Kriticheskii marksizm Nikolaya Berdyaeva (1890-e – nachalo 1900-kh gg.) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2016. № 1 (31). S. 95-102.

Features of the use of critical thinking skills in countering

manipulation in modern communication.

Katunin Aleksandr Viktorovich

Junior Scientific Associate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation

 alexandrkatunin@gmail.com

Abstract. The subject of the study is critical thinking. The article is devoted to the study of the role of critical thinking in modern communication conditions. Particular attention is paid to the peculiarities of using critical thinking skills in countering manipulative influences both in the professional sphere and in personal communicative interaction. The article substantiates that critical thinking is one of the most important skills in the modern world; the importance of critical thinking skills for effectively processing large amounts of incoming information, as well as for building successful communication, is clarified; the specifics and features of the application of critical thinking skills in the context of communicative interaction are considered; the role of logical as well as rhetorical components in communication is substantiated; options for countering communicative manipulations and incorrect communicative influences are proposed. The article uses methods of comparative analysis, contextual analysis, synthesis, generalization, classification, as well as the logical method. The article proposes a division of communicative goals according to the type of statements. Particular attention is focused on analyzing the situation of the motivating communicative goal. The article clarifies the meaning of the following concepts: communication, 4K competencies, critical thinking, non-critical thinking, manipulation, logical, psychological and rhetorical argumentation strategies, communicative purpose, rhetoric, ad hominem arguments, ad rem arguments, deductive inferences, inductive inferences. The article proposes methods and tools for strengthening the skills of building effective communicative interaction. Methods of countering manipulative communicative influences are also analyzed both from the point of view of logical science and rhetorical skill. The article will be useful for both undergraduate and graduate students studying rhetoric, argumentation theory, communication techniques, and a wide range of readers.

Keywords: 4K competencies, arguments ad rem, arguments ad hominem, logics, manipulations, Communication, Communicative goal, Uncritical thinking, Critical thinking, rhetoric

References (transliterated)

1. Getmanova A.D. Uchebnik logiki. So sbornikom zadach: uchebnik / A.D. Getmanova. – 8-e izd., pererab. – M.: KNORUS, 2011. – 368 s.
2. D'yakov A.V. Kriticheskoe myshlenie kak sredstvo zashchity ot manipulyatsionnogo vozdeistviya. Mirovozzrencheskie osnovaniya kul'tury sovremennoi Rossii. sbornik nauchnykh trudov IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tom Vypusk 9. 2018 Izdatel'stvo: Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G.I. Nosova (Magnitogorsk). S. 51-54.
3. Kaneman D. Dumai medlenno... Reshai bystro. M.: AST, 2019. 653 s.
4. Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem. (Seriya: Iстория России. Современный взгляд). M.: Algoritm, 2000. – 735 s.
5. Katunin A. V. O nekotorykh vidakh manipulyativnoi argumentatsii i sposobakh protivodeistviya im // Polilog/Polylogos. – 2020. – T. 4. – № 4. URL: <https://polylogos.ru>

- journal.ru/s258770110013077-6-1/. DOI: 10.18254/S258770110013077-6
6. Katunin A.V. Nekorrektne argumenty kak kommunikativnaya tekhnologiya: vidy, osobennosti, sposoby protivodeistviya // Filosofskaya mysl'. – 2021. – № 12. – S. 15-32. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.12.37197 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37197
 7. Nikiforov A.L. Obshchedostupnaya i uvelikatel'naya kniga po logike, soderzhashchaya ob'emnoe i sistematiceskoe izlozhenie etogo predmeta professorom filosofii. M.: Gnozis, 1995. – 224 s.
 8. Nikiforov A.L. Izbrannye filosofskie sochineniya. Tom 1. – M.: Veche, 2023. – 736 s.
 9. Chatfield T. Kriticheskoe myshlenie: Analizirui, somnevaysya, formirui svoe mnenie. M.: Al'pina Publisher, 2019. – 328 s.
 10. Shefner V. Slova / Russkaya poeziya. URL: <https://rupoem.ru/shefner/mnogo-slova.aspx> (data obrashcheniya: 01.11.2022).
 11. Shchukin A. N., Azimov E. G. Kommunikativnaya tsel'. / Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam). – M.: Izdatel'stvo IKAR. [Elektronnyi resurs]. 2009. URL: https://methodological_terms.academic.ru/666/KOMMUNIKATIVNAYA_TsEL (data obrashcheniya: 01.11.2022).
 12. Epshtein M. N. Ideologiya i yazyk (Postroenie modeli i osmyshlenie diskursa) // Voprosy yazykoznaniya. – 1991. – № 6. – S. 19-33.

On the question of the dialectic of scientific knowledge in russian philosophy: the problem of reflection

Sverguzov Anver Tyafikovich

PhD in Philosophy

Associate professor, Department of Philosophy and History of Science, Kazan National Research Technological University

68 K.Marx Street, Kazan, 420015, Russia, Republic of Tatarstan

✉ atsverguzov@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the phenomenon of reflection in the structure of the mechanisms of scientific cognition. The results of studying the phenomenon obtained within the framework of Russian philosophy in different periods of its development – the Soviet and modern stages – are compared. Attention is drawn to the fundamental nature of the research results of scientific reflection obtained during the Soviet period of philosophy development. In the philosophy of that period, the concept of reflection was proposed, which remained outside the field of view of modern research. A feature of the subject of the Soviet concept is the identification of two aspects of scientific reflection – the relationship between reflection and rationality, as well as the relationship between the meaning-setting and meaning-revealing functions of reflection. The subject of modern domestic research is influenced by the Western tradition. Its characteristic feature is the isolation of reflexive thinking on oneself or, in Soviet terminology, the reduction of scientific reflection to a semantic function. The research method is a dialectical-materialistic approach. The peculiarity of the study is the use of internal contradictions of reflection. The novelty of the work is characterized by the application of the results of Soviet dialectical-materialistic research to modern analysis. It is shown that the modern discussion of this problem is in a dialectical context, constituted by the framework of interrelated opposites. The idea is expressed that the dialectical-materialistic approach

continues to be fundamental and is an adequate method of considering reflection. In particular, the dialectical-materialistic methodology will contribute to overcoming, in the words of one of the modern researchers, the "epistemological impasse" with which he characterizes the results of modern study. The conclusion is made about the need to resume dialectical research.

Keywords: neopositivism, postpositivism, rationality, meaning - setting function of reflection, semantic function of reflection, reflection, strong STS program, dialectical-materialistic approach, philosophy of science, Russian philosophy

References (transliterated)

1. Yudin B.G. Metodologicheskii analiz nauki kak napravlenie izucheniya nauki. M.: Nauka, 1986.
2. Ogurtsov A.P. Al'ternativnye modeli analiza soznaniya: refleksiya i ponimanie // Problemy refleksii: sovremennye kompleksnye issledovaniya. Novosibirsk: Nauka, 1987. S. 13-19.
3. Shvyrev V.S. Analiz nauchnogo poznaniya: osnovnye napravleniya, formy, problemy. M.: Nauka, 1988.
4. Bazhanov V.A. Nauka kak samopoznayushchaya sistema. Kazan': KGU, 1991.
5. Bazhanov V.A. Ob analize fenomena refleksii v nauke v otechestvennoi filosofii i v sil'noi programme STS // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2022. T. 59. № 4. S. 31-37.
6. Sverguzov A.T. Filosofiya nauki: dialektika fenomena refleksii // Aktual'nye problemy analiticheskoi epistemologii: sbornik statei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii / nauch. red. i sost. V.A. Bazhanov, N. G. Baranets. – Ul'yanovsk: UIGU, 2023. S. 44-49.
7. BonJour L., Sosa E. *Epistemic Justification: Internalism vs. Externalism, Foundations vs. Virtues*. Wiley-Blackwell Press, 2003.
8. Kronblith H. *On Reflection*. Oxford University Press, 2012.
9. Bloor, D. *Knowledge and Social Imagery*. Chicago: The University of Chicago Press, 1976.
10. Ashmore, M. Reflexivity in Science and Technology Studies // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, 2nd edition, vol. 20. Oxford: Elsevier Press, 2015, Pp. 93-97.
11. Novoselov M.M. Abstraktsiya v labirintakh poznaniya. Logicheskii analiz. M.: Ideya-press, 2005.
12. Soros, G. General Theory of Reflexivity, *Financial Times*. 2009. October 27.
13. Vasilev, V. Refleksiya kak prikladnaya problema psichologii // Kul'turno-istoricheskaya psichologiya. 2016. № 3. S. 217-225.
14. Davis, J.B. & Wade Hands, D. (eds) *Reflexivity and Economics. George Soros's Theory of Reflexivity and Methodology of Economic Science*. Routledge, 2017.
15. Lepskii V.E. Refleksivnost' v upravlenii sotsial'nyimi sistemami // Filosofiya nauki i tekhniki. 2021. № 2. S. 127-147.
16. Stolyarova O.E. Kto issleduet issledovaniya nauki i tekhniki? O printsipe refleksivnosti s empiricheskoi i teoreticheskoi tochek zreniya // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2022a. T. 59. № 4. S. 21-30.
17. Stolyarova O.E. Filosofskaya refleksiya: epistemologicheskaya problema i ontologicheskoe reshenie // Transtsendental'nyi poverot v sovremennoi filosofii-7. Epistemologiya, kognitivistika i iskusstvennyi intellekt: Sbornik tezisov

- mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21–23 aprelya 2022 goda. M.: RGGU, 2022b. S. 81-82.
18. Stolyarova O.E. Ob universal'nosti filosofskoi refleksii: otvet opponentam // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2022v. T. 59. № 4. S. 50-54.
 19. Porus V.N. Sleduet li filosofskaya refleksiya osnovanii nauchnykh issledovanii printsipu empirizma? // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2022. T. 59. № 4. S. 44-49.
 20. Pirozhkova S.V. Filosofiya i issledovaniya nauki i tekhniki: problema vzaimootnoshenii // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2022. T. 59. № 4. S. 38-43.

Comparative analysis of the philosophical and historical views of S.L. Frank and V.V. Zenkovsky

Zheng Yang

Graduate student of the Department History of Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba (RUDN University)

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10/2

✉ chzhen.yan@bk.ru

Abstract. The purpose of the article is a comparative analysis of the historiosophical views of S. L. Frank and V. V. Zenkovsky, which were based on specific ontognoseological concepts about the essence of being and the possibilities for a creative person to comprehend it. Based on the ideas about the place and role of man in natural and socio-historical processes characteristic of Christian personalism, thinkers, interpreting the concepts of creation and the Fall in different ways, came to dissimilar conclusions about the practical meanings of the cognitive and transformative activity of the individual. When conducting the study, comparative analysis methods were used, which involved a reasoned and consistent identification of the similarities and differences in the historiosophical positions of S. L. Frank and V. V. Zenkovsky, as well as hermeneutical methods used to better understand the semantic content of their texts. The author of the article, having consistently examined the views of S. L. Frank and V. V. Zenkovsky on evolution, social utopianism, conciliarity, on the place and role of the Church in the socio-historical process and on the eschatological perspective of humanity, comes to the conclusion that, despite the fact that both philosophers have significant disagreements regarding their solution to the problem of theodicy, the theme of overcoming evil in the world is fundamental for their philosophical and historical constructions. However, due to the incompatibility of their ideological approaches, the difference in the ontognoseological ideas of philosophers about the types of connection between the Absolute and the created world (essential and beneficial) and about the cognitive capabilities of man affected their understanding of both the goal of historical development and the methodology for achieving it.

Keywords: utopianism, transcendentalism, panentheism, theodicy, eschatology, historiosophy, ontognoseology, Vasily Vasilievich Zenkovsky, Semyon Ludwigovich Frank, evolution

References (transliterated)

1. Frank S. L. Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu // Predmet znaniiya. Dusha cheloveka. Mn.: Kharvest, M.: AST, 2000. S. 633-990.
2. Zen'kovskii V. V. Uchenie S. L. Franka o cheloveke // Sobranie sochinenii v 2-kh tt. T.

1. M.: Russkii put', 2008. S. 185-194.
3. Frank S. L. Real'nost' i chelovek. Metafizika chelovecheskogo bytiya // S nami Bog: sbornik trudov. M.: AST, 2003. S. 133-438.
4. Zen'kovskii V. V. Istorya russkoi filosofii. V 2-kh tomakh. T. 2. Rostov n/D.: Feniks, 1999. 544 s.
5. Frank S. L. Smysl zhizni. M.: AST, 2004. 157 s.
6. Florovskii G., prot. Svidetel'stvo Istiny. Sbornik statei. SPb.: Dukhovnoe nasledie, 2017. 484 s.
7. Zen'kovskii V.V. Osnovy khristianskoi filosofii. M.: Kanon+, 1997. 560 s.
8. Eliade M. Svyashchennoe i mirskoe. M.: Ladamir, 2000. 414 s.
9. Solov'ev V. S. Sochineniya v 2-kh tomakh. T. 2. M.: Mysl', 1990. 822 s.
10. Dorokhina D. M. Politicheskii aspekt ontologii S. L. Franka : avtoref. diss. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. Moskva: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2020. 27 s.
11. Frank S.L. Eres' utopizma // Russkoe mirovozzrenie: sbornik trudov. SPb.: Nauka, 1996. S. 72-86.
12. Bubbaier F. Sravnitel'nyi analiz vozzrenii Semena Franka i Frenka Bukhmana // Ideinoe nasledie S.L. Franka v kontekste sovremennoi kul'tury / Pod red. VI. Porusa. M.: BBI, 2009. S. 229-247.
13. Tikhomirov L. A. Khristianstvo i politika. M.: GUP «Oblizdat», TOO «Apir», 1999. 616 s.
14. Zen'kovskii V. V. Russkie mysliteli i Evropa. M.: Respublika, 1997. 368 s.
15. Frank S. L. S nami Bog. Tri razmyshleniya // S nami Bog: sbornik trudov. M.: AST, 2003. S. 439-744.
16. Frank S. L. Russkoe mirovozzrenie // Russkoe mirovozzrenie: sbornik trudov. SPb.: Nauka, 1996. S. 161-195.
17. Pravoslavnyi molitvoslov i Psaltir'. M.: Izdanie Moskovskoi Patriarkhii, 1988. 256 s.
18. Zen'kovskii V. V. Pravoslavie i russkaya kul'tura // Sobranie sochinenii v 2-kh tt. T. 2. M.: Russkii put', 2008. S. 87-126.
19. Zen'kovskii V. V. Nasha epokha // Sobranie sochinenii v 2-kh tt. T. 2. M.: Russkii put', 2008. S. 402-449.
20. Frank S. L. Dukhovnye osnovy obshchestva: Sochineniya. M.: Respublika, 1992. 511 s.
21. Frank S. L. Sochineniya. M.: Pravda, 1990. 608 s.
22. Motroshilova N. V. Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada (V. Solov'ev. N. Berdyaeve. S. Frank. L. Shestov). M.: Respublika, Kul'turnaya revolyutsiya, 2007. 477 s.
23. Zen'kovskii V. V. Svoboda i sobornost' // Sobranie sochinenii v 2-kh tt. T. 2. M.: Russkii put', 2008. S. 161-183.
24. Zen'kovskii V. V. Ob obraze Bozhiem v cheloveke // Sobranie sochinenii v 2-kh tt. T. 2. M.: Russkii put', 2008. S. 262-284.
25. Elen P. Semen L. Frank: Filosof khristianskogo gumanizma. M.: Ideya-Press, 2012. 304 s.
26. Frank S.L. Religiozno-istoricheskii smysl russkoi revolyutsii // Russkoe mirovozzrenie: sbornik trudov. SPb.: Nauka, 1996. S. 119-136.

The connection of mathematics and logic in the structure of axiomatized and formalized theories

Chechetkina Irina Igorevna

PhD in Chemistry

Associate professor, Department of Philosophy and History of Science, Kazan National Research Technological University

420097, Russia, respublika Tatarstan, g. Kazan', ul. Dostoevskogo, 74 A, of. 1

✉ iralena@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to study the relationship between logic and mathematics in the structure of axiomatized and formalized scientific theories. The object of the study is the explication of this connection and its explanation. The subject of the study is syntactic and semantic views on the structure of scientific theories, the relationship between logic and mathematics has not been studied in detail in them. In the syntactic view, the structure of the theory is understood as a linguistic construct build from various logical propositions of the theoretical level, correspondence propositions and observation propositions. The structure of the theory does not take into account the variety of model representations of the theory that generate a variety of language constructs. The semantic view overcomes this disadvantage, and in it the structure of the theory is presented as a hierarchy of models: from axioms to theoretical-level models, experimental models and data models. The structure of the theory, the connection of logic and mathematics were studied using comparative analysis, methods of interpretive analysis and reconstruction of scientific theories. The methods made it possible to explicate mathematical concepts in the structure of the theory and correlate them with logic and natural language. Comparative analysis has shown that in the syntactic view, the connection between logic and mathematics lies in the fact that mathematical concepts of physics are interpreted in the language of logic of first-order predicates with equality. The connection between mathematical concepts is provided by the axiomatic method, which serves as a means of formalizing concepts. Mathematics comes down to logic. In the semantic approach, in order to identify the connection between mathematics and logic, it was necessary to reconstruct the structure of non-relativistic quantum mechanics. With the help of the set-theoretic predicate of Suppes, its axioms were determined, the connection between mathematical structures, postulates of the theory, axioms, and observable quantities was established. Logic and mathematics are related to each other in such a way that metamathematics or linguistics is a part of mathematics. Mathematics includes set theory and model theory, i.e. mathematical logic. The connection of mathematical formalisms with phenomena and with natural language remains problematic, and there is this drawback in the syntactic approach. The novelty lies in the fact that the research contributes to the methodology and logic of science, to the explanation of the connection between logic and mathematics in scientific theory, which was illustrated by various examples from various fields of physics.

Keywords: structure of the theory, formalization, the axiomatic method, logic, mathematics, semantic view, syntactic view, methodology of science, set-theoretic predicate, model

References (transliterated)

1. Weisberg, M. *Simulation and Similarity: Using Models to Understand the World* (Oxford Studies in Philosophy of Science). Oxford: Oxford University Press. 2013. 224 p.
2. Tanona, S. (2002) Idealization and formalism in Bohr's approach to quantum theory // *Philosophy of Science*. 2004. Vol. 71. No 5. P. 683–695. DOI <https://doi.org/10.1086/425233>
3. Newton, I. *Opticks, or, a treatise of the reflections, refractions, inflections colours of*

- light. Alexandria: Library of Alexandria. 2020. 414 p.
4. Hilbert, D. From Frege to Gödel: A Source Book in the Mathematical Logic. Harvard: Harvard University Press. 1967. 664 p.
 5. Beklemishev, L. D. Matematika i logika / L. D. Beklemishev // Matematicheskaya sostavlyayushchaya / pod red. N. N. Andreeva i [dr.]. M.: Matematicheskie etyudy. 2019. S. 242-261.
 6. Hempel, C. The Theoretician's Dilemma. Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1958. No 2, P. 37-98.
 7. Reichenbach, H. Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge. Chicago: University of Chicago Press. 1938. 410 p.
 8. Carnap, R. On Protocol Sentences // *Nous*. 1987. Vol 21. No 4, P. 457-470.
 9. Friedman, M. Foundations of Space-Time Theories: Relativistic Physics and Philosophy of Science, Princeton: Princeton University Press. 1983. 385 p.
 10. Friedman, M. Carnap on Theoretical Terms: Structuralism without Metaphysics // *Synthese*. 2011. No 2. P. 249-263.
 11. Van Fraassen, B. The scientific image. New York: Oxford University Press. 1980. 235 p.
 12. Suppes, P. What is a Scientific Theory? In *Philosophy of Science Today*, New York: Basic Books. 1967. P. 55-67.
 13. Suppes, P. Introduction to Logic. New York: Courier Corporation. 2012. 336 p.
 14. Krause, D., Arenhart, J. R. B. The Logical Foundations of Scientific Theories: Languages, Structures, and Models, New York and London: Routledge. 2017. 162 p.
 15. Van Fraassen, B. Theory Construction and Experiment: An Empiricist View // *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 1980. No 2. P. 663-678. DOI: 10.1086.
 16. Suppe, F. Understanding Scientific Theories: An Assessment of Developments, 1969-1998 // *Philosophy of Science*. 2000. Vol. 67. No 3. 115 p.p. DOI 10.1086/392812.
 17. Sneed, J. The logical structure of mathematical physics. London: Reidel, 1979, 320 p.p.
 18. Da Costa, N., French, S. Science and Partial Truth: A Unitary Approach to Models and Scientific Reasoning. Oxford: Oxford University Press. 2003. 272 p.
 19. Giere, R. An Agent-based Conception of Models and Scientific Representation // *Synthese*. 2010, Vol. 172. No 2. P. 269-281. DOI 10.1007/s11229-009-9506-z
 20. Da Costa, N. Ensaio sobre os fundamentos da lógica Editora Hucites: Editora da Universidade de São Paulo, 1980, 255 p.p.
 21. Arkhireev, N. L. Osnovy teoretiko-mnozhestvennoi strategii formalizatsii i aksiomatizatsii nauchnogo znaniya // *Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. 2017. T. 2, № 12. S. 26-29.
 22. Suppe F. The semantic conception of theories and scientific realism. Chicago: University of Illinois Press. 1989. 475 p.
 23. Van Fraassen, B. Scientific Representation: Paradoxes of Perspective. New York: Oxford University Press, 2008. P. 257-258.
 24. Ladyman, J., Suárez, M., van Fraassen, B. A Long Journey from Pragmatics to Pragmatics // *Metascience*. 2011. Vol. 20. No. 3. P. 417-442. DOI: 10.1007/s11016-010-9465-5.

External analogies in social and philosophical knowledge: prospects and limitations of the approach

Komissarov Ivan Igorevich

PhD in Philosophy

Associate Professor at the Department of Philosophy, Russian University of Transport

127994, Russia, Moscow, Obraztsova str., 9 p. 9

✉ ivekomiss@gmail.com

Abstract. The subject of research concerns the social models which are constructed by using external analogies. External social analogies imply a reference to an object that is studied within the framework of a science being external to social knowledge (biology, physics, psychology, etc.). Specifically, biological (organic), biomechanical, as well as psychological and psychoanalytic varieties are analyzed. Biological analogies are represented by the models of H. Spencer and Yu. I. Semenov. Biomechanical models include the concepts of Th. Hobbes, J. O. de La Mettrie, É. Durkheim, N. I. Kareev and A. Fouillée. External psychological and psychoanalytic analogies are approached in the works of G. Tarde, S. Freud, E. Fromm, G. Deleuze and F. Guattari. Particular attention is paid to critical remarks regarding these concepts, which determines the limitations of the considered method. Classification of existing socio-philosophical models is used as method in the research. Classification criterion is the type of external analogies that is used in the construction of these concepts. As a result, prospects and limitations of the considered method were identified. Namely, the effectiveness of external analogies in social and philosophical research objectively depends on how well this "external" science itself corresponds to reality. The other side of the problem lies in the abuse of analogies themselves: introduction of excessive terminology, speculative parallelisms, misusage of special scientific terms, which ultimately leads to difficulties in understanding the social and philosophical model itself. At the same time, the following prospects of the considered method are pointed out. Firstly, in the case of emergence of a new science or revolution in the domain of existing one, their objects or results could be used as sources for external analogies in the construction of a new social model. Secondly, existing external social analogies could be reused in other fields of knowledge.

Keywords: schizophrenogenic social production, schizoid self-alienation, sane society, social psychoanalysis, organic solidarity, mechanical solidarity, plant-man, social organism, social model, external analogies

References (transliterated)

1. Komissarov I.I. Vneshnie i vnutrennie analogii v sotsial'no-filosofskom poznaniii v kontekste problemy gomogennosti-geterogennosti obshchestv // Filosofskaya mysl'. 2023. № 11. S. 65–77.
2. Komissarov I.I. Vneshnie analogii v sotsial'no-filosofskom modelirovaniii: raznosteronnost' podkhoda // Filosofiya i obshchestvo. 2019. № 2 (91). S. 62–78.
3. Nekhamkin V.A. Vneshnie analogovye modeli v sotsial'nom poznaniii: prichiny vozniknoveniya, tipologiya, perspektivy ispol'zovaniya // Sotsium i vlast'. 2019. № 1 (75). S. 21–30.
4. Semenov Yu.I. Filosofiya istorii. (Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dnei). Moskva: Sovremennye tetradi, 2003.
5. Semenov Yu.I. Problema sotsial'noi real'nosti // Filosofiya i obshchestvo. 2015. № 3–4 (77). S. 51–75.
6. Weber M. Economy and society: an outline of interpretive sociology. Berkley, Los

- Angeles, and London: University of California Press, 1978.
7. Comte A. Cours de philosophie positive. T. 4. La Philosophie sociale et les conclusions générales. Paris: Bachelier, 1839.
 8. Spencer H. The social organism // Spencer H. Essays: scientific, political, & speculative. Vol. 1. London: Williams and Norgate, 1891. Pp. 265–307.
 9. Worms R. Organisme et société. Paris: Giard & Brière, 1896.
 10. Schäffle A. Bau und Leben des sozialen Körpers. B. 1. Tübingen: Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung, 1875.
 11. Lilienfel'd-Toal' P.F. Mysli o sotsial'noi nauke budushchego: Chelovecheskoe obshchestvo kak real'nyi organizm. Moskva: Librokom, 2012.
 12. Samokhin A.V. Kniga Yu.I. Semenova «Filosofiya istorii» i kritika global'no-stadial'noi kontseptsii // Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. 2013. № 4. S. 90–100.
 13. Tarasov A.N. Opyat' tupik: Yu.I. Semenov. Politarnyi («aziatskii») sposob proizvodstva: sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii // Pushkin. 2009. № 4. S. 121–125.
 14. Hobbes Th. The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury. Vol. III. Leviathan, or the matter, form, and power of a commonwealth ecclesiastical and civil. London: John Bohn, 1839.
 15. La Mettrie J.O. de. Man as plant // La Mettrie J.O. de. Machine man and other writings. Cambridge University Press, 1996. Pp. 75–88.
 16. Durkheim É. The Division of Labor in Society. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
 17. GOST 28780—90. Klei polimernye. Terminy i opredeleniya. Moskva: Gosstandart, 1991.
 18. Kareev N.I. Osnovnye voprosy filosofii istorii. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1897.
 19. Fouillée A. La science sociale contemporaine. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1885.
 20. Tard G. Sotsial'naya logika. Sankt-Peterburg: Sotsial'no-psikhologicheskii tsentr, 1996.
 21. Freud S. The ego and the id. New York & London: Norton & Company, 1989.
 22. Freud S. Totem and Taboo. London & New York: Routledge, 2001.
 23. Freud S. Civilization and its discontent. New York: Norton & Company Inc., 1962.
 24. Freud S. The future of an illusion. New York: Norton & Company Inc., 1961.
 25. Fromm E. The Sane Society. London and New York: Routledge, 1991.
 26. Deleuze G., & Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000.
 27. Deleuze G., & Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005.
 28. Sokal A., & Bricmont J. Fashionable nonsense: Postmodern intellectuals' abuse of science. New York: Picador, 1999.
 29. Bowler P.J. Herbert Spencer and Lamarckism // Herbert Spencer: Legacies. London and New York: Routledge, 2015. Pp. 203–221.
 30. Offer J. Herbert Spencer, Sociological Theory, and the Professions // Frontiers in Sociology. 2019. Vol. 4. No. 77. doi: 10.3389/fsoc.2019.00077
 31. Popper K. Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. London and New York: Routledge, 2002.
 32. Kupfersmid J. Does the Oedipus complex exist? // Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training. 1995. Vol. 32. No. 4. Pp. 535–547.
 33. Block N. Troubles with Functionalism // Minnesota Studies in Philosophy of Science.

- Vol. IX. Perception and Cognition Issues in the Foundation of Psychology. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1978. Pp. 261-325.
34. Ivanov D.V. Argument ot otsutstviya kvalia // Voprosy filosofii. 2011. № 12. S. 139-149.

The Corporeity Discourse and the Body “Arguments” in Fyodor Dostoevsky’s Works

Martseva Anna Vladimirovna

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

 martseva@mail.ru

Abstract. The subject of this research is the discourse on the body and corporeity in Dostoevsky’s works on the example of four out of his “five greatest novels”. The questions of the body and corporeity are often eliminated in philosophical studies of Dostoevsky’s works which allows researchers to conceptualize the content of his novels more easily. This tradition and its inconsistency can be revealed through a brief historiographical review. The author of the article, on the contrary, regards the corporeity as an important part of Dostoevsky’s philosophical and anthropological ideas. Thus, two main aspects of the discourse on the body and corporeity found in various proportions in the writer’s works: 1) corresponds with materialistic philosophical anthropology, and 2) matches the Christian patristic anthropological tradition. In addition, the article describes Dostoevsky’s non-formalizability of corporeity which stands above the materialistic interpretations of the man and the standardized, not problematized body. This is achieved through cultural and historical, biographical and ideological contexts of Dostoevsky’s writings. The hermeneutic analysis of the four novels texts provides an opportunity to briefly outline the concept of the body and corporeity understanding. Thus, the author identifies three modes of corporeity underlying the body problematization in Dostoevsky’s novels: the scientific mode, the otherness mode, and the religious mode (based on the anthropological tradition of Eastern Patristics). Unlike the materialistic concepts of a onefold approach to the man, Dostoevsky offers twofold (or even threefold) concept dissecting corporeity through its most non-formalized manifestations. The body for Dostoevsky is both universal and unique. On the one hand, it complicates the corporeity conceptualization, but on the other hand, it enhances its importance in the writer’s works. The results of the research can be used to elaborate new non-reductionist interpretations of Dostoevsky’s literary legacy.

Keywords: death, disease, beauty, Patristic sources, Russian philosophy, Dostoevsky’s philosophy, corporeity, body, Dostoevsky, Dostoevsky’s philosophical discovery

References (transliterated)

1. Laut R. Filosofiya Dostoevskogo v sistematiceskem izlozenii. M.: Respublika, 1996. 447 s.
2. Bakhtin M.M. Izbrannoe. Tom 2. Poetika Dostoevskogo. M.; SPb. : Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. 512 s.
3. Golosovker Ya.E. Dostoevskii i Kant // Golosovker Ya.E. Zasekrechennyi sekret.

- Filosofskaya proza. Tomsk : Vodolei, 1998. 224 c.
4. Rozanov V.V. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo // Rozanov V.V. Sobranie sochinenii. T. 7. M. : Respublika, 1996. S. 7-135.
5. Bulgakov S.N. Ivan Karamazov kak filosofskii tip // Bulgakov S.N. Sochineniya v 2-kh tt. T. 2. M. : Nauka, 1993. S. 15-45.
6. Berdyaev N.A. Mirosozertsanie Dostoevskogo // Berdyaev N.A. Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoevskogo. M. : Izdatel'stvo «E», 2016. C. 311-510.
7. Mitropolit Ilarion (Alfeev). Evangelie Dostoevskogo. M. : Poznanie, 2022. 232 c.
8. Freid Z. Dostoevskii i ottseubiistvo // Freid Z. Khudozhnik i fantazirovanie. M. : Respublika, 1995. C. 285-294.
9. Gidini M.K. Dostoevskii. Vzglyad s Zapada // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Cerya: Filosofiya. – 2021. – T. 25. – №1. – C. 9-14. doi: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-9-14
10. Radishchev A.N. O cheloveke, ego smertnosti i bessmertii // Radishchev A.N. Polnoe sobranie sochinenii. T. 2. M., L. : Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1941. C. 39-142.
11. Sechenov I.M. Refleksy golovnogo mozga // Sechenov I.M., Pavlov I.P., Vvedenskii N.E. Fiziologiya nervnoi sistemy. Izbrannye trudy. Vypusk 1. M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoi literatury, 1952. C. 143-211.
12. Zen'kovskii V.V. Iстория russkoi filosofii. M. : Akademicheskii proekt, Raritet, 2001. 880 c.
13. Chernyshevskii N.G. Antropologicheskii printsip v filosofii. M. : Gospolitizdat, 1951. T. 3. C. 162 – 254.
14. Histoire du corps. Vol. 2: De la Révolution à la Grande Guerre. Sous la direction de: Alain Corbin, Jean-Jacques Courtine, Georges Vigarello. Points, 2011. 480 p.
15. Dostoevskaya A.G. Vospominaniya. M. : Boslen, 2015. 768 c.
16. Salvestroni S. Dostoevskij e la Bibbia. Magnano (Biella), Qiqajon – Comunità di Bose Publ., 2000. 277 p.
17. Prepodobnyi avva Ioann, igumen Sinaiskoi gory. Lestvitsa. M. : Danilovskii blagovestnik, 2013. 592 s.
18. Chistyakova O.V. Vostochnaya patristika o protivorechivosti cheloveka i obózhenii chelovechestva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2022. T. 38. Vyp. 4. S. 650-661.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.417>
19. Mel'nikov D.V. «Plot' i dukh» i rannie proizvedeniya svyatitelya Tikhona Zadonskogo kak osnova dlya ego sochineniya «Ob istinnom khristianstve» // Khristianskoe chtenie. 2018. №5. S. 38-50.
20. Svyatitel' Tikhon Zadonskii. Plot' i dukh // Svyatitel' Tikhon Zadonskii. Sobranie tvorenii v 5 tomakh. T. 1. M. : Izd-vo Sestrichestva vo imya svt. Ignatiya Stavropol'skogo, 2003. C. 639-794.
21. Dostoevskii F.M. Brat'ya Karamazovy. Roman v 4 ch. s epilogom // Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 30-ti tt. T. 14. Leningrad : Nauka, 1976. 511 c.
22. Dostoevskii F.M. Idiot // Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 30-ti tt. T. 8. Leningrad : Nauka, 1973. 511 c.